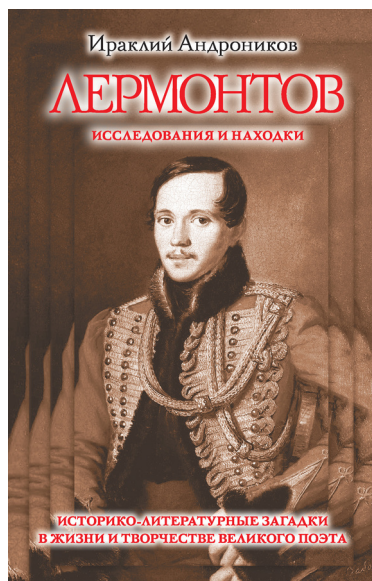

Ираклий Луарсабович Андроников Лермонтов. Исследования и находки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023605

Лермонтов. Исследования и находки / Ираклий Андроников.: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-078055-6

Аннотация

Ираклий Андроников – известный писатель и литературовед, выступавший со сцены и телеэкрана со своими «устными рассказами», героями которых были великие представители русской культуры прошлых лет и выдающиеся современники.

Изучению биографии и творчества М.Ю.Лермонтова Андроников посвятил всю жизнь, обнаружив поистине уникальные и сенсационные материалы. Если вам интересно узнать неизвестные страницы жизни поэта, заглянуть глубже в историю того времени, не ограничиваясь общеизвестными фактами, книга «Лермонтов. Исследования и находки» – для вас.

Содержание

От автора	4
«Лермонтов и его парт...»	6
1	6
2	12
3	14
4	17
5	23
6	29
7	35
8	40
9	47
«Бородино»	56
1	56
2	58
3	60
4	63
5	66
Исторические источники «Вадима»	69
1	70
2	72
3	74
Лермонтов и Н.Ф.И	84
1	84
2	86
3	90
4	92
5	94
6	96
7	97
8	98
9	100
10	103
11	106
Утраченные записки	110
1	110
2	112
3	114
4	115
5	117
6	120
7	122
8	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Ираклий Луарсабович Андроников Лермонтов. Исследования и находки

От автора

Могут спросить:

– Почему «исследования и находки»? Разве исследования не приводят к находкам, а находки не служат, в свою очередь, материалом для новых исследований?

Такой вопрос, в общем, будет вполне законным.

Дело, однако, в том, что в находке важно не только ее содержание, но и то, как она обнаружилась. Надобно сказать и о людях, которые вам помогли. И тут получается не просто исследование, а, скорее, репортаж или очерк в сочетании с исследованием. А это уже другое.

С каждым годом в нашей стране открываются неизвестные прежде возможности, способные оказывать влияние на технику исторического исследования. Если, скажем, вы ищете человека, у которого хранились когда-то ценные материалы, и не можете найти его в продолжение многих лет, обратитесь по телевидению к зрителям – и завтра вам будет известна или его судьба, или адрес. Посвятите в свои затруднения радиослушателей, и снова – результат не замедлит. В наше время в работе исследователя могут принять участие сотни и тысячи людей разных профессий, которые с величайшей охотой найдут для литературной науки те материалы, обнаружить которые не под силу не то что одному человеку, а, порою, и целому коллективу.

В этой книге рассказано, в частности, о том вкладе в наше лермонтоведение, которое в самое последнее время сделали читатели, телезрители, радиослушатели. Вы прочтете здесь о старом альбоме, подаренном медсестрой из города Серпухова, о неизвестном лермонтовском рисунке, который был открыт в Москве после телевизионной передачи о Лермонтове, о неизвестных автографах поэта, сообщенных сотрудницей Ленинградского института физиологии. Но кроме того, и о мемуарах, найденных с помощью французского хирурга, о лермонтовских реликвиях, хранившихся у мюнхенского искусствоведа, о неизвестных лермонтовских стихах, уцелевших в средневековом замке в Баварии, об изображении, обнаруженном в Швеции.

Из этих находок возникли работы «Утраченные записки», «Сокровища замка Хохберг», «Чудеса телевидения», «Пакет из Стокгольма», «Дар медсестры Немковой», «Неизвестная нам Мария», «Строки из писем 1841 года», «Лермонтов и его парт...». Заново написана глава о стихотворении «Бородино». Остальные печатались прежде в моих книгах «Лермонтов» («Советский писатель», 1951) и «Лермонтов в Грузии в 1837 году» («Советский писатель», 1955, «Заря Востока», 1958), но дополнены, пересмотрены, обновлены. Кроме последней, итоговой по характеру, решительно все главы построены на материалах, обнаруженных в продолжение ряда лет самим автором в архивах, музеях и библиотеках Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Киева, Баку, Пензы, Тамбова, Казани, Свердловска, Перми, Иванова, Горького, Саратова, Астрахани, Ставрополя, Пятигорска, Грозного, Нальчика, Орджоникидзе, Казбеги, Телави, Зугдиди...

«Когда роют клад, – писал Александр Блок, – прежде разбирают смысл шифра, который укажет место клада, потом «семь раз отмеривают» – и уже зато раз навсегда безошибочно «отрезают» кусок земли, в котором покоится клад. Лермонтовский клад стоит упорных трудов».

Советские ученые создали почву для исследования Лермонтова, «отмерили» ему место в истории литературы и, разгадывая зашифрованные страницы его жизни и творчества, продолжают «отрывать» лермонтовский клад.

Эта книга – попытка внести новое в наше представление об одном из величайших поэтов мира.

«Лермонтов и его парт...»

1

За несколько часов до смерти, испытывая невыносимые страдания, Пушкин спросил, кто находится в его доме.

– Много людей принимают в тебе участие, – сказал ему друг доктор Даль, – зала и передняя полны¹. – Ну, спасибо, – отвечал Пушкин.

– Мне было бы приятно видеть их всех, – добавил он, обращаясь к своему секунданту Данзасу, – но у меня нет силы говорить с ними².

Дом, где умирал Пушкин, был атакован публикой в такой степени, что друзьям пришлось обратиться в Преображенский полк с просьбой поставить у ворот часовых, чтобы соблюдать хоть какой-нибудь порядок. На набережной Мойки стояла густая толпа, загораживая все пространство перед соседними домами и перед квартирой поэта. К дверям почти невозможно было протиснуться.

Когда Пушкин скончался, тело стояло в доме два дня. Жуковский считал, что мимо гроба прошло более десяти тысяч. Другие утверждали, что двадцать тысяч прошло за день. Один из этих безвестных почитателей, проходя мимо гроба, сказал:

– Пушкин ошибался, когда думал, что потерял свою народность: она вся тут, но он ее искал не там, где сердца ему отвечали³.

Другой, когда послали узнать его имя, ответил:

– Пушкин меня не знал, и я его не видал никогда, но мне грустно за славу России⁴. В эти дни оправдались слова Пушкина, что имя и честь его принадлежат не ему одному, но принадлежат всей стране.

По словам современников, возле дома поэта в общей сложности перебивало в то дни около пятидесяти тысяч человек. Принимая во внимание численность тогдашнего населения столицы, нетрудно представить себе впечатление, какое произвели на правительство Николая I эти десятки тысяч – чиновников, офицеров, студентов, учеников, купцов, людей в нагольных тулупах и даже в лохмотьях. Такого в Петербурге еще не бывало. Напротив Зимнего дворца стояли на этот раз не войска, выведенные на площадь восставшими офицерами, а оскорбленный и возбужденный народ. В толпе слышались злоба и угрозы по адресу Дантеса и Геккерна. Раздаются голоса, что во время перевоза тела в Исаакиевский собор почитатели Пушкина отпрягут лошадей в колеснице и повезут ее на себе. Что в церковь явятся депутации от мещан и студентов и будут сказаны речи. Эти проявления горя и гнева кажутся «странными» не только царским агентам, но даже иностранным послам. Шеф жандармов готов видеть в этом манифестацию скрытых общественных сил. Вот почему гроб с телом Пушкина тайно, ночью, под конвоем жандармов препровожден в придворную церковь. Вот почему мертвого Пушкина отправляют из Петербурга в Михайловское тоже тайно и ночью и тоже в сопровождении жандарма.

Одному из ближайших друзей императора – графу Орлову вручено анонимное письмо. В нем сказано, что никакое самое строгое наказание Дантеса «не может удовлетворить рус-

¹ В. И. Даль. Смерть А. С. Пушкина. – «Пушкин в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1950, с. 460.

² К. К. Данзас. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. – Там же, с. 502.

³ «Тагильская находка». – «Новый мир», 1956, № 1, с. 190.

⁴ «Тагильская находка». – «Новый мир», 1956, № 1, с. 190.

ских за умышленное, обдуманное убийство Пушкина»⁵, – вот как расценил неизвестный автор обстоятельства гибели национального поэта России! Он жалуется на угрожающее политическое положение в стране, на «открытое покровительство и предпочтение чужеземцев», которое «день ото дня делается для нас нестерпимее»⁶. «Мы горько поплатимся за оскорбление народное и вскоре»⁷, – предупреждает сановника аноним, прося довести содержание письма до сведения императора.

Орлов немедленно переслал документ Бенкендорфу. «Это письмо очень важно, – написал Бенкендорф, – оно доказывает существование и работу Общества»⁸.

Тайного общества не существует. Но способ борьбы с общественным мнением предложен. Берутся под наблюдение пушкинские друзья. Все события трактуются как результат деятельности тайной партии, которую-де возглавлял Пушкин.

Обвинив друзей Пушкина – Жуковского, Вяземского, Александра Тургенева – в организации заговора, Бенкендорф получает возможность заранее пресекать любые проявления протеста, объявляя их действиями «либеральной» или «демагогической» партии.

– Вы считали меня если не демагогом, то какой-то вывеской демагогии, за которую прячутся тайные враги порядка, – оправдывается перед Бенкендорфом Жуковский⁹.

– Мне оказали честь, отведя первое место, – жалуется Вяземский брату царя¹⁰.

Друзья Пушкина стараются доказать, что никогда не замыслили против правительства, что устраивать Пушкину народные похороны не собирались, что Пушкин не был ни либералом, ни демагогом, а в зрелые годы стал человеком благонамеренным и умер, как подобает христианину и верноподданному. «Он был глубоко, искренне предан государю»¹¹, – стремится уверить царскую фамилию Вяземский. Ему вторит Жуковский. В своем известном письме о последних минутах Пушкина он изображает благостную кончину поэта, примирившегося с престолом и с богом.

Цель Бенкендорфа достигнута. Друзья поэта, лучше других угадывающие тайных виновников его гибели, сами невольно помогают создать образ официального Пушкина. В своей переписке они соблюдают предельную осторожность. И хотя Вяземский говорит, что Пушкина положили в гроб «городские сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургских салонов, безыменные письма»¹², он вынужден тут же напомнить, что это «не полная истина»¹³.

Полную истину во всеуслышание объявил человек, не принадлежавший к числу друзей Пушкина и даже лично с ним незнакомый. Это – Михаил Лермонтов, двадцатидвухлетний поэт, в ту пору еще почти никому не известный, вдохновленный ученик Пушкина, который относится к нему с благоговением и больше всего на свете любит «Евгения Онегина».

Журналист Андрей Краевский; писатель, ученый и музыкант Владимир Одоевский – сотрудники Пушкина по журналу. Лермонтов с ними на «ты». От этих людей он знает о Пушкине все, что говорят о нем в литературном кругу и в салонах, знает, каким горячим ядом облили благородное сердце Пушкина подлые анонимные письма...

⁵ А. С. Поляков. О смерти Пушкина. Пг., ГИЗ, 1922, с. 39.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ А. С. Поляков. О смерти Пушкина. Пг., ГИЗ, 1922, с. 39.

⁹ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е. М.—Л., ГИЗ, 1928, с. 252.

¹⁰ Там же, с. 267.

¹¹ Там же, с. 268.

¹² Письмо П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову от 5 февраля 1837 года. – «Пушкин в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1950, с. 130.

¹³ Там же.

Он не только знает – он не боится сказать, что был заговор против Пушкина, и пишет элегию – «Смерть Поэта». Нет, он не прибегает к метафорам, когда называет Пушкина «невольником чести», когда уверяет, что Пушкина погубили мнения завистливого и душевного света. Ничтожные клеветники, насмешливые невежды испытывали жестокую радость, видя, какое действие произвел на Пушкина анонимный пасквиль, нарочно разосланный его друзьям и знакомым. И хотя ненавистники маскируют лицемерными фразами и выражением фальшивых чувств свое истинное отношение к нему, Пушкин насквозь видит их и угадывает, что исполнители гнусной интриги – старый Геккерн и Дантес.

Этого наглого, самоуверенного француза Лермонтов встречал в компании, где собирались молодые кавалергарды Б. Перовский, князь А. Трубецкой и кирасир князь А. Барятинский – приближенные царской фамилии и закадычные приятели Жоржа Дантеса¹⁴. У Лермонтова достаточно ясное представление о нем: пустое сердце карьериста и презрение ко всему русскому.

Рукою этого любимца придворной знати, заброшенного в Петербург взрывом французской революции 1830 года, убит величайший поэт России, Европы, мира. Поэт, восхищавший Лермонтова гражданским мужеством, смелой проповедью свободы. Он назвал его «дивным гением», «нашей славой».

Он писал, и образы «Онегина» неотступно следовали за его мыслями. И прежде всего сцена дуэли:

«Ну, что ж? убит», – решил сосед.
Убит!..

И тотчас возникли строчки. Не о Ленском – о Пушкине.

Один как прежде... и убит!
Убит!..

А уж затем пришло сравнение Пушкина с Ленским:

... и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой¹⁵.

Размышляя о трагических событиях последних дней, он подумал, что каждый шаг Пушкина был известен жандармам, и безотчетно нарисовал в рукописи профиль начальника штаба жандармского корпуса Дубельта¹⁶. Потом переписал стихи набело и отдал Святославу Раевскому, который жил у него, – тот занимал должность столоначальника в департаменте. Наутро были изготовлены копии, и стихотворение прокатилось по Петербургу, – как эхо речей, которые раздавались в толпе, осаждавшей пушкинскую квартиру.

¹⁴ Э. Н а й д и ч. Пушкин и художник Г. Г. Гагарин. По новым архивным материалам. – «Литературное наследство», т. 58. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 274.

¹⁵ М. Ю. Лермонтов. Сочинения в 6-ти томах, т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, с. 85. Далее сокращенно: Лермонтов.

¹⁶ И. Фейнберг. Рисунок поэта. – «Литературный критик», 1940, № 2, с. 151–156.

Чувство глубокого горя, сознание национальной утраты выражены во многих стихотворениях, посвященных в те дни памяти Пушкина. Но голос протеста, обвинения по адресу света звучат только у Лермонтова.

Могут сказать: аноним, написавший графу Орлову, смело квалифицировал выстрел Дантеса как преднамеренное и обдуманное убийство. Но там вместо подписи выставлены инициалы. А фамилия «Лермонтов» прогремела на всю Россию. Там адресат один – граф Орлов. У Лермонтова – многие тысячи. Там пишет человек, оскорбленный в своем национальном достоинстве, который, однако, опасается народного гнева и хочет предостеречь императора через сановника с русской фамилией. Лермонтов ощущает национальную потерю еще острее, но он выступает от лица противоположного лагеря как обличитель придворной знати. Один пишет «мы», другой «вы»: «Мы горько поплатимся...» – «Не вы ль... так злобно гнали...». Стихотворение написано взволнованно, смело. Но это еще не все...

Гроб с телом Пушкина уже увезен в псковскую глушь и уже похоронен. А разговоры в Петербурге не умолкают. Распутываются нити интриг. Выясняются новые лица, повинные в гибели Пушкина. Пушкина нет, а покровители Дантеса не унимаются. И тогда Лермонтов добавляет к стихотворению строфу. В ней сказано, что гения убили палачи свободы и славы. Палачи декабристов сделались палачами Пушкина. Они окружают императорский трон. Им потакает царь, их защищают законы. И Лермонтов, обращаясь к ним, уже не говорит. Он кричит:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов...
Таитесь вы под сению закона!

О, эти строки воспринимались тогдашним читателем куда более конкретно, чем нынешним! В мои руки попал список лермонтовского стихотворения, сохранившийся в собрании Н. С. Дороватовского, научного сотрудника Московского университета, исходящий из круга лиц, близких к Герцену. Список относится к тем временам, когда создавался текст. На последней странице сделано интересное добавление, поясняющее, кого имел в виду Лермонтов, говоря о «наперсниках разврата» и о «надменных потомках». «Любимцы Екатерины II, – отметил для себя современник, переписавший лермонтовские стихи, – 1) Салтыков, 2) Понятовский, 3) Гр. Гр. Орлов (Бобринский их сын, воспитанный в доме истопника, а потом камергера Шкурина), 4) Высоцкий, 5) Васильчиков, 6) Потемкин, 7) Завадовский, 8) Зорич – 1776.

– У Елизаветы и Разумовского дочь кн. Тараканова. Убийцы Петра III: Орлов, Теплов, Барятинский. У Романа Воронцова 3 дочери: 1) Екатерина, любовница Петра III <ошибка: любовницей Петра III была Воронцова Елизавета>, 2) Дашкова, 3) Бутурлина... Любовница Павла Софья Осиповна Чарторыжская, у нее сын Симеон – 1796. Убийцы Ивана Антоновича Власьев и Чекин, заговорщик Мирovich».

Вот чьи потомки преследовали Пушкина! Их отцы достигли высокого положения при российском дворе и причислены к знати не за гражданские доблести, не за победы в сражениях и не за заслуги перед историей. Они достигли этого путем истребления, любовных связей, дворцовых интриг. Это – темные убийцы, готовые на все ради положения, богатства и власти.

Но о каких обломках говорит Лермонтов? Что значит «обиженных родов»? Про какую «игру счастья» сказано в стихотворении?

... Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!

А вот про какую!

Пушкины и другие древние фамилии, в продолжение многих веков служившие России верой и правдою, в 1762 году остались верны Петру III и со дня восшествия на престол Екатерины II впали в немилость, отстранены от государственных дел. А новая надменная знать – потомки временщиков, удушивших Петра III шарфом, а через сорок лет пристукнувших табакеркой Павла I, унижает и попирает тех, кто в грозный час проливал кровь на полях сражений, трудился на государственном поприще.

Попытки продажных писак унижить и умалить его род Пушкин ощущал не только как сословное, но и как национальное себе оскорбление, ибо Россию в правительстве Николая I представляли Нессельроде и Бенкендорфы, Клейнмихели и Сухозанеты, Дубельты и Адлерберги. И в своем стихотворении Лермонтов напоминает дворцовой клике о способах ее возвышения и о ее безродном происхождении. А кроме того, в стихотворении прозвучал протест человека, оскорбленного и в своем национальном достоинстве, – чужеземец убил Пушкина, проходимцы и чужестранцы подстрекали его.

Не только почитатели Пушкина поняли этот смысл лермонтовского стихотворения. Эти строки поняли те, кто ободрял Дантеса. Они узнали себя – графы Орловы и Бобринские, Воронцовы и Завадовские, князья Барятинские и Васильчиковы, бароны Энгельгардты и Фредериксы.

Узнали и поняли, чем угрожает им Лермонтов!

Вот почему такое значение приобретает вопрос, возникший снова несколько лет назад, как печатать строки:

Но есть, есть божий суд, наперсники разврата,
Есть грозный *судия*: он ждет; —

или:

Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный *суд*: он ждет; —

ибо вслед за словами «божий суд» «грозный судия» невольно ассоциируется с «судией небесным». А

...есть и божий суд...
Есть грозный суд... —

предполагает другое понимание – понимание в том смысле, в каком употреблялась поговорка «глас народа – глас божий» и который становится окончательно ясным из предпоследней строки:

И вы не смоете всей вашей черной кровью...

О чем говорит тут Лермонтов? О муках ада, где, по церковным представлениям, грешники горят в вечном огне?

Нет, он говорит не об огне, – он говорит о кровопролитии. А между адом и кровью нет никакой связи. И Лермонтов собирается сказать не о том, что гонителей Пушкина ждет кара «на том свете», он говорит о грядущем суде истории, о народной расправе, о революции, о часе, когда польется черная кровь убийц! Вдумайтесь: бог будет карать палачей свободы? В этом нет никакого смысла! В стихах другой смысл: убийц Пушкина покарает народ! Что же? – Лермонтов, давно уже угрожавший царям земным судом («Есть суд земной и для

царей»), предрекавший их гибель («Погибнет ваш тиран, как все тираны погибали») в стихах, где с такой конкретностью говорится о жадной толпе придворных искателей, окруживших императорский трон, от прямых угроз перейдет к напоминанию о наказании загробном? Нет! Это редактор П. А. Ефремов в 1873 году предложил чтение «судия», сославшись ошибочно на письмо однокашника Лермонтова по юнкерской школе А.М.Меринского, видевшего автограф, тогда как в письме Меринского к Ефремову никаких указаний насчет «судии» нет¹⁷.

Совсем не так понимали эти строки современники Лермонтова. Приятель поэта Павел Гвоздев, юнкер, сочинивший «Ответ М. Ю. Лермонтову на его стихи «Смерть Поэта» вскоре после гибели Пушкина – 22 февраля 1837 года – писал:

Не ты ль сказал: «есть грозный суд!»
И этот суд – есть суд потомства¹⁸.

«Суд потомства», восстание, революция... Толкование этих строк могло быть только одно. И Николай I с Бенкендорфом именно так их и поняли.

«Бесстыдное вольнодумство, более чем преступное», – написал про эти стихи шеф жандармов. «Приятные стихи, нечего сказать, – отвечал ему император. – ...Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону»¹⁹.

И судьба поэта предрешена!

Никогда ни в одной из литератур мира не бывало примера, чтобы один великий поэт подхватил знамя поэзии, выпавшее из руки другого, чтобы нести его по завещанному пути и сам пал бы на поединке с теми же силами. Смерть Пушкина и рождение Лермонтова-трибуна неразделимы.

¹⁷ Сочинения Лермонтова с портретом его... и статьей о Лермонтове А. Н. Пыпина, изд. 3-е... под редакцией П. А. Ефремова, т. I. СПб., 1873, с. 45 и 366. Текст «Смерти Поэта», восстановленный Г. А. Лапкиной, см. в изд.: Лермонтов, т. II, с. 84–86.

¹⁸ П. А. Гвоздев. Ответ М. Ю. Лермонтову на его стихи «На смерть Пушкина». – «Русская старина», 1896, № 10, с. 132.

¹⁹ С. Шостакович. Лермонтов и Николай I. – «Литературная газета», 1959, № 126, с. 3.

2

Удивительное стихотворение! По силе, смелости, злободневности, исторической значимости, новизне формы!

Первые строки – мысли вслух, раздумье, попытка осознать совершившееся. Затем – внезапное обращение:

Не вы ль сперва так злобно гнали?..
Что ж? веселитесь...

Обращение – к кому? Кто это «вы»?

Читатель должен сам угадать, о ком и о чем идет речь, кто «он», кто «они». *Он* не мог понять, на что *он* подымал руку.

И *он* убит. *Он* вступил в свет. *Они* надели на него терновый венец. *Его* последние мгновения отравлены. *Он* умер... И опять: «*Вы...*»! Но теперь это обращение уже развернутое: потомки подлецов, рабы, жадная толпа, царедворцы, палачи, наперсники разврата, черная кровь.

Ни одного имени! Предыстория предполагается известной. Обстоятельства, при которых погибает поэт, – тоже. И тем не менее все понятно! Не только современникам, но и нам, хотя уже идет второе столетие. Вот что такое – значимость темы!

Существует распространенное мнение, что вещь, новаторская по существу и по форме, недоступна восприятию современников, что правильно может оценить ее только будущее.

«Смерть Поэта» не согласуется с этой концепцией. Лермонтову не пришлось ожидать одобрения потомства. Современники, разделившие с ним скорбь о Пушкине, высоко оценили эти стихи в те самые дни, когда они стали распространяться по городу. Уже через несколько дней строки из «Смерти Поэта» входят в повседневную речь, цитируются в дружеских письмах, экземпляры стихотворения пересылаются из Петербурга в Москву, в Псков, в Симбирск, в Казань, в Париж, в село Михайловское... Это те, что знаем мы: адресов было неизмеримо больше...

«Стихи Лермонтова прекрасные», – записывает в дневник А. И. Тургенев 2 февраля 1837 года²⁰.

«Из появившихся стихов на его смерть, – уведомляет Н. И. Любимов М. П. Погодина 3 февраля в письме о Пушкине, – замечательнее прочих Лермонтова»²¹.

«Я сейчас получил стихотворение на См<ерть> Пуш<кина>, написанное одним из наших однокашников, лейб-гусаром Лермонтовым, – сообщает М. И. Ханенко неустановленному лицу. – Оно написано на скорую руку, но с чувством. Знаю, что будешь рад, и посылаю его тебе, прочтите с Петром Д<емьяновичем> и вспомните нас» (5 февраля)²².

«Для чего не последовал он влечению своего сердца», – обращается А. И. Тургенев к П. А. Осиповой 10 февраля, вернувшись из Михайловского, куда ездил хоронить Пушкина. И перефразирует строчку Лермонтова: может быть, «*звуки чудных песен*» еще бы не замолкли! «Я уверен, что они и вам так же понравятся, как здесь всем почитателям и друзьям поэта»²³, – добавляет он, прилагая к письму стихи.

²⁰ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е. М.—Л., ГИЗ, 1928, с. 293.

²¹ «Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей». – М., «Никитинские субботники», 1931, с. 313. Публикация М. А. Цявловского.

²² «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина». – Пг., «Атеней», 1924, с. 115–116. Публикация М. А. Цявловского.

²³ Б. Л. Модзалевский. Поездка в с. Тригорское в 1902 году. – «Пушкин и его современники», вып. I. СПб., 1906, с. 53–56.

«...многоглаголанье и многописание, – отвечает ему П. А. Осипова, – все выйдет к чему теперь рыдания и жалкий лепет оправдания. Но ужас берет, когда вспомнишь всю цепь сего происшествия»²⁴.

«Они так хороши по своей правдивости и по заключенному в них чувству, что мне хочется, чтобы ты их знал»²⁵, – обращается С. Н. Карамзина к брату Андрею Карамзину 10 февраля, направляя в Париж стихи Лермонтова.

«Посылаю стихи, кои достойны своего предмета, – уведомляет А. И. Тургенев псковского губернатора А. Н. Пещурова 13 февраля. – Ходят по рукам и другие строфы, – продолжает он, – но они не этого автора и уже навлекли, сказывают, неприятности истинному автору»²⁶. Заметим: первое упоминание о прибавлении к стихам находится в письме от 13 февраля. 17-го о нем пишет Александр Карамзин, сообщая, что читал стихотворение «гусара Лермонтова», «по-моему прекрасное, – замечает он, – кроме окончания, которое, кажется, и не его»²⁷.

28 февраля стихотворение направляется в Париж – декабристу Н. И. Тургеневу, с присовокуплением «преступной» строфы, которую А. И. Тургенев узнал «после самих стихов»²⁸.

«Как это прекрасно, Катишь, не правда ли, – восклицает подруга Е. Ф. Тютчевой, М. Степанова, вписывая ей в альбом стихотворение Лермонтова. – Но, пожалуй, чересчур вольнодумно»²⁹.

Первоначальный текст стихотворения встречает единодушное одобрение. Прибавление к стихам настораживает читателей, даже таких, казалось бы, независимых в своих мнениях о верхушке великосветского общества, как Александр Николаевич Карамзин. Но ни у кого решительно не возникает разноречия в том, кому адресована строфа, получившая наименование «преступной».

«Мишенька по молодости и ветрености, – убивается бабка поэта Е. А. Арсеньева, – написал стихи на смерть Пушкина и в конце написал не прилично на счет придворных»³⁰.

«Здесь носится слух, – вписывает в дневник саратовский гимназист А. И. Артемьев, – будто какой-то капитан написал стихи на смерть А. С. И зацепил там вельмож»³¹.

Всем ясно – Лермонтов бросил вызов именитой знати, самым высокопоставленным сановникам в государстве, любимцам царя.

²⁴ А. А. Ф о м и н. Новые материалы для биографии Пушкина (из Тургеневского архива). – «Пушкин и его современники», вып. VI. СПб., 1908, с. 80.

²⁵ «Тагильская находка». – «Новый мир», 1956, № 1, с. 194.

²⁶ «Пушкин и его современники», вып. VI, с. 113.

²⁷ «Тагильская находка». – «Новый мир», 1956, № 1, с. 195.

²⁸ «Пушкин и его современники», вып. VI, с. 89.

²⁹ Ив. Розанов. Пушкин в поэзии его современников. – «Литературное наследство», т. 16–18. М., Жургазобъединение, 1934, с. 1037.

³⁰ А. Н. М и х а й л о в а. Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова. – «Литературное наследство», т. 45–46. М., Изд-во АН СССР, 1948, с. 672.

³¹ «Пушкин в неизданной переписке современников». – «Литературное наследство», т. 58, с. 142.

3

Но от кого знает Лермонтов о ненавистниках Пушкина, об анонимных письмах, о душевных страданиях поэта, которые отвлекают его от занятий поэзией?

Арестованный за распространение стихов Святослав Афанасьевич Раевский пытается объяснить возникновение стихов городскими слухами о безымянных письмах, возбуждавших ревность Пушкина и...

Тут следует обратить внимание на удивительную осведомленность автора показаний: «...мешавших ему заниматься сочинениями в октябре и в ноябре (месяцы, которые, по слухам, Пушкин исключительно сочинял)»³².

Нет, не по слухам известно все это Лермонтову, а через него Святославу Раевскому. Это известно из разговоров с людьми, хорошо знавшими Пушкина, постоянными его собеседниками. Мы назвали Краевского и Владимира Одоевского.

Да. Несомненно. Но, кроме них, были другие.

Прежде всего надо назвать знакомую Лермонтова, имя которой в лермонтовской литературе упоминалось только однажды – в одной из моих газетных статей. Хотя сведения о ее знакомстве с Лермонтовым появились в начале века.

Это Екатерина Алексеевна Долгорукая (1811–1872) – дочь историка и археографа Алексея Федоровича Малиновского, директора московского архива иностранных дел, у которого служили «архивные юноши», упомянутые в «Евгении Онегине».

«Княгиня получила отличное книжное образование, – пишет о Е. А. Долгорукой издатель исторического журнала «Русский архив» П. И. Бартенев. – ...Впоследствии она подружилась с Лермонтовым, товарищем ее мужа князя Ростислава Алексеевича по службе их в Царскосельском лейб-гусарском полку, и с Пушкиным, супруга которого была московскою подругою ее молодости. Лермонтов раскрывал перед ней тайны души своей, а от умиравшего Пушкина не отходила она по целым часам и, стоя на коленях у его ложа, слышала его последние заветы жене и друзьям... Под очарованием ее беседы пропадало впечатление внешней невзрачности, и с нею можно было проводить целый ряд часов достопамятных»³³.

«Женщина необыкновенного ума и многосторонней образованности, – добавляет П. И. Бартенев в другом примечании, – ценимая Пушкиным и Лермонтовым (художественный кругозор которого считала она шире и выше пушкинского)»³⁴.

И снова:

«Покойная княгиня Е. А. Долгорукая, женщина отличного образования и душезнания, передавала мне, что Лермонтов в запросах своих был много выше и глубже Пушкина»³⁵.

Это суждение современницы очень существенно: у нас больше характеристик, оставленных врагами поэта. И не так уж много в мемуарной литературе о нем таких смелых и восторженных отзывов.

От этой женщины, так высоко его ставившей, с которой разговаривал он столь откровенно, Лермонтов мог знать решительно обо всем, что происходило с Пушкиным. Ибо стихотворение обнаруживает не только любовь его к Пушкину, не только глубочайшее понимание общественной трагедии и трагедии самого Пушкина, но и точное знание всех обстоятельств

³² «Дело по секретной части Военного министерства... о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским. На 44-х листах». – ИРЛИ, ф. 524, оп. 3, № 9. Далее: «Дело о непозволительных стихах...»

³³ «Русский архив», 1912, кн. III, с. 86–87.

³⁴ «Русский архив», 1908, № 10, с. 295.

³⁵ «Русский архив», 1911, кн. III, с. 160.

дуэли и преддуэльных дней. Не зная Пушкина лично, Лермонтов и его приятель Раевский принадлежат к числу его лучших друзей!

Множество нитей протянуто между Лермонтовым и его любимым поэтом. В лейб-гусарском полку вместе с ним служит брат жены Пушкина Иван Гончаров. С Пушкиным постоянно встречаются другие его сослуживцы – лейб-гусары Ираклий Баратынский, Абамелек, Герздорф, граф Васильев³⁶. Однокашник Пушкина по Лицею Сергей Ломоносов – посланник в Бразилии – навещает своего брата, лейб-гусара Ломоносова Александра. Лермонтов даже изобразил их обоих на своем рисунке «Бивуак лейб-гвардии Гусарского полка под Красным Селом»...³⁷

Пушкина знает полковник Н. И. Бухаров³⁸, которого мы, в свою очередь, знаем по стихотворным портретам Лермонтова:

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев... —

и:

Смотрите, как летит, отвагою пылая...

С Пушкиным знаком ветеран лейб-гусаров генерал М. Г. Хомутов. «Я уважаю, люблю его», – говорил Пушкин о Хомутове, вспоминая дни, когда лицеистом он проводил время в Царскосельском гусарском полку, который, по словам поэта, «был его колыбелью», Хомутов же в ту пору был его «ментором»³⁹.

Хомутов вступил в полк, когда в нем еще служили П. Я. Чаадаев, П. П. Каверин, Н. Н. Раевский, с которыми Пушкин дружил, А. Г. Чавчавадзе...

Для Лермонтова – все это живая история: имена ветеранов полка являются в разговорах, старшие офицеры вспоминают прежние годы. Недаром Лермонтов в «Герое нашего времени» повторил поговорку «одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным». Это была поговорка Каверина⁴⁰.

И не случайно упоминание Пушкина в лермонтовской поэме «Монго», адресованной читателям – лейб-гусарам:

Тут было шуток, смеху было!
И право, Пушкин наш не врет,
Сказав, что день беды пройдет,
А что пройдет, то будет мило...

Вообще, тема «Пушкин в его связях с лейб-гусарским полком и Лермонтов» никем не исследована. А между тем и она может в известной мере осветить малоизученное время – от перехода Лермонтова в военную службу до стихов на смерть Пушкина, когда из глубоко субъективного поэта, понятного до конца только узкому кругу друзей, посвященных в собы-

³⁶ «Тагильская находка». – «Новый мир», 1956, № 1, с. 170; П. Б. [а р т е н е в]. Из записной книжки. – «Русский архив», 1912, кн. II, с. 516.

³⁷ Н. П. П а х о м о в. Живописное наследство Лермонтова. – «Литературное наследство», т. 45–46, с. 101.

³⁸ [П. П. Левицкий]. А. С. Пушкин и Н. И. Бухаров. – «Русская старина», 1899, № 9, с. 531–535.

³⁹ Е. Р о з е. Анна Григорьевна Хомутова (Биографический очерк). – «Русский архив», 1867, № 7, стлб. 1067–1068.

⁴⁰ С. Н. Дурылин. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М., Учпедгиз, 1940, с. 233.

тия его внутренней жизни, Лермонтов стал выразителем взглядов и чувств лучшей части целого поколения.

4

Да, нам понятно и вольнолюбие этих стихов, и конкретный их смысл, и необыкновенная форма. Но в какой день они созданы? При каких обстоятельствах? Когда возникло «прибавление» к стихам? Как и через кого распространялось стихотворение Лермонтова? Побывал ли он возле гроба поэта или, как написано в его «Объяснении», не выходил по болезни из дому?

В показаниях Лермонтова и Святослава Раевского точных ответов на эти вопросы нет. И это не удивительно. Молодые люди нового, последекабристского поколения, они учитывают несчастный опыт своих предшественников. Для них уже ясно, что откровенное признание не послужит к смягчению кары, – наоборот, повлечет за собою суровое наказание. Не ложь, а умолчание, общие фразы, помогающие избежать нежелательных вопросов, – вот их новая тактика перед судом.

Ошибка биографов в том, что они воспринимали «Объяснения» по делу о стихах на смерть Пушкина как документы, воссоздающие истинную историю создания и распространения этого удивительного по смелости стихотворения. Между тем ни Лермонтов, ни Раевский не были заинтересованы в том, чтобы комментировать перед всесильным генералом Клейнмихелем и без того очевидный политический смысл стихов, особенно заключительных строк. Им важно обойтись без имен, отвести правительство от мысли о новом заговоре, ослабить конкретность заключительного шестнадцатистишия. И найти для этого удовлетворительную причину.

«Я был еще болен, – написал Лермонтов в своем «Объяснении», – когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина»⁴¹.

Про то же написал и Раевский. Но не сразу решил, как лучше определить срок этой болезни: «<В последнее> – начал и зачеркнул он, – <с К> [Крещения? – И. А.]... Нет! <(кажется, с ноября месяца) время, когда Лермонтов по болезни выезжать не мог>»⁴².

Перебеляя свои показания, Раевский этот срок увеличил:

«3 месяца, когда Лермонтов по болезни не выезжал»⁴³.

Возникает вопрос: был ли он болен?

24 декабря 1836 года, как значится в месячных отчетах лейб-гвардии Гусарского полка, Лермонтов простудился и по болезни отпущен домой⁴⁴. Другими словами, живет в Петербурге в квартире, которую снимает его бабка Е. А. Арсеньева и где живут вместе с ним его друг Святослав Афанасьевич Раевский, родственник, воспитанник артиллерийского училища Аким Шан-Гирей, и еще один родственник – поручик Драгунского полка Николай Юрьев, которому следует находиться в новгородских поселениях в полку, чему он предпочитает жизнь в столице.

Судя по всему, болезнь Лермонтова служила только предлогом для получения отпуска. И когда, после его ареста, в лейб-гусарском полку началось расследование порядка выдачи отпусков, выяснилось, что корнет Лермонтов и поручик граф Алопеус проживали в столице «долгое время почти постоянно» и что командир полка об этом не знал и сам «отозвался, что офицеры сии не «спрашивали у него разрешения на проживание в столице и он такового им не давал»⁴⁵.

⁴¹ «Дело о непозволительных стихах...», л. 24.

⁴² Там же, л. 14 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ В. А. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – См. Лермонтов, т. VI, с. 812.

⁴⁵ П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. I. Л., «Прибой», 1929, с. 260 и 261.

Если бы разрешение о поездке в столицу каждый раз отдавалось в приказ, командиру полка оправдаться было бы невозможно. Значит, речь идет об отпусках неоформленных, на которые командование смотрело «сквозь пальцы». Поэтому можно полагать, что и в январе 1837 года Лермонтов болен не был, но сказался больным, чтобы получить освобождение от службы. Во всяком случае, мы не можем пренебрегать рассказами современников, которые вспоминали, что Лермонтов не только выходил в эти дни из дому, но побывал на Мойке, возле квартиры Пушкина.

Первое свидетельство крайне неточно. И получаем мы его не из «первых рук», а из третьих. И тем не менее нет никакого сомнения, что нечто похожее было в действительности.

В 1938 году в Ленинграде умер Александр Иванович Никольский. До революции он служил в Генеральном штабе, в советское время состоял членом общества «Старый Петербург – Новый Ленинград», занимался собиранием материалов для биографий артистов петербургских театров и, специально, историей Моховой улицы, где, начиная с XVIII столетия, жили многие из актеров.

С поражающей скрупулезностью, бесполезной для целей научных, выяснял он историю каждого дома по Моховой, каждой квартиры, которые занимали в разное время ученые и министры, литераторы и актеры, чиновники и банкиры. Жилую площадь записывал точно, с соблюдением сотых частей квадратного метра, отмечал перепланировки комнат.

Дойдя до дома № 11 (по старой нумерации № 6 Литейной части 2-го участка) на углу Моховой и Пантелеймоновской (ныне улицы Пестеля), А. И. Никольский выяснил, что тут жила солистка петербургского балета Варвара Волкова, что родилась она в 1816 году, обучалась танцам в театральной школе, по выходе из которой определена в балетную труппу петербургского Большого театра и вскоре зачислена на положение солистки.

Волкова отличалась выдающейся красотой и сложением, была изящна и грациозна. Ее заметил Николай I. С тех пор она неизменно пользовалась царским расположением. Наконец, она увлеклась поручиком лейб-гвардии Гусарского полка Дмитрием Якимовичем Пономаревым, поселилась на Моховой и жила с ним открыто, принимая у себя большое общество.

29 января 1837 года Волкова пригласила гостей на «вишни и землянику», которые были доставлены ей из-за границы в мальпостях. В числе приглашенных находились великий князь Александр (будущий Александр II) и братья его – Константин и Николай Николаевичи. «В разгар вечера, – сообщает Никольский, – приехал бывший тогда больным поэт М. Ю. Лермонтов (тоже был приглашен) и сообщил печальное известие о смерти А. С. Пушкина. Сообщение это произвело на присутствующих такое впечатление, что тотчас же все разъехались»⁴⁶.

Дальнейшая судьба Волковой нам уже не так интересна. После смерти Д. Я. Пономарева (он утонул, катаясь вместе со своими гостями по озеру около своей ярославской усадьбы) она вернулась в балет, прибегнув к протекции императора, к каковой и впоследствии обращалась неоднократно. По миновании срока службы на сцене учила балетных воспитанниц и, наконец, в 1858 году, выйдя на пенсию, поселилась в семье известной петербургской танцовщицы Марии Соколовой-Ковальковой. Умерла Волкова в 1898 году. Погребена на Смоленском кладбище⁴⁷.

Эту биографическую справку Никольский составил на основании дел театральной дирекции, хранящихся в Ленинградском историческом архиве, и «личных воспоминаний» дочери М. П. Соколовой-Ковальковой – Александры Александровны Галумовой.

А. И. Никольский был человек одинокий. Его бумаги после смерти его доставила в Пушкинский дом знакомая с ним О. И. Лешкова, сотрудница Некрополя Александров-Нев-

⁴⁶ ИРЛИ, ф. 593.

⁴⁷ ИРЛИ, ф. 593.

ской лавры, скончавшаяся во время ленинградской блокады. Адрес А. А. Галумовой, воспоминаниями которой воспользовался Никольский, отмечен в книге «Весь Петербург на 1917 год»: «Конногвардейский переулок, д. № 3». Но ни самое Галумову, ни воспоминаний ее в ленинградских архивах отыскать мне не удалось. Но после выхода в свет первого издания этой книги ленинградка К. П. Ремезова сообщила мне, что А. А. Галумова умерла в 1928 или в 29-м году. О судьбе архива ее ничего не известно, – вероятнее всего, он погиб. Неизвестно также, писала ли она свои мемуары. Фраза Никольского: «личные воспоминания» – скорее говорит о том, что эти сведения были записаны с ее слов. Но независимо от того, записаны были воспоминания или сообщены Никольскому устно, есть все основания считать, что сведения, которые касаются личной жизни Варвары Волковой, идут от нее самой. В доме родителей А. А. Галумовой Волкова прожила ровно сорок лет – с 1858 по 1898 год. И все, что Галумова пересказала Никольскому, она слышала от Волковой, разумеется, не один раз.

Итак, надо думать, что перед нами рассказ Волковой в передаче Галумовой, записанный А. И. Никольским. Попробуем оценить этот текст.

Некоторые сведения в рассказе совершенно точны. Другие кажутся мало правдоподобными. Так, на званом вечере Волковой, кроме девятнадцатилетнего наследника (Александра II), присутствуют младшие сыновья Николая I Константин и Николай, которым в 1837 году было всего шесть лет и десять. Проверить, что они делали вечером 29 января 1837 года, трудно. Заглянуть в дневник Александра II и посмотреть в нем запись за это число довольно легко. Я просмотрел и его дневник, и дневник его воспитателя полковника С. А. Юрьевича⁴⁸. В обеих записи о гибели Пушкина сопровождаются «искренним сожалением о невознаградимой потере необыкновенного таланта» (для истории!). Но ради той же истории в дневники внесены только такие факты, которые должны потом послужить материалом для жизнеописания монарха. Записи о посещении танцовки Волковой в дневниках не находим, хотя вечер наследника ничем не заполнен.

Тем не менее гораздо проще предположить, что сыновья императора приезжали к Волковой не в 1837 году, а в совершенно другое время, когда и младшие были уже не детьми, и что здесь произошло характерное смещение событий во времени, хронологическая «контаминация», соединившая два вечера в один вечер, – частая ошибка памяти, в данном случае, вероятно, не Волковой, а Галумовой.

Зато все, что касается Пономарева, передано вполне достоверно. Он был товарищем Лермонтова еще по юнкерской школе, выпущен годом раньше в тот же самый Гусарский лейб-гвардии полк⁴⁹. Юнкера окрестили его «Камашкой»⁵⁰ – именем, которое пристало к нему на всю жизнь. Крупный помещик, один из самых богатых офицеров полка, Пономарев в 1837 году снимал квартиру в Петербурге Литейной части в 13-м квартале в доме № 6 по Пантелеймоновской улице, что на углу Моховой⁵¹. Имение его находилось в Ярославской губернии, умер он, утонув в озере⁵². Этих сведений Никольский добыть из печати не мог – все это находки последнего времени. Да и ссылается он на дела Исторического архива и воспоминания Галумовой.

Что справку свою он построил на мемуарах, видно и по тому, что несколько слов в его записи выделены кавычками, то есть представляют собою дословную передачу чужого текста.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 687, № 286, л. 180 и ф. 1132, оп. 32, л. 31 об.

⁴⁹ В. Потто. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. СПб., 1873, Приложения, с. 59.

⁵⁰ «Заметки П. А. Висковатова». – ИРЛИ, ф. 524, оп. 3, № 93.

⁵¹ К. Н и с т р е м. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837, с. 1020.

⁵² «Заметки П. А. Висковатова». – ИРЛИ, ф. 524, оп. 3, № 93.

Как отнестись к сообщению о том, что Лермонтов появился на вечере, который устраивал его однополчанин Дмитрий Пономарев?

Думается, что отвергнуть это сообщение было бы так же неправильно, как и безоговорочно принять все подробности. Неточность, а тем более намеренный вымысел со стороны А. И. Никольского, исключаются. Достаточно взглянуть в его записи, поражающие и даже приводящие в недоумение своей преувеличенной точностью.

Может быть, это вымысел А. А. Галумовой?

Не похоже! Для этого нужно было знать и адрес Пономарева, и то, что он служил в одном полку с Лермонтовым, и что Лермонтов в январе 1837 года считался больным и все же был приглашен на «землянику и вишни», доставленные из-за границы в мальпостах, как назывались кареты, перевозившие почту и пассажиров.

Может быть, следует допустить, что это неточность Волковой, вспоминаяшей на девятом десятке события, происходившие, когда ей было всего двадцать лет?

Тоже возможно. Но кажется, ясно одно: реальное событие искажено передачей, но в основе рассказа лежит действительный факт.

Во всяком случае, нам следует знать, что такое предание существовало.

С гораздо большей уверенностью можно воспринимать другое сообщение: о том, что Лермонтов, узнав об опасном положении Пушкина, приезжал на Мойку, чтобы справиться о его здоровье. Это сведение промелькнуло в печати до революции, но оставлено без внимания. Между тем оно нисколько не уступает свидетельствам других современников, которые пользуются совершенным доверием.

1 октября 1913 года перед Николаевским кавалерийским училищем в Петербурге, преобразованном из юнкерской школы, в которой учился Лермонтов, состоялась закладка памятника в связи с приближавшейся годовщиной со дня рождения поэта. Во время церемонии слово взял знаменитый ученый – почетный член Академии, географ и путешественник восьмидесятишестилетний П. П. Семенов-Тянь-Шанский, обучавшийся некогда в той же юнкерской школе.

«Я единственный из присутствующих, – произнес он, заключая свое выступление, – знавший и видевший Лермонтова. 10-летним мальчиком дядя возил меня в дом умиравшего Пушкина, и там у гроба умершего гения я видел и знал великого Лермонтова»⁵³.

Передано все крайне неточно, но сомневаться в том, что это было в действительности, нет никаких оснований.

Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский – сын члена Союза благоденствия и литератора Петра Николаевича Семенова – остался сиротой пяти лет⁵⁴. Воспитание мальчика взял на себя его дядя – цензор Василий Николаевич Семенов, товарищ Пушкина по Лицею (он был второго выпуска). Вместе с дядей – В. Н. Семеновым и ездил прощаться с Пушкиным будущий академик.

Вчитываясь в краткий рассказ престарелого сановника и ученого, надо помнить, что перед нами не стенограмма, а репортерский отчет, писанный кем-то из воспитателей Николаевского училища и напечатанный в юбилейном сборнике.

И приписывать выступавшему академику нелепости дежурного офицера мы не вправе. Фразы, конечно, неясные: «Дядя возил меня в дом умиравшего... и там у гроба умершего гения я видел и знал великого Лермонтова».

В дом к умиравшему Пушкину не пускали. В доме умиравшего нельзя было видеть умершего. «Знавал» слово тоже весьма приблизительное, потому что в лучшем случае

⁵³ «М. Ю. Лермонтов. 1814–1914», издание комитета по сооружению при Николаевском кавалерийском училище памятника М. Ю. Лермонтову. СПб., 1914, с. 49.

⁵⁴ «Восстание декабристов». Материалы, т. VIII, «Алфавит декабристов». Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925, с. 394.

встреча была однократной. А вернее всего, что слова «у гроба умершего гения» надо понимать как выражение метафорическое и Семенов-Тянь-Шанский просто стоял в толпе возле дома.

О закладке памятника великому поэту должны были появиться отчеты в тогдашних газетах. И действительно, записи других репортеров уточняют текст выступления. Газета «Речь» изложила дело несколько по-другому: становится понятным, что это было до смерти Пушкина.

«В первый раз он увидел Лермонтова, – излагает репортер «Речи» выступление ученого, – когда умирал Пушкин. Дядя П. П. Семенова-Тянь-Шанского, товарищ Пушкина, взял его с собою, когда поехал узнать о состоянии здоровья поэта. Здесь они встретились с М. Ю. Лермонтовым»⁵⁵.

В тех же словах изложила выступление газета «Современное слово»⁵⁶.

«Биржевые ведомости» тот же рассказ передали по-своему.

«Интересную речь, – пишет газета, – произнес старейший воспитанник училища, член Государственного совета Семенов-Тянь-Шанский. Он вспомнил, что в свое время его отец <так! – И. А.> повез его на квартиру А. С. Пушкина, где познакомил с М. Ю. Лермонтовым»⁵⁷.

Из сопоставления всех этих крайне несовершенных записей становится очевидным: В. Н. Семенов возил десятилетнего племянника не прощаться с Пушкиным; ездили справиться о здоровье. И здесь, возле дома Пушкина, видели Лермонтова. Значит, в дни, когда умирал Пушкин, Лермонтов возле дома на Мойке был. Речь записали несколько репортеров: газетной «уткой» это считать нельзя. И хотя внучка ученого художница В. Д. Болдарева не помнит такого рассказа, она решительно заявляет, что дед был «очень строг в передаче фактов и никаких вымыслов не допускал». Таким образом, истина этих слов – вне сомнений. Но главное доказательство даже не в этом, а в том, что Лермонтов, если только он не был болен и выходил из дому, *не мог не побывать* у Певческого моста на Мойке! И это, пожалуй, самый существенный аргумент в пользу рассказчика.

Как в основе былины лежит подлинный факт, изукрашенный народной фантазией, так и в этих откликах, которые мы привели, несмотря на неубедительность передачи, исследователь имеет право угадывать подлинное событие. До сих пор биографы Лермонтова слишком доверчиво относились к версии о болезни, не обращая внимания на факты, противоречившие объяснениям, написанным в расчете на судей. Как-то даже и не подумали, что отлучка из полка без разрешения начальства, о которой стало известно царю, в глазах Лермонтова и Раевского была в тот момент не многим лучше стихов и настолько усугубляла вину, что болезнь казалась единственным удовлетворительным оправданием – и жизни в столице, и «нестройного столкновения мыслей», вследствие чего возникли «непозволительные» стихи, и способом отвести от себя подозрения, что он, Лермонтов, в эти дни виделся с кем-то и выступает в стихах не только от своего имени.

Хорошее правило использовать документы, не внушающие сомнения в их подлинности, и отбрасывать тексты недоброкачественные, в данном случае непригодно. Потому что показания, предназначенные для судей, хотя и писаны рукою Лермонтова, не более достоверны в отношении фактов, нежели впечатления десятилетнего отрока. Поэтому будем считать, что до нас дошли искаженные временем и способом передачи рассказы, свидетельствующие о том, что Лермонтов в те дни мог выходить из дому и был в толпе возле дома, где умирал Пушкин. Оценивая документы, на основании которых нам приходится судить о

⁵⁵ «Речь», 1913, № 269.

⁵⁶ «Современное слово», 1913, № 2059.

⁵⁷ «Биржевые ведомости», утренний выпуск, 1913, № 13781.

сочинении и распространении стихов на смерть Пушкина с точки зрения их достоверности, мы не можем пренебрегать даже молвой.

А уж если говорить о молве, то нужно упомянуть и о тех случаях, которые привел в своем донесении прусский посланник при петербургском дворе Либерман. Народное сочувствие Пушкину он объяснил своему правительству той популярностью, которую поэт приобрел «благодаря идеям новейшего либерализма»⁵⁸.

«Я знаю положительно, — писал Либерман, — что под предлогом пылкого патриотизма в последние дни в С.-Петербурге произносятся самые странные речи, утверждающие, между прочим, что г. Пушкин был чуть ли не единственной опорой, единственным представителем народной вольности и проч. и проч., и меня уверяли, что офицер, одетый в военную форму, произносил речь в этом смысле, посреди толпы людей, собравшихся вокруг тела покойного в доме, где он скончался»⁵⁹.

На эти строки обратил внимание покойный профессор Б. В. Казанский и вспомнил при этом Лермонтова. Однако мне кажется, что до Либермана дошел искаженный слух. На самом же деле в толпе пришедших проститься с Пушкиным говорили, что какой-то офицер прославляет его как поэта «вольного сердца». Не поняв, что дело идет о стихах, Либерман или тот, кто рассказывал ему, превратил стихи в речь, которую офицер произнес в доме Пушкина.

Для нашей темы в этом донесении важно другое.

Если мы примем, что в этом донесении от 2 февраля 1837 года искаженно отразилась молва о стихах, у нас будут основания считать, что 30 и 31 января, когда гроб с телом Пушкина стоял в квартире на Мойке, стихотворение Лермонтова было уже известно.

⁵⁸ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е. М.—Л., ГИЗ, 1928, с. 407.

⁵⁹ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е. М.—Л., ГИЗ, 1928, с. 407.

5

Еще в 1939 году литературовед И. А. Боричевский, автор содержательнейшей статьи «Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией»⁶⁰ обратил внимание на хранящуюся в деле о стихах на смерть Пушкина неопубликованную копию черновика «Объяснения» Раевского. Документом этим исследователи не пользовались, а между тем в нем оказались сведения, не попавшие в окончательный текст, который Раевский подал генералу Клейнмихелю. Однако и Боричевский не отметил всех фактов, которые устанавливаются из сопоставлений беловика и черновика. Поэтому, внимательно их сличая, можно будет извлечь кое-что новое.

С величайшей осторожностью формулирует Раевский каждый пункт своего «Объяснения». Кроме себя и Лермонтова, он упоминает только родственника поэта Николая Аркадьевича Столыпина. Это брат Монго Столыпина – друга поэта, чиновник министерства иностранных дел, сотрудник графа Нессельроде и завсегдатай салона графини Нессельроде, женившийся впоследствии на ее незаконной дочери⁶¹.

Столыпин – враг Пушкина – разделяет отношение к нему придворной аристократии. Заключительные строки лермонтовского стихотворения возникли в ответ на суждения Столыпина. Раевский подчеркивает в своем «Объяснении», что разговор касался не конкретных личностей, а возможности применения к иностранцам русских законов, носил, как бы мы сказали теперь, принципиальный характер.

Юрист по образованию и по шестилетнему опыту службы, Раевский, сочиняя свои показания, исключает из них решительно все, что может повлечь дополнительные вопросы. Он пишет, что, узнав о гибели Пушкина, Лермонтов в тот же вечер написал элегические стихи, которые оканчивались словами:

И на устах его печать.

Новость о смерти Пушкина была сообщена ему «в Генваре» «вечером 29 или 30 дня». В беловом экземпляре слово «вечером» вычеркнуто.

Вдумаемся. Раевский предлагает поверить, что о смерти Пушкина Лермонтов узнал только на другой день – 30-го. При этом слово «вечером 29» из беловика исключил. Почему?

Читая показания Раевского, можно понять так: Лермонтов пишет стихи, Раевский при этом присутствует. Дальнейшее изложено кратко: «Стихи эти появились прежде многих и были лучше всех, что я узнал из отзыва журналиста Краевского, который сообщил их В. А. Жуковскому, князьям Вяземскому, Одоевскому и проч.».

В черновом было иначе:

<«Стихи эти как новость гостиных были сообщены» <распущены мною повсеместно и преимущественно к журналисту Краевскому...> что <узнали мы> узнал я из отзыва журналиста Краевского, который по его словам передавал их В. А. Жуковскому, кн. <Вяземс> князьям П. А. Вяземскому, Одоевскому и проч.»>.

Выходит, что Краевский участвует в раздаче экземпляров. Поэтому Раевский смягчает: Краевский «не передавал» стихи, а «сообщил их». Лермонтова в процедуру раздачи стихов тоже не стоит вмешивать. Слова «что узнали мы» переправлены в «что узнал я».

⁶⁰ И. Б о р и ч е в с к и й. Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией. – «Литературное наследство», т. 45–46, с. 323–362.

⁶¹ ИРЛИ, Рукописный отдел. Дополнения М. Я. Тюлина к «Родословному сборнику русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, т. II, Столыпина, № 26, Р. I, оп. 45, №№ 1–7.

Надо найти оправдание раздаче стихов. Раевский ссылается на пронесшуюся молву, будто Жуковский читал стихи наследнику и тот «изъявил высокое свое одобрение».

Выходит, они введены в заблуждение молвой. Последующее объясняется тем, что успех стихов «вскружил голову Лермонтову из желания славы», а ему, Раевскому, из любви к Лермонтову.

Труднее оправдать появление шестнадцати заключительных строк. Раевский объясняет это горячностью молодого поэта. Далее черновик включает подробность, еще неизвестную:

«<Между тем вскоре (которого числа не помню, а кажется воскресенье) приехал к Лермонтову...>

«Вскоре», «воскресенье» – все это вычеркнуто – излишние подробности не нужны.

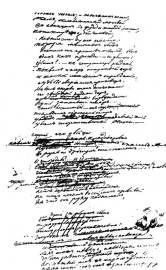
«К Лермонтову приехал его брат камер-юнкер Столыпин. Он отзывался о Пушкине <весьма> невыгодно, говорил <как вел он себя в виду большого света>, что он себя неприлично <вел> <среди> людей большого света, что Дантес обязан был поступить так, как поступил и т. п.».

Далее выброшен значительный кусок текста:

«<Лермонтов будучи обязан Пушкину, которого он знал только по печатным сочинениям, ибо когда были в ходу письменные его сочинения – Лермонтов был еще дитя (ему теперь 22 года от роду, а Пушкин начал писать 20 лет назад)>...»

Нет, все это может привести к обратному результату, внушить мысль, что Лермонтов знаком с вольной поэзией Пушкина по спискам и что, нелегально распространяя лермонтовское стихотворение, арестованные учитывают агитационный опыт декабристов и Пушкина. Нет, напоминание о противоправительственных стихах Пушкина здесь не к месту...

«Лермонтов, – переправляет Раевский, – будучи, так сказать, обязан Пушкину началом <некоторой> своей известности, невольно сделался его партизаном и по врожденной пылкости повел разговор горячо. Он доказывал между прочим...»

Черновой автограф «Смерти Поэта» с профилем Л.В. Дубельта. ЦГАЛИ СССР. Москва.

Тут Раевский вписывает сверху фразу, на которую справедливо обратил внимание И. А. Боричевский:

«Он и его партия доказывал между прочим...». Вычеркнул «его партия» и написал «и половина гостей доказывали между прочим, что <всякий> <даже иностранец> <должен> даже иностранцы должны щадить людей, замечательных в Государстве».

Как ни старается Раевский изобразить спор как спор двух родственников, становится понятным, что общество многолюдно, что оно разделилось на два лагеря или две «партии», что Столыпин олицетворяет группу, враждебную Пушкину, а от имени его почитателей и защитников говорит Лермонтов. В гостиной Арсеньевой продолжается спор, расколовший петербургское общество в эти дни на два лагеря. «Разговор шел жарче, – продолжал Раевский, – <Столыпин, недавно <причислен> пожалованный в камер-юнкеры и находившийся в большом свете>...»

Не стоит впутывать «большой свет», придавать спору оппозиционный по отношению к свету характер. «Молодой камер-юнкер Столыпин <и еще кто-то не помню> <передавал> сообщал мнения, рождавшие новые споры, – и в особенности настаивал, что иностранцам дела нет до Поэзии Пушкина, что Дипломаты свободны от <силы> влияния законов, что <он буду> Дантес и Геккерн, будучи <знатного происхождения и> знатные иностранцы, не подлежат ни законам, ни суду Русскому».

«Разговор принял было <пол> юридическое направление, но Лермонтов прервал его словами, которые после почти вполне поместил в стихах <и> <тирады> монолог его заканчивался словами, – <над> <мне памятными>: если нет над ними <суда и> закона и суда земного, <так> если они палачи Гения, так есть божий суд».

«<Столыпин уехал,> разговор прекратился и <на другой день> к вечеру у Лермонтова, <возвратясь от должности,> я нашел известное прибавление, в котором явно выражался весь <вчерашний> спор».

Это место снова не удовлетворило Раевского. Получилось, что Лермонтов пишет эти шестнадцать строк слишком долго: это уже не вспышка, не опрометчивость, а продуманный шаг... Надо переписать. Раевский переносит сочинение «с другого дня» на «вечер». Но если оставить «к вечеру, возвратясь от должности», получится, что спор происходил днем в его отсутствие, когда он, Раевский, находился в департаменте и самого спора слышать не мог. Поэтому Раевский остановился на фразе: «вечером, возвратясь из гостей, я нашел у Лермонтова известное прибавление».

Совершенно очевидно, что версия, изложенная в показаниях Раевского, никак не отражает истинного хода событий. Это становится еще более понятным, если прочесть следующую страницу черновика:

«<Это прибавление> несколько <времени> часов не думали <об этом> сообщать <ли> это прибавление в публику, оно лежало без движения, – потом среди разговоров <я сказал> сказано по неосторожности, что таковое есть, – его выпросили, потом <я для полно> лезть Лермонтову увеличивалась, экземпляров <требова> просили полных, я раздавал и с прибавлением <более и более> стихи требовали>».

Этот текст обнаруживал, что экземпляров было неограниченное количество – и с прибавлением и без прибавления, что «требовали полных» и их раздавали... Это место Раевский переделал: «несколько часов» превратились в «несколько времени», остальное же свелось к тому, что «по неосторожности» «объявлено» и «дано для переписывания». В беловом варианте Раевский уже не «раздает» экземпляры, а только дает «переписывать» их.

Сравнивая черновик и беловик показаний, окончательно убеждаешься, что Лермонтов и Раевский хорошо понимали опасность своего предприятия. И Раевский не скрывает этой тревоги. Но делает это лишь для того, чтобы уйти от разговора о содержании стихов. «Однажды, – пишет он, – еще в начале раздачи, мы разговорились, чтобы Лермонтов за славу не заплатил карьером по службе».

Их беспокоит, что «стихи темны и можно всячески толковать их». Тем не менее они приходят к выводу, что «бранить врагов Пушкина можно».

Что же привело их к этому выводу?

Оказывается, причиной этого заблуждения были милости императора по отношению к семейству Пушкина и поведение тайной цензуры – то есть III Отделения, которое не оставило раздачу стихов. И только когда бабушку Арсеньеву стали беспокоить вопросы о ее внучке и она, еще не зная о прибавлении, стала плакать даже от тех стихов, где Дантес назван беглецом, то «раздача стихов с прибавлениями прекращена» и стихи раздаются снова без прибавления.

Далее в черновике высказана догадка, что стихотворение было известно императору, но никаких действий не последовало. Затем глухо разъясняется смысл эпиграфа, в котором

автор «обращается к его величеству и просит у него правосудия, а не сам его ищет». И наконец, Раевский винит себя в том, что мог «удержать распространение экземпляров, по крайней мере, может быть, их разошлось бы не столько».

Удивительный документ! Всем действиям придается обратное значение. Раевский оказывается виноват не в том, что раздавал стихи, а в том, что не задержал их распространения. Лермонтов не угрожает судом, а просит правосудия у государя (в этом смысле и должен был работать эпиграф!). Наследник хвалил стихи, царь осыпал семейство Пушкина милостями, III Отделение не препятствовало раздаче стихов, – выходит, что молодые люди введены в заблуждение действиями правительства, а распространение стихов, которые разлетаются, как прокламации, и выражают настроение десятков тысяч людей, оказывается следствием горячности и неопытности.

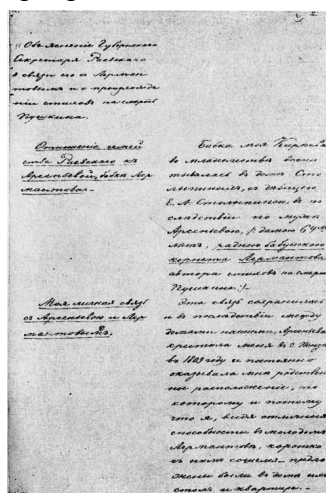
«Мыслей о политических переменах и волнениях у нас не было никаких», – написал Раевский в черновике. Но так как эта фраза, наоборот, могла навести на подозрение, что разговоры о волнениях и политических переменах были, чтобы таковое не возникало, Раевский выразил это иначе:

«Политических мыслей, а тем более противных порядку, установленному вековыми законами, у нас не было и быть не могло».

К этому Раевский счел нужным прибавить, что они с Лермонтовым «русские душою и еще более верноподданные», и привел в показаниях другие стихи Лермонтова, в ту пору еще неизвестные, из которых правительству должно было стать ясным, что Лермонтов «не равнодушен к славе и чести своего государя». Не преминул прибавить, что стихи эти в свое время раздавал всем своим знакомым «по одному экземпляру», что, дескать, раздача стихов во славу монарха не показалась предосудительной, хотя сделано это было тоже без разрешения. И что раздача стихов для него, для Раевского, дело как бы привычное!

Так выглядит история сочинения и раздачи стихов в показаниях Раевского.

Совсем по-другому изложил ее Лермонтов. Он не делит создание стихотворения на два этапа. Судя по его словам, оно возникло сразу, как ответ на спор о гибели Пушкина, возникший в их петербургской квартире.

Первая страница «Объяснения губернского секретаря Раевского о связи его с Лермонтовым и о происхождении стихов на смерть Пушкина». Копия из «Дела о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым и о распространении их губернским секретарем Раевским». Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

«Я был еще болен, – начинает он свои показания, – когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли ее и ко мне, обез-

ображенную разными прибавлениями. Одни – приверженцы нашего лучшего поэта – рассказывали с живейшей печалью, какими мелкими мучениями, насмешками он долго был преследуем и наконец сделал шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены в глазах строгого света. Другие – особенно дамы – оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурен собою, – они говорили также, что Пушкин негодный человек, и прочее...»

Итак, по Лермонтову, в комнате собралось многолюдное общество. Тут присутствуют приверженцы Пушкина, тут и защитники Дантеса. Общество разнородно. Присутствуют дамы. Разгорается спор.

«Когда я стал спрашивать, – продолжает поэт, – на каких основаниях так громко встают они против убитого? – мне отвечали... что весь высший круг общества такого же мнения».

Прошу обратить внимание на слова «против убитого»!

Обдумывая, как изложить дело в общих чертах, не вникая в подробности, Лермонтов не обратил внимания, что противоречит себе: спор происходит в тот вечер, когда Пушкин еще умирает в своей квартире. Ибо в следующей фразе поэт написал:

«Наконец, после двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер».

Да, спор о Пушкине и Дантесе был не только в тот день, когда к Лермонтову приехал Столыпин, но и в тот вечер, когда было написано стихотворение в его первоначальной редакции. «Большая половина известной элегии, – писал Раевский впоследствии в письме к Шан-Гирею, – в которой Мишель после горячего спора в нашей квартире высказал свой образ мыслей, написана им была без поправок в несколько минут (Мишель почти всегда писал без поправок), и как сочинение было современное, то и разнеслось очень быстро».

Раевский совершенно определенно говорит здесь не о прибавлении к стихам, а о *«большой половине»* известной элегии, то есть о первоначальной редакции «Смерти Поэта» из пятидесяти шести строк, кончавшейся словами: «И на устах его печать».

Таким образом, из показаний Лермонтова следует, что спор происходил в день, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина, а из письма Раевского к Шан-Гирею, что «большая половина элегии» написана непосредственно после спора и что стихи «были отражением мнений не одного лица, но весьма многих».

В копии стихотворения, приобщенного к делу о «непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским», стоит дата: «28 Генваря 1837», тогда как Пушкин умер 29-го.

Можно ли допустить, что Лермонтов сел сочинять стихи на смерть Пушкина, зная, что Пушкин жив?

Разумеется, этого быть не могло! Но если Лермонтов думал, что Пушкин уже погиб, в то время как Пушкин еще не умер, это случиться могло.

Слухи о Пушкине поминутно менялись. Видимо, кто-то из вновь пришедших гостей сообщил, что Пушкин скончался. «До нас беспрестанно доходили известия, – подтверждает вдова писателя В. И. Карлгофа, – противоречащие одно другому: то говорили, что рана не опасна, то что нет надежды, сказали уже, что он умер, немного погодя услышали, что он жив и чувствует облегчение. Переходя от страха к надежде, мы томительно провели день 28 и утро 29»⁶².

⁶² [Е. А. Карлгоф– Драшусова]. Жизнь прожить – не поле перейти. Записки неизвестной ***. – «Русский вестник», 1881, № 9, с. 154.

Почему же в таком случае Раевский указал в своем «Объяснении», что стихотворение было написано «(вечером) 29 или 30 дня»?

Да потому, что поступок Лермонтова он мотивирует тем, что «государь император осыпал семейство Пушкина милостями, след^овательно дорожил им» и что, «стало быть, можно было бранить врагов Пушкина». Но нельзя было говорить о «милостях» раньше, чем они были оказаны.

Таким образом, дату, стоящую под стихотворением в копии «Дела», которую, в частности, я отвергал очень усердно, следует, видимо, считать верной. В таком случае стихотворение в основной его части до слов «И на устах его печать» написано в квартире Арсеньевой на Садовой улице после горячего спора многочисленных гостей, пришедших к Лермонтову и к его другу вечером 28 числа. Это вполне согласуется с указанием Шан-Гирея, что Лермонтов «под свежим еще влиянием истинного горя и негодования... в один присест написал несколько строф, *разнесшихся в два дня по всему городу*»⁶³. (Курсив мой. – И. А.)

Действительно, 30 января днем, с копии, принадлежавшей улану Владимиру Глинке, стихотворение уже списал журналист В. П. Бурнашев. Этого не могло быть, если бы Лермонтов написал «Смерть Поэта» 30-го и даже 29-го вечером: Владимир Глинка не принадлежал к числу лермонтовских знакомых, следовательно, должен был списать сам у кого-то другого. Для этого нужно было хотя бы немного времени. Весь вопрос только в том, можно ли верить словам Бурнашева.

⁶³ А. Шан – Гирей. М.Ю.Лермонтов. – В кн.: Е. Сушкова. Записки. 1812–1841. Редакция, введение и примечания Ю. Г. Оксмана. Л., «Academia», 1928, с. 378. Далее сокращенно – Е. С у ш кова. Записки.

6

Владимир Петрович Бурнашев в 1837 году служил в военном министерстве и занимался литературным трудом. Сын орловского вице-губернатора, красивый и способный молодой человек, получивший бессистемное домашнее образование, он начал с того, что в 1828 году напечатал в «Отечественных записках» П. П. Свиньина статью «Цветок юноши-поэта на гроб императрицы Марии Федоровны», был «обласкан» здравствующей императрицей и получил доступ в дома некоторых крупных сановников⁶⁴. С этого времени его стали охотно печатать разные периодические издания, в том числе «Северная пчела». Бурнашев поступил на службу, но долго на одном месте не засиживался и переходил из министерства в министерство, с такою же легкостью меняя и литературных заказчиков. Он сочинял статьи об Эрмитаже и о табачном фабриканте Жукове, о портных и кондитерах, о выделке овчин и мануфактурных выставках, о сельском хозяйстве и путешествиях, писал «для народа», для домашних хозяек и получил прозвище «Быстропишев»⁶⁵. Это был беспринципный ремесленник, готовый и бранить и хвалить по заказу. Одна из его книжек, выпущенная под псевдонимом «Виктор Бурьянов», – «Прогулка с детьми по С.-Петербургу и его окрестностям» вызвала уничтожающий отзыв Белинского (1838)⁶⁶. Не составив себе доброго имени, Бурнашев нажил массу врагов.

Он хорошо знал журнальный мир и, несомненно, был наделен дарованием мемуариста – умел занимательно рассказывать о людях, наделяя их живыми характеристиками, рельефно воспроизводя быт и нравы отошедшего времени. Дело становилось за малым: людей по-настоящему интересных он видел в жизни издавелека. Это не помешало ему приступить к сочинению мемуаров, в которых собственные скудные впечатления восполнялись рассказами других лиц, близко знавших известных государственных деятелей и писателей, которых сам Бурнашев видел только однажды. Эта система воспоминаний позволила пересказывать сплетни, анекдоты, выдвигать на первый план людей незначительных, которых Бурнашев знал хорошо.

В начале 70-х годов под именем «Петербургского старожилы» в различных периодических изданиях один за другим стали появляться отрывки из его воспоминаний или, как говорили тогда, «статьи ретроспективного содержания», в которых предстала литературная и бюрократическая среда 20–40-х годов⁶⁷. Статьи вызвали большой интерес, журналы и газеты печатали их наперебой. Но одна из публикаций «Русского мира» произвела громкий скандал. Поэт А. Подолинский, которого Бурнашев называл в числе гостей Н. И. Греча, печатно отозвался, что не бывал в доме Греча и автора воспоминаний не знал. Посыпались письма в редакцию. Сын покойного министра финансов Канкрин опротестовал характеристику отца, в которой Бурнашев употребил слово «скряжничество»⁶⁸. Некий А. Р., не отрицая, что изложены воспоминания живо и занимательно, опубликовал указания на пятьдесят две ошибки

⁶⁴ [В. Б у р н а ш е в]. «Мой литературный формуляр и нечто вроде *acquis de conscience*. Кто такой в литературной петербургской братии Владимир Петрович Бурнашев». – «Исторический вестник», 1888, № 6. В статье Н. Лескова «Первенец богемы в России», с. 535–557.

⁶⁵ Там же, с. 539.

⁶⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 378. Далее всюду цитируется это издание.

⁶⁷ «Четверги у Греча». – «Заря», 1871, кн. 4; «Моя служба при Д. Г. Бибикове». – «Русский мир», №№ 89–115; «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году». – «Русский вестник», 1871, т. XCV и XCVI; «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности» (1834–1850). – «Русский вестник», 1872, и отд. издание (М., 1873); «Булгарин и Песоцкий». – «Биржевые ведомости», 1872, № 284–285; «К истории нашей литературы недавнего прошлого». – «Биржевые ведомости», 1872, № 347–348; «Воспоминания русского старожилы» в «Русском вестнике» 1872 г. и др.

⁶⁸ «Русский мир», 1872, № 49.

мемуариста⁶⁹. Так, например, Бурнашев написал, что теща Булгарина называлась «тантой». Нет, не теща, а тетка жены. Стихотворца Якубовича Бурнашев окрестил Лукой. Его звали Лукьяном. Воейков носил не золотые, а черепаховые очки. Бенкендорфа звали Христофоровичем, а не Федоровичем. Бурнашев перепутал неаполитанского посланника с итальянским, гофмаршала с гофмейстером и т. д. В нескольких случаях опередил события, спутал годы. Особенно резко выступил против него журнал Ф. М. Достоевского «Гражданин», писавший в статье «Современная хлестаковщина», что рассказы Бурнашева «кишат несообразностями, всякого рода анахронизмами, явными выдумками, решительными невозможностями»⁷⁰.

Эти единодушные нападки были вызваны, конечно, не одними фактическими неточностями. Они объясняются отношением к Бурнашеву журнальных кругов. Одни третировали представителя рептильной прессы, другие возмущались тем, что репортер, журнальный писака осмелился сочинять «небывальщины» на людей государственных, «выводя при том на сцену... особ царской фамилии и принадлежавших ко двору и к высшему правительству»⁷¹. Но решительно всех раздражал развязный, самоуверенный тон мемуаров, не внушающая доверия живость повествования, неосторожные и резкие характеристики в одних случаях, льстиво-многоглаголюющие в других. Что оценки эти были небеспристрастны, можно судить по тому, что когда перепуганный Бурнашев стал выступать с такими же материалами под другим псевдонимом, то заслужил похвалы в тех журналах, которые бранили публикации «Петербургского старожилы»⁷².

Однако репутация недостоверных за мемуарами Бурнашева так и осталась, что небезразлично для нас, ибо Бурнашеву принадлежат воспоминания о Лермонтове, освещающие как раз тот период, когда были созданы стихи на смерть Пушкина.

Эти воспоминания были напечатаны в «Русском архиве» за 1872 год под заглавием «Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников» (из «Воспоминаний В. П. Бурнашева по его ежедневнику в период времени с 15 сентября 1836 года по 6-е марта 1837 года»)⁷³.

Это единственное выступление Бурнашева, за которым не последовало опровержений в печати. Тем не менее и оно до сих пор вызывает к себе отношение двоякое. Одни исследователи решительно игнорируют эти рассказы, другие широко их используют. В печати, насколько я знаю, они серьезной оценки не получили. Поэтому попробуем выяснить степень их достоверности.

Бурнашев указал, что его «ежедневник» охватывает время с 15 сентября 1836 года по 6-е марта 1837-го. Последняя дата соответствует действительному ходу событий. В это время уже состоялся указ о переводе Лермонтова в драгунский Нижегородский полк, стоявший в ста верстах от Тифлиса, и поэт собирается уезжать из столицы. Об этом и рассказывает Бурнашев, но по ошибке приурочил это к вербной неделе, в то время как идет масленица. Таких мелких промахов у Бурнашева достаточно, но ни в чем серьезном, как мы увидим, он с другими свидетелями не разойдется.

С самим Лермонтовым Бурнашев знаком не был. Но знал его однокашников по юнкерской школе – Афанасия Синицына и того Николая Юрьева, который в 1837 году на правах родственника жил с Лермонтовым в одной квартире.

⁶⁹ «Русский мир», 1872, № 217.

⁷⁰ Давнишний обыватель Петербурга. Современная хлестаковщина. Воспоминания старожилы. – «Гражданин», 1873, № 3, с. 87–88.

⁷¹ «Гражданин», 1873. № 3, с. 88.

⁷² Н. Лесков. Первенец богемы в России. – «Исторический вестник», 1888. № 6, с. 549–550.

⁷³ «Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1770–1850.

Впрочем, однажды Бурнашев повстречался с поэтом. Это случилось в сентябре 1836 года, когда Лермонтов сбегал навстречу ему по лестнице, уходя от Синицына. Эта краткая встреча дала Бурнашеву право нарисовать довольно живой портрет. Все остальное воспроизводится по рассказам приятелей. Бурнашев передает их не в пересказе, а полностью. Это не отдельные фразы или тирады, а целые монологи. Записать их в то время даже и приблизительно Бурнашев, конечно, не мог, как не мог тридцать пять лет спустя помнить каждую мелочь. Поэтому нет никакого сомнения, что элемент беллетристики в его реконструкциях очень силен. Кстати, к публикации «Воспоминаний» в «Русском архиве» было сделано, с ведома автора, примечание, что за «дословную точность сообщаемых сведений» Бурнашев не может ручаться, но живость и верность воспроизведенной картины заслуживают внимания читателей⁷⁴.

Оценивая эти воспоминания, мы должны помнить, что в них называются имена в те годы еще живых знакомых и сослуживцев мемуариста, которые могут опровергнуть его, что живы друзья и знакомые Лермонтова – Раевский, Шан-Гирей, М. Н. Лонгинов, Д. А. Столыпин, А. Н. Муравьев и, наконец, тот самый Николай Аркадьевич Столыпин, который фигурирует в показаниях Раевского и в записях Бурнашева, что если бы этот рассказ содержал существенные отклонения от истины, они опротестовали бы публикацию. Поэтому с фактической основой бурнашевских воспоминаний мы считаться должны.

Описываются, как уже сказано, события зимы 1836–1837 года. Умер сын Греча. Бурнашев был с ним дружен. Похороны назначены на 27 января. Во время речи пастора, около семи часов вечера, по толпе проходит молва: убит Пушкин. Бурнашев отправляется на Мойку, к дому, где живет Пушкин.

Тридцатого января в середине дня он идет прощаться с великим поэтом. Встречает улана Глинку, который дает ему списать лермонтовские стихи. Несколько дней спустя в квартире Синицына Бурнашев знакомится с Юрьевым. Заходит речь о стихах на смерть Пушкина. Юрьев рассказывает о приезде Николая Столыпина, который рекомендуется в тексте: «наш родня Н. А. С, дипломат», «один из представителей и членов самого что ни есть нашего высшего круга»⁷⁵. Далее следует то, что мы знаем из показаний Раевского. Приведем этот текст. Нам надлежит решить вопрос о его достоверности.

Вот как передает Бурнашев со слов Юрьева означенный эпизод:

«По поводу городских слухов о том, что вдова Пушкина едва ли долго будет носить траур и называться вдовою, что ей вовсе не к лицу, С<толыпин> расхваливал стихи Лермонтова на смерть Пушкина; но только говорил, что напрасно Мишель, апофеозируя поэта, придал слишком сильное значение его невольному убийце, который, как всякий благородный человек, после всего того, что было между ними, не мог бы не стреляться. Nonneur oblige!.. <Честь обязывает!> Лермонтов сказал на это, что русский человек, конечно, чистый русский, а не офранцузенный и испорченный, какую бы обиду Пушкин ему ни сделал, снес бы ее во имя любви своей к славе России и никогда не поднял бы на этого великого представителя всей интеллектуальности России своей руки, С<толыпин> засмеялся и нашел, что у Мишеля раздражение нервов, почему лучше оставить этот разговор, и перешел к другим предметам светской жизни и к новостям дня. Но «Майошка» наш его не слушал и, схватив лист бумаги, что-то быстро по нем чертил карандашом, ломая один за другим и переломав так с полдюжины. Между тем С<толыпин>, заметив это, сказал, улыбаясь и полушепотом: «La' poesie enfante!» <поэзия разрешается от бремени>; потом, поболтав еще немного и обращаясь уже только ко мне, собрался уходить и сказал Лермонтову: «Adieu, Michel!», – но наш Мишень закусил уже поводья, и гнев его не знал пределов. Он сердито взглянул на

⁷⁴ «Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1770.

⁷⁵ «Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1829.

С<толыпина> и бросил ему: «Вы, сударь, антипод Пушкина, и я ни за что не отвечаю, ежели вы сию секунду не выйдете отсюда». – С<толыпин> не заставил себя приглашать к выходу дважды и вышел быстро, сказав только: «Mais il est fou à lier» <но ведь он просто бешеный>. Четверть часа спустя Лермонтов <...> прочитал мне те стихи, которые, как ты знаешь, начинаются словами: «А вы, надменные потомки!» – и в которых так много силы»⁷⁶.

Может быть, Бурнашев не знал Юрьева, и основой послужили для него показания Раевского?

Нет! Воспоминания Бурнашева напечатаны в 1872 году, а показания Раевского только в 1887-м – на пятнадцать лет позже⁷⁷. Следовательно, неопубликованные показания Раевского Бурнашев в 1872 году знать не мог.

Этого мало: в 1872 году биографические сведения о Лермонтове еще только начинали проникать в журналы. Сверить свои рассказы, соотнести их с показаниями других современников Бурнашев тоже не мог. Заимствовать ему было неоткуда. Между тем со времени публикации, в продолжение без малого столетия, появляются новые материалы о Лермонтове, и ни один документ не приходит в противоречие с версией Бурнашева. Приходится верить, что это идет от родственника, от Юрьева. Следовательно, нравится или не нравится нам стиль Бурнашева, с фактами, положенными в основу его сообщения, мы считаться должны.

Кстати, этот рассказ ни в чем не расходится с показанием Раевского, только яснее и резче означает суть того спора, смысл которого Раевский старался затушевать и который послужил побудительной причиной для создания дополнительных строк.

«Лермонтов не на шутку озлился, – рассказывает Юрьев у Бурнашева, – когда до него стали справа и слева доходить слухи о том, что в высшем нашем обществе, которое русское только по названию, а не в душе и не на самом деле, потому что оно вполне офранцузено от головы до пяток, идут толки о том, что в смерти Пушкина, к которой все эти сливки высшего общества относятся крайне хладнокровно, надо винить его самого, а не те обстоятельства, в которые он был поставлен, не те интриги великосветскости, которые его доконали, раздув пламя его и без того всепожирающих страстных стремлений»⁷⁸.

Если освободить эту цитату от бурнашевского многословия, мы поймем, что Пушкина довели до смерти интриги великосветского общества, которому чуждо все русское. Оставаясь безнаказанным, оно продолжает возводить на убитого клевету. Лермонтов слышит об этом со всех сторон.

И вот приходит камер-юнкер Столыпин, равный по чину с камер-юнкером Пушкиным, и начинает повторять то, что говорится в салоне злейшего врага Пушкина – надменной графини Нессельроде, которой, по общему мнению пушкинских друзей, принадлежит инициатива рассылки анонимного пасквиля. Столыпин, сгибающий спину перед графом Нессельроде, сыном беглого австрийского солдата, «безотечественным» иноземцем, дурно говорящим по-русски, который добрался до высших ступеней российской иерархической лестницы. Столыпин – приятель Дантеса, нашедшего самый ласковый прием в этом гнезде. И он начинает читать нотации Лермонтову! Вот почему гнев Лермонтова «не знает пределов»! Вот почему Столыпин не заставляет себя приглашать к выходу дважды!

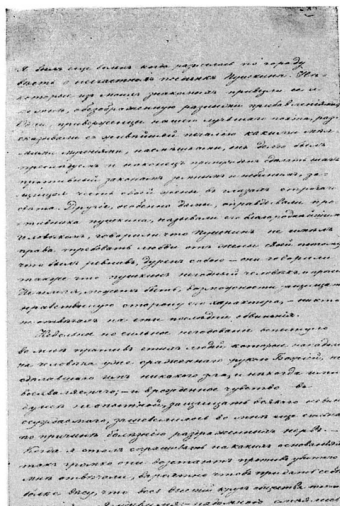
Можно поверить в рассказ Бурнашева?

Можно!

⁷⁶ «Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1829–1830.

⁷⁷ «Сочинения М. Ю. Лермонтова». Под редакцией П. А. Висковатова, т. VI, Биография. М., 1891 (далее сокращенно: В и с коватов, Биография); Приложение IV, с. 11–13.

⁷⁸ «Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1828.

Первая страница «Объяснения» М. Ю. Лермонтова по делу о стихах «На смерть Пушкина». Копия из «Дела о непозволительных стихах...». Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

Кроме Юрьева и Раевского, эту историю рассказывал еще один человек: Лермонтов. Не в показаниях для судей. А приятелю своему Александру Меринскому, с которым учился в юнкерской школе. В 1837 году Меринский служил в Уланском полку и решил навестить Лермонтова как раз в тот самый день, когда возникли заключительные стихи. Мы знаем об этом со слов самого Меринского.

В 1862 году известный библиограф П. А. Ефремов, стремясь установить правильный текст заключительного шестнадцатистишия, обратился к нему с письмом. И Меринский, сообщив верный текст, рассказал со слов Лермонтова всю историю. Упомянув, что стихотворение, кончавшееся стихом «И на устах его печать», уже разошлось по всему городу, Меринский писал:

«Вскоре после того заехал к нему один из его родственников, из высшего круга (не назову его); – у них завязался разговор об истории Дантеза (барон Гекерн) с Пушкиным, которая в то время занимала весь Петербург. Господин этот держал сторону партии, противной Пушкину, во всем обвиняя поэта и оправдывая Дантеза. Лермонтов спорил, горячился, и когда тот уехал, он, взволнованный, тотчас же написал прибавление к означенному стихотворению. В тот же день вечером я посетил Лермонтова и нашел у него на столе эти стихи, только что написанные. Он мне рассказал причину их происхождения – и тут же я их списал; потом и другие из его товарищей сделали то же: стихи эти пошли по рукам»⁷⁹.

Письмо, как уже сказано, относится к 1862 году. Цитата из него опубликована П. А. Ефремовым в 1873 году. А «Воспоминания» Бурнашева вышли в свет годом раньше. Совершенно ясно, что «списать» эту историю ни у Раевского, ни у Меринского он не мог. И передал те же самые факты со слов третьего лица – Юрьева.

Сопоставление всех трех рассказов делает версию о визите Столыпина несомненной. И приводит нас к заключению, что в основном (не в характере передачи) Бурнашеву верить все-таки можно. А если так, то следует учесть и некоторые другие идущие к делу подробности.

Так, Юрьев говорил в присутствии Бурнашева, что, как только стихи были готовы, он тотчас списал с них «пять или шесть копий» и немедленно развез их к приятелям, которые, частью сами, частью при помощи писцов, изготовили еще «изрядное количество» копий,

⁷⁹ Письмо А. М. Меринского к П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 года. – ИРЛИ, ф. 524, оп. 4, № 25, л. 134 об.

и дня через два или через три весь Петербург читал и знал дополнение к стихам на смерть Пушкина⁸⁰.

Далее рассказывается о беспокойстве бабушки, которая пыталась, «словно фальшивые ассигнации, похитить их из обращения в публике»⁸¹.

Есть и другие убеждающие подробности: так, например, отзыв брата царя о стихах Лермонтова (о достоверности его слов разговор сейчас не идет!) был сообщен бабке Арсеньевой Шлиппенбахом. Это место в записи Бурнашева раньше казалось совершенно недостоверным (бабке поэта сообщает такого рода известия начальник юнкерской школы!). Но теперь оно выглядит совершенно правдоподобно, ибо мы за это время узнали, что генерал-майор Константин Антонович Шлиппенбах и Мавра Николаевна, жена его, – близкие Арсеньевой люди⁸².

Да в конце концов, точность слов Юрьева – Бурнашева подтверждает не только Меринский, но и сам Лермонтов в своих показаниях, где пишет, что «некоторые люди, по родственным связям или вследствие искательства принадлежащие к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родственников», не переставали омрачать память убитого. А люди из высшего общества, ставшие аристократами благодаря «искательству» или родству, – это и есть «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов», которых в своем показании поэт вынужден назвать «достойными родственниками». Так даже и официальный документ передает существо спора, который отразился в рассказе Юрьева – Бурнашева.

Правда, Бурнашев допустил важный промах. Он не знает, что за стихи на смерть Пушкина Лермонтов арестован, не упоминает про Святослава Раевского. Упущение такого рода говорит о его неполной осведомленности, но не ставит под сомнение другие факты, внесенные в его «ежедневник». Становится ясным, что у Бурнашева множество недостоверных подробностей, но заведомо ложных сообщений нет.

Итак, сведения его, кажется, можно принять. 30 января, встретившись с Владимиром Глинкой, Бурнашев зашел в кондитерскую Вольфа на Невском и там, в задней комнате, спросив чернил и бумаги, списал копию стихов на смерть Пушкина.

⁸⁰ «Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1831.

⁸¹ Там же.

⁸² «Письма Е. А. Арсеньевой о Лермонтове». Публикация Л. Б. Модзалевского. – «Литературное наследство», т. 45 46, с. 650 и 654.

Вспомним: в «Деле» Лермонтова и Раевского тоже фигурирует текст с «прибавлением», но датированный 28 января 1837 года. Тем не менее никто не относит эту помету к заключительной части стихотворения. Весь спор со Столыпиным и написание стихов в два приема еще до того, как Пушкин умер, каждому представляются совершенно невероятными. И все понимают, что представлено стихотворение в полном виде, но 28-м датирован *основной* текст.

Сконтаминирован и киевский список. Первоначальные строфы были помечены 2 февраля. Позже узнан текст «преступной» строфы и при переписке соединен с основным. Но дата, выставленная в конце, не отброшена, а сохранена и выставлена в конце нового списка. Если 2-го числа создан полный текст «Смерти Поэта», следует допустить, что Владимир Одоевский 10 февраля – восемь дней спустя – еще не знает полного текста, потому что 10 февраля ближайшим друзьям Пушкина Карамзиным он дает списать первые пятьдесят шесть строк. И только 16-го (следовательно, через две недели) Карамзины узнают заключительную строфу. В этом случае следует допустить, что не только Александр Тургенев, но даже и сам Бенкендорф ничего не слышали о ней до 13-го!..

Поэтому, вернее всего, эта помета означает не время создания полного текста стихотворения, а день, когда списана копия с первоначальных пятидесяти шести строк. Во всяком случае, новая копия, о происхождении которой куда ничего не известно, не имеет преимущества перед той, которая фигурирует в «Деле» и датирована 28 января. Впрочем, к вопросу о времени создания и распространения этой строфы мы с вами еще вернемся.

Стихи на смерть Пушкина и Лермонтов и Раевский сразу же расценили как важнейший общественно-политический документ и отнеслись к нему настолько серьезно, что Лермонтов, ничего еще не печатавший и крайне нерешительный в отношении своего будущего дебюта, без колебаний вступает в литературу в качестве нелегального поэта, ибо совершенно убежден в необходимости громко, на всю страну сказать правду о Пушкине: Пушкин казнен рукою Дантеса по приговору аристократии!

Тем не менее вначале не только у самого Лермонтова, но и в литературном кругу была мысль, что стихотворение в первой его редакции можно будет поместить в «Современнике». Недаром на автографе «Смерти Поэта» есть надпись, сделанная рукою В. Ф. Одоевского, одного из продолжателей пушкинского журнала: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано».

Значит, надеялись?

Да, мы еще встретимся с указанием не печатать стихи. Но, конечно, с того момента, когда прибавлены шестнадцать заключительных строк, ни Лермонтов, ни Раевский о напечатании больше не думают.

Еще прежде, чем первоначальный текст мог бы появиться в журнале, Лермонтов и его приятель приступают к распространению копий: стихотворение должно быть прочитано тотчас, немедленно, пока вереница людей проходит через квартиру, чтобы проститься с Пушкиным. Город ждет слова правды!

Раевский приступает к размножению текста. Делается это организованно и бесстрашно. Одни из его сослуживцев потом вспоминал, как Раевский принес на приятельский вечер только что написанные стихи на смерть Пушкина, и они тут же переписывались в «несколько рук»⁸⁶.

Копии распущены «повсеместно». Спрос возрастает. «Экземпляры стихов, – свидетельствует Раевский, – раздавались всем желающим, даже и с прибавлением 12 стихов...»⁸⁷

⁸⁶ «Из записок В. А. Инсарского». – «Русский архив», 1873, № I, стлб. 528.

⁸⁷ «Дело о неправомерных стихах...», л. 7 об.

Чем более говорят ему о таланте Лермонтова, тем более охотно Раевский дает переписывать экземпляры.

И снова: «Экземпляры расходились десятками». «Экземпляров просили полных, я раздавал и с прибавлением <более и более> стихи требовали...»⁸⁸

Часть этих признаний осталась в черновике, но все равно – заявление удивительно по смелости и опытной дальновидности. Признавая, что он распространял стихи без счета – десятками, что он раздавал их решительно всем, Раевский снимает вопрос: кому раздавал? Снимается вопрос и о том, кто помогал в раздаче, ибо арестованный решительно заявляет: все это сделано им!

В скольких копиях распространилось стихотворение – не установлено. И. И. Панаев в своих воспоминаниях говорит:

«Переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми»⁸⁹.

«Десятки тысяч» – это, конечно, гипербола. Но что налаженное Раевским распространение стихов обеспечивало изготовление огромного количества копий, с которых, в свою очередь, снимались новые копии, – это бесспорно.

С момента возникновения дополнительных строк по городу начинают ходить два текста – первоначальный, «элегия», как называют его Раевский и Шан-Гирей, и с добавлением шестнадцати строк. Не исключено, что были копии, в которых отсутствовали последние четыре стиха:

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Нет, Раевский, видимо, не случайно писал, что экземпляры раздавались «с прибавлением 12 стихов, содержащих в себе выходку противу лиц, не подлежащих...» и проч.

И снова – в беловике, один из подзаголовков, разделяющих показания на «пункты»:

«Прибавление 12 стихов».

«Двенадцати»? Может быть, это описка?

Тогда как понимать слова Л. Н. Муравьева о том, что Лермонтов прочел ему стихи на смерть Пушкина, в которых он не нашел ничего особенно резкого, потому что «не слышал последнего четверостишия, которое возбудило бурю против поэта»?⁹⁰

Я-то думаю, что «последним четверостишием» Муравьев называет всю заключительную строфу. Тем не менее отметить совпадение в счете стихов у С. Л. Раевского и А. Н. Муравьева следует.

Это еще не все!

До нас дошли экземпляры стихов с прибавлением шестнадцати строк, но без эпиграфа. И экземпляры с прибавлением и с эпиграфом. Это значит, что эпиграф появился позже самих стихов, когда полный текст «навлек неприятности» автору. Появился для того, чтобы смягчить впечатление от последней строфы.

⁸⁸ «Дело о непозволительных стихах...», лл. 15, 17.

⁸⁹ И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950, с. 96.

⁹⁰ А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 23.

Текст эпиграфа Лермонтов заимствовал из трагедии французского драматурга XVII столетия, современника Расина Жана Ротру, который, в свою очередь, использовал ситуацию испанского драматурга Франческо де Роксас⁹¹.

Пьеса Ротру называется «Венцеслав». В основе ее сюжета – трагедия ревности. Наследный польский принц Владислав любит кенигсбергскую герцогиню Кассандру, на которой тайно женится его родной брат Александр. Владислав убивает соперника. Вдова обращается к отцу убитого и убийцы, старому королю Венцеславу, с мольбой о правосудии. Чувства отца борются в короле с чувством долга. Наконец побеждает долг. Король посылает сына на казнь. Но в последнее мгновение любовь оказывается сильнее, и убийца помилован, как объявляет монарх, в интересах престола⁹².

Эту трагедию переделал для русской сцены приятель Грибоедова Андрей Жандр. Она предполагалась для бенефиса знаменитого Каратыгина. Но цензура не пропустила ее⁹³. Отрывок (I действие) появился в альманахе «Русская Талия» (1825). Одоевский, Грибоедов были в восхищении от Жандра, переведшего пьесу великолепными стихами без рифм⁹⁴. «Чудно хорошо!» – восклицал Пушкин, прочитав перевод «Венцеслава»⁹⁵.

Вот из этого не пропущенного цензурой произведения и заимствовал Лермонтов текст для эпиграфа:

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

*(Из трагедии.)*⁹⁶

Доказательством, что эпиграф приписан после стихов по соображениям политической осторожности и вошел в «новейшие» копии, изготовленные уже после того, как Лермонтову стали грозить неприятности, служит экземпляр, списанный родными поэта для родственницы его А. М. Верещагиной. В этом экземпляре эпиграфа нет, а между тем нет никаких сомнений, что уж в их-то руках находился самый достоверный источник полного текста и что эпиграф, тем самым, предназначался для читателей иной категории⁹⁷.

Это несоответствие эпиграфа тексту сразу почувствовал Герцен. Публикуя стихи на смерть Пушкина в «Полярной звезде», он решительно отбросил его, а вернувшись к стихотворению в одной из своих статей («О развитии революционных идей в России»), назвал добавление эпиграфа «единственной непоследовательностью» поэта⁹⁸.

Именно по этим соображениям, – что эпиграф возник позже стихов и преследовал цели, не имевшие ничего общего с поэтическим замыслом Лермонтова, – современные

⁹¹ А. О[доевский]. О трагедии «Венцеслав», соч. Ротру, переделанной г. Жандром. – «Сын отечества», 1825, № 1, с. 101.

⁹² Rotrou Jean. Venceslas. Tragédie. Paris, 1774.

⁹³ «Русский биографический словарь», том «Жабокритский – Зябловский», с. 6–8. Статья об А. А. Жандре.

⁹⁴ П у ш к и н. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, т. I. 1815–1825. М.—Л., ГИЗ, 1926, с. 504.

⁹⁵ Там же, с. 101.

⁹⁶ «Дело о непозволительных стихах...», л. 26; «Venceslas», act. IV, Scène VI, p. 77.

⁹⁷ Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Рукописное отделение, фонд А. М. Верещагиной, № 456, карт. I.

⁹⁸ А. И. Г е р ц е н. Собр. соч. в 30-ти томах, т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 224. Далее всюду цитируется это издание.

исследователи исключили его из текста стихотворения и перенесли в примечания. Тем более что он находится в полном противоречии с напоминанием о «божьем суде» и о законе, под сенью которого таится стоящая возле трона толпа палачей.

Но прямо-таки в вопиющем несоответствии находится он с последними четырьмя строчками, которые содержат угрозу, что в день суда польется черная кровь палачей Пушкина. Ибо это уж никак не согласуется с уверением, что автор просит правосудия у царя.

Я думаю, что от этих четырех строк Раевский, в случае дальнейших расспросов, решил отказаться. Потому-то и говорит о «12 стихах». В конце концов, эти четыре строки можно было приписать неизвестному автору. Недаром по городу одновременно с заключительными стихами пошел слух, что они «не этого автора» – то есть не Лермонтова (А. И. Тургенев)⁹⁹, что окончание, «кажется, и не его» (А. Н. Карамзин)¹⁰⁰.

Что же касается эпиграфа, то Лермонтову и Раевскому в этот момент было важно любым способом ослабить впечатление от последней строфы.

Цели своей они не достигли: эпиграф вызвал совсем не тот отклик, на который они рассчитывали. Бенкендорф сразу понял уловку – намерение провести правительство и III Отделение призывом к милости императора – и пишет в донесении царю: «Вступление к... сочинению дерзко»¹⁰¹.

Но к переписке Бенкендорфа с царем мы вернемся. А сейчас попробуем выяснить, что за люди находятся около Лермонтова.

⁹⁹ См.: с. 15 наст. изд.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ С. Шостакович. Лермонтов и Николай I. – «Литературная газета», 1959, № 126.

8

Кто присутствует при разговоре Лермонтова с Николаем Столыпиным?

Первая фигура ясна: Святослав Афанасьевич Раевский. В своем «Объяснении» он пишет: монолог Лермонтова оканчивался словами, «мне памятными». Он сравнивает фразы поэта, сказанные в пылу спора, с теми, которые вошли в текст заключительных строк. Словом, разговор происходит при нем.

Присутствовал Николай Юрьев.

В комнате четверо?

Нет!

«Столыпин сообщал <и еще кто-то, не помню> передавал, – пишет Раевский, – мнения, рождавшие новые споры»... «Лермонтов и его партия», «Лермонтов и половина гостей»... – И снова в подзаголовке: «Возражение Лермонтова и его парт...»¹⁰²

Снова в комнате люди, снова разгорается спор, снова две партии спорящих!

С кем же в эти дни видятся Лермонтов и Раевский? Кто составляет «партию» Лермонтова?

При обыске у друзей отобраны в числе прочих бумаг несколько писем и коротких записок. Их содержание отразилось в жандармской описи. Одна из записок находится в деле.

Это записка некоего Смагина от 11 февраля (четверг) [1837 года]:

«Пришлите, добрейший Святослав Афанасьевич, обещанную Вами докладную записку. Она, верно, уже готова.

Не забудьте также о просьбе моей *касательно* Краевского.

На днях я надеюсь заехать к Вам вечером – посмотреть битву Вашу с Лермонтовым.

Царствуйте благополучно.

Весь Ваш Смагин»¹⁰³.

Отобрана записка к Раевскому некоего Орлова, от 4 февраля. Орлов просит извинить его за невозвращение в срок текста стихов и просит исправить в копии вкравшиеся неточности¹⁰⁴.

Отобрана записка некоего Алексея Попова, извещающего о своем дежурстве в библиотеке и приглашающего туда Раевского¹⁰⁵.

Отобрано письмо к Лермонтову поручика лейб-гвардии Московского полка Унковского с приглашением бывать у него вместе с Раевским и прочими знакомыми по понедельникам. И еще от Унковского – записка к Раевскому с приглашением на вечер для шахматной игры¹⁰⁶.

Кто эти люди?

Прежде чем ответить на этот вопрос, надо напомнить, где и в какой должности служит Раевский.

По выходе из Московского университета, который он окончил со званием действительного студента отделения нравственно-политических наук, Раевский в 1831 году переехал в Петербург и поступил в департамент государственных имуществ, где с осени 1832 года зани-

¹⁰² «Дело о непростительных стихах...», лл. 16 об., 16, 15 об.

¹⁰³ «Дело о непростительных стихах...», л. 28.

¹⁰⁴ Висковатов. Биография, Приложение IV, с. 14.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, с. 16 и 14.

мал должность столоначальника. В этой должности он прослужил около четырех лет. Весною 1836 года Раевский перешел начальником стола в департамент военных поселений¹⁰⁷.

А теперь обратимся к авторам тех записок, которые отобраны при аресте.

Смагиных в Петербурге несколько. Но судя по тому, что корреспондент Раевского пишет о докладной записке, – это чиновник. Таковым был Смагин Павел Алексеевич, столоначальник Главного управления путей сообщения¹⁰⁸.

Просьба относительно Краевского, содержащаяся в этой записке, позволяет думать, что Смагин пробует силы в литературе: Краевский редактирует «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» и «заведует корректуру» в «Современнике».

Следует заметить, что этот чиновник собирается заехать, чтобы посмотреть на шахматную партию Раевского с Лермонтовым. Это значит: короткий знакомый! Напоминание: «пришлите обещанную записку» – свидетельствует, что недавно виделись. Послана записка в то время, когда по Петербургу расходятся стихи на смерть Пушкина, с прибавлением. Заметим еще, для полноты сведений, что Смагины с Лермонтовым в родстве по Столыпиным.

Орлов, коего записка точно так же отобрана при аресте, – Василий Иванович, коллежский асессор, штаб-лекарь при департаменте военных поселений¹⁰⁹. Стало быть, сослуживец Раевского.

Попов – Алексей Петрович, титулярный советник, экзекутор и казначей департамента государственных имуществ¹¹⁰. Следовательно, *бывший* сослуживец Раевского.

Поручик лейб-гвардии Московского полка Александр Никитич Унковский – питомец той самой юнкерской школы, в которой учился Лермонтов. (Унковский – старшего выпуска.)¹¹¹ Он приглашает Лермонтова бывать у него в понедельник по вечерам вместе с Раевским и «прочими его знакомыми» (не забудем, что это слог жандармской описи!).

Что касается другой записки Унковского – к Святославу Раевскому, то возможно, что это и Унковский другой – Николай, брат поручика и бывший сослуживец Раевского по департаменту государственных имуществ, где он состоит в должности помощника младшего контролера¹¹². Кто из братьев автор этой записки, в данном случае почти безразлично, потому что у поручика, который устраивает «понедельники», Лермонтов и Раевский, несомненно, видит обоих.

О стихах упоминает только один из этих корреспондентов. И у нас нет никаких данных, что все они находились в гостях у Лермонтова с Раевским в те дни, когда в квартире шли шумные споры о виновниках гибели Пушкина. Но что письма, попавшие в опись жандармов, в известной мере намечают круг людей, с которыми Лермонтов видится в этот период, – это бесспорно.

Прибавим к этой группе еще одного сослуживца Раевского – столоначальника Василия Инсарского, который, вспоминая о своем знакомстве с Раевским и Лермонтовым, пишет: «Я весьма часто бывал у них»¹¹³.

¹⁰⁷ Копия с аттестата С. А. Раевского, полученная мною в 1940 году от внучки его З. В. Трембовельской и правнучки О. В. Раевской.

¹⁰⁸ «Адрес-календарь и Общий штат Российской империи на 1844 год», ч. I, с. 289.

¹⁰⁹ Ср. К. Н и с т р е м. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год, с. 982. Ср. К. Н и с т р е м. Адрес-календарь санкт-петербургских жителей, т. II. СПб., 1844, с. 123.

¹¹⁰ К. Нистрем. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год, с. 1024.

¹¹¹ «Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1830 год», и I, с. 269; В. П о т т о. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. СПб., 1873, Приложение, с. 56.

¹¹² «Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1840 год», ч. I, с. 786.

¹¹³ «Из записок В. А. Инсарского». – «Русский архив», 1873, № 1, стлб. 527.

Здесь следует подчеркнуть, что трое из этих лиц – Алексей Попов, Инсарский, Николай Унковский – не сослуживцы, а бывшие сослуживцы Раевского. Другими словами, их объединяют не служебные интересы, а близость интересов духовных, известное сходство взглядов.

Вступив впоследствии в круг высокопоставленной бюрократии, Инсарский писал об этом знакомстве в тоне пренебрежительном и развязном (он был близок к фельдмаршалу Л. И. Барятинскому, питавшему ненависть к Лермонтову). Но в данном случае важен не тон, в котором пишутся воспоминания, а факты, которые Инсарский сообщает. Он пишет, что Раевский постоянно приносил в департамент сочинения Лермонтова и даже как-то «навязал» ему «читать и выверять «Маскарад», который предполагали еще тогда поставить на сцену». Мы уже говорили о том, что этот Инсарский вспоминал «один приятельский вечер, куда Раевский принес только что написанные Лермонтовым стихи на смерть Пушкина, которые и переписывались на том же вечере в несколько рук»¹¹⁴.

Вот кто изготавливает копии – не только для себя, но и для Раевского, обеспечивая его экземплярами, которые раздаются как прокламации.

Коль скоро зашла речь о переписке стихов, вспомним Юрьева, который после ухода Столыпина изготовил «пять или шесть копий», а его знакомые «изрядное количество» новых.

Вечером того же дня (из чего можно заключить, что спор происходит днем, а если так, то действительно в воскресенье, потому что Раевский при этом присутствовал, а не находился при должности) – вечером того дня к Лермонтову заехал уланский корнет Александр Меринский. И, прослушав рассказ о столкновении с Николаем Столыпиным, списал заключительные стихи прямо с автографа. «Потом, – вспоминает он, – списали их многие из товарищей и знакомых Лермонтова, и они пошли по рукам»¹¹⁵.

Итак: столоначальники, казначей, помощник контролера, штаб-лекарь, товарищи по юнкерской школе, корнеты гвардейских полков, гвардейский поручик, приглашающий Лермонтова бывать вместе с Раевским и другими знакомыми, – вот примерный круг лиц, которые в тревожные дни 1837 года посещают дом на Садовой, списывают стихи, участвуют в распространении их.

Это – не аристократическая молодежь. Это – круг чиновников и военных, довольно демократический по составу. Становится понятным, откуда могла возникнуть в «Княгине Лиговской» фигура Станислава Красинского, молодого чиновника с университетским образованием, который служит столоначальником в департаменте, разбирающем тяжбы казны с князем Степаном Степановичем «о 20 тысячах десятин лесу». Заметим, что дела о тяжбах казны входили в компетенцию именно того департамента, в котором служат все эти чиновники и в котором служил Раевский. Фигура Красинского, противопоставленная в романе гвардейскому офицеру Печорину, рождается благодаря знакомству Лермонтова с кругом сослуживцев Раевского.

Все это люди с несомненными духовными интересами. Попов – «яростный любитель пения»¹¹⁶, причем следует обратить внимание, что он приглашает Раевского зайти в библиотеку во время его дежурства. Очевидно, это библиотека, собранная на средства самих чиновников, занимающихся самообразованием... Смагин ищет связи с журналом Краевского.

Несомненно, что идейно-литературными интересами вызвано и стремление Унковского привлечь Лермонтова вместе с его приятелями на свои «понедельники». И в этом смысле гвардейцев Московского полка нельзя ставить в ряд с гвардейскими гусарами –

¹¹⁴ Там же, стлб. 527–528.

¹¹⁵ Письмо А. М. Меринского к П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 года. ИРЛИ, ф. 524, оп. 3, № 25, л. 134.

¹¹⁶ В. А. Инсарский. Половодье. СПб., 1875, с. 117.

сослуживцами Лермонтова. В Гусарском полку отношения всего более определяются совместной службой и общим гусарским бытом. Здесь – Лермонтова сводят с гвардейским кругом общие интересы, не имеющие отношения к службе.

С кем встречается он на вечеринках Унковского – этого мы пока не знаем. Но одну фамилию назвать все-таки можем, хотя, кажется, нет оснований придавать этому лицу значение в смысле общности идейных интересов с Лермонтовым.

В лейб-гвардии Московском полку служит однокашник поэта по московскому университетскому пансиону и по юнкерской школе – остролов и повеса Константин Булгаков¹¹⁷.

Унковский и Булгаков живут в казармах Московского полка на Фонтанке.

Нельзя не упомянуть здесь сослуживца Унковского – штабс-капитана Московского лейб-гвардии полка Федора Печерина и не обратить внимания на близость его фамилии к фамилии лермонтовского героя, гвардейского офицера Печорина, появляющегося на страницах романа «Княгиня Лиговская» в 1836 году. Правда, чтобы оказаться до конца точным, должен сказать, что в 1836 году Печерин, сослуживец Унковского, прикомандирован к штабу гвардейского корпуса и поселяется на Дворцовой площади в доме штаба¹¹⁸, где живет вместе с Иваном Вуичем – прототипом Вулича в «Фаталисте». Но о Вуиче – речь впереди.

Итак: чиновники и гвардейские офицеры сходятся в одной комнате, спорят, обсуждают общественные и политические проблемы. И естественно возникает предположение, что самый конфликт, положенный в основу «Княгини Лиговской», – конфликт между гвардейским офицером и департаментским чиновником, – родился из этих споров.

Об идейных интересах кружка, группирующегося в 1835 – начале 1837 года вокруг Лермонтова и его друга Раевского, легче всего судить по направлению интересов самого Святослава Раевского.

Еще А. Шан-Гирей сообщал, что его критические замечания были «не без пользы для Мишеля»¹¹⁹ и что именно через Раевского Лермонтов познакомился с Андреем Краевским, с которым потом был связан по литературной работе, когда стал печататься в «Литературных прибавлениях» и в «Отечественных записках», – Краевский редактировал их.

Покойный профессор Н. Л. Бродский в исследовании, посвященном Раевскому, воссоздал образ высокообразованного и независимого человека, «непокорного начальству», как аттестовал себя сам Раевский, одаренного сотрудника «Литературных прибавлений», интересовавшегося народным творчеством и социально-политическими учениями¹²⁰.

В одном из своих писем Лермонтов назвал Раевского «экономо-политическим мечтателем». Н. Л. Бродский высказал предположение, что он был увлечен социальными идеями фурьеристов. Теперь выясняется еще одна грань интересов юриста Раевского: он был страстным поборником идеи законности и жарким почитателем графа Сперанского.

Отыскалась статья С. А. Раевского «Памяти графа Сперанского», которую он написал незадолго до смерти – в 1872 году¹²¹. В ней говорится, что «несмотря на громадность различия гения, власти и сфер деятельности» Сперанского и Петра I, их деятельность представляет «весьма много общего». «То же неустанное самоотверженное стремление к преобразованию, которое у Петра обнимало все стороны народной жизни, у Сперанского все ветви государственного управления»¹²².

¹¹⁷ «Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1836 год», ч. 1, с. 269.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ А. Шан-Гирей. М.Ю.Лермонтов. – В кн.: Е. Сушкова. Записки, с. 378.

¹²⁰ Н. Б р о д с к и й. Святослав Раевский, друг Лермонтова. – «Литературное наследство», т. 45–46, с. 301–322.

¹²¹ С. Р а е в с к и й. Памяти графа Сперанского. – «Московские ведомости», 1872, № 3.

¹²² С. Р а е в с к и й. Памяти графа Сперанского. – «Московские ведомости», 1872, № 3.

Сперанский – крупнейший либерал, самый влиятельный сановник в начале царствования Александра I, подготовлял проект конституционного ограничения монархии, исходя из разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. По мысли Сперанского, законодательное собрание должно было основываться на народном избрании, а постановления этого органа – выражать «желания народа». При этом существует «общее мнение», оберегающее закон, а также система законов. Суд отправляется не монархом, но избранными от народа, коих утверждает правительство. Оно, в свою очередь, ответственно перед законодательным собранием. Сперанский представлял себе, что действия правительства будут «публичны» и в определенных границах установлена свобода печати.

Формально разделение власти произошло, Государственный совет создан. Остальное было приостановлено. Под давлением дворянских кругов, недовольных намечавшимися реформами, Сперанский был отстранен и накануне вторжения Наполеона сослан. Несколько лет спустя началось его постепенное возвышение. Зная о его сочувствии конституционному строю и о размерах его популярности, декабристы намечали ввести его в состав Временного правительства. Именно потому после крушения заговора Николай I назначил Сперанского членом Верховного суда над декабристами, поручив ему обоснование юридической стороны процесса. С 1826 года Сперанский фактически стоял во главе II Отделения императорской канцелярии, занимавшейся кодификацией права. Под его руководством были изданы «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи», с его именем была связана вся законодательная работа. В это время он выступал уже сторонником «правления неограниченного»¹²³.

Участие в процессе над декабристами и отказ от либеральных позиций уронили престиж Сперанского в глазах вольномыслящей молодежи. Тем не менее известный ореол вокруг его имени оставался, ибо во взглядах своих Сперанский исходил из идеи законности.

Глубокую оценку его деятельности дал Н. Г. Чернышевский в статье «Русский реформатор», представляющей собою анализ книги барона М. Корфа «Жизнь графа Сперанского»¹²⁴. Чернышевский пишет, что хотя он и далек «от восхищения реформаторской деятельностью Сперанского»¹²⁵, но «преобразования были задуманы действительно громадные»¹²⁶. Далее автор статьи говорит о «колоссальности» замысла и соглашается с Корфом в том, что Сперанский «был отчасти приверженцем той политической системы, которая преобразовала Францию, которая провозгласила равноправность всех граждан и отменила средневековое устройство»¹²⁷, другими словами, приверженцем Великой французской буржуазной революции 1789 года. Сперанского, говорит Чернышевский, называли революционером. Этот отзыв его врагов «не был совершенно безосновательной клеветой»¹²⁸. Однако, отмечено далее в статье, Сперанский хотел преобразовать государство не «низвержением» царя, а именно его властью. Падение Сперанского произошло вслед за тем, как обнаружилась «неодинаковость» стремлений его со взглядами императора. Тогда-то он и предстал перед Александром как «человек вредного образа мыслей»¹²⁹. В результате Сперанский успел осу-

¹²³ «Энциклопедический словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXXI, (кн. 61), с. 192. «Большая советская энциклопедия», т. 40, с. 282–283. «Русский биографический словарь», том «Смеловский – Суворина» (Статья С. Середонина.); М. К о р ф у н о в. Теоретические воззрения Сперанского на право. – «Журнал министерства народного просвещения», 1899, № 9.

¹²⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. Статьи и рецензии 1860–1861. М., Гослитиздат, 1950, с. 794–827. Далее всюду цитируется это издание.

¹²⁵ Там же, с. 805.

¹²⁶ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. Статьи и рецензии 1860–1861. М., Гослитиздат, 1950, с. 794–827. Далее всюду цитируется это издание.

¹²⁷ Там же, с. 804.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же, с. 817.

ществить лишь некоторые второстепенные части составленного проекта. «Он совершенно забывал, – говорит Чернышевский, – о характере и размере сил, какие были бы нужны для задуманных им преобразований»¹³⁰ – намек на невозможность осуществления проектов Сперанского без экономических и политических перемен.

Рассматривая последний период работы Сперанского уже в царствование Николая I, Чернышевский отмечает, что «внешняя сторона» таланта Сперанского «обнаруживалась и тут с прежним блеском» и что «невозможно не изумляться тому, в какое короткое время успел он составить и обнародовать «Полное собрание законов» и «Свод законов». Но тут, – поясняет Н. Г. Чернышевский, – ему «принадлежало только исполнение, а не дух дела»¹³¹.

Если отметить, как часто называется Сперанский в этой статье «мечтателем» и человеком, стремившимся к «мечтательным улучшениям», и сопоставить эту характеристику с названием статьи «Русский реформатор», – иронический смысл заглавия становится окончательно ясным, особенно если обратить внимание на фразу, не вошедшую в текст «Современника» в 1861 году, в которой о реформаторской деятельности Сперанского говорится: «мы прямо скажем, что она жалка, а он сам странен или даже нелеп»¹³².

Тем не менее статья Чернышевского окончательно убеждает в том, что приверженность Сперанского идеям Великой французской революции в первый период его деятельности и отражение в его проектах передовых идей своего времени – все это хорошо было известно, разумеется, не только Раевскому, но и Лермонтову.

Не возникает сомнения, что Раевский ценил его не только за труды 30-х годов, но, прежде всего, за прежний обширный проект, в котором, как пишет Раевский, Сперанский исходил «из общих предположений реформы»¹³³.

Эта статья, написанная в начале 70-х годов, не подтверждает фурьеристских взглядов Раевского, ибо направлена не только против реакционеров, отрицавших необходимость отмены рабства, но и против тех, кто ожидает «наступления в человечестве несбыточной Аркадии»¹³⁴, то есть против утопий. Однако прошло тридцать пять лет. И это нисколько не исключает интереса к учению Фурье у Раевского в то время, когда он жил вместе с Лермонтовым.

Для нас эта статья важна, как единственный документ, на основании которого можно, хотя бы отчасти, судить о политических взглядах Раевского в 30-е годы. И ясно, что она не была бы написана, если бы в 30-е годы Раевский не почитал ум Сперанского и масштабы предпринятой им работы, направленной на ограничение произвола и беззакония.

Поскольку Раевский говорит в ней о «привлекательной личности» Сперанского, отмечает, что Сперанский любил окружать себя молодыми людьми, обращавшими его внимание расположением к юриспруденции, и что вводил их в круг законодательных работ занятиями «не столько служебными, сколько семейными»¹³⁵, – возникает мысль о личном знакомстве Раевского с этим выдающимся юристом и государственным деятелем первой половины прошлого века.

Интерес к деятельности Сперанского дополняет наши представления о широком кругозоре Раевского. Что же касается его политических взглядов в 30-е годы, то сознательное и смело организованное распространение революционного по духу сочинения Лермонтова, содержащего вызов аристократической олигархии и трону самого императора, с необычай-

¹³⁰ Там же, с. 811.

¹³¹ Там же, с. 823.

¹³² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII. Статьи и рецензии 1860–1861. М., Гослитиздат, 1950, с. 794–827. Далее всюду цитируется это издание. с. 805.

¹³³ С. Раевский. Памяти графа Сперанского. – «Московские ведомости», 1872, № 3.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

ной ясностью раскрывают перед нами радикальные взгляды этого человека. Раевский, как и Лермонтов, – наследник декабристов, воспринявший от них не только ненависть к деспотизму и рабству, но и глубокую веру в то, что поэзия должна служить целям политической агитации. И налаженное Раевским распространение «Смерти Поэта», благодаря чему стихотворение в необычайно короткий срок разошлось по Петербургу, попало в Москву и проникло в провинцию и за границу, – составляло выдающийся политический подвиг. В этих действиях Лермонтов и Раевский проявили глубокое понимание задач политической агитации.

Наладив массовое изготовление и раздачу текста в двух разных редакциях и в третьей, снабженной специальным эпиграфом, не убоившись выставить имя автора, они намного превзошли агитационную технику декабристов не только по скорости отклика на событие, но, вероятно, даже по тиражу. То, чего достигли Лермонтов и Раевский, представляло в этом направлении очень важный этап, ибо распространение «Смерти Поэта» во многом предвосхищало уже дальнейший период, связанный с нелегальной печатью.

Интересна «юридическая» терминология лермонтовского стихотворения: «Суд», «Правда», «Закон»... Можно сказать почти с полной уверенностью, что она отражает разговоры, в которых развивались мысли об ограничении деспотизма в России и о возможных формах правления.

Спор со Столыпиным сразу же принял направление не юридическое, о котором старался Раевский, переписывая свои показания: перо его забежало и вывело в черновике буквы «пол...» – «Разговор принял было пол...», собираясь написать «политическое».

И снова:

«Мыслей о политических переменах и волнениях у нас вовсе не было никаких», – пишет и вычеркивает Раевский.

Были!

О конституции (о «политических переменах»)!

О революции (о «волнениях»)!

Об ответе, который будет держать перед историей великосветское общество, повинное в гибели Пушкина!

9

Когда события приняли худой оборот, Лермонтов обратился к протекции Андрея Николаевича Муравьева. В эти годы они часто встречались в Царском Селе, где Муравьев подолгу жила, водя компанию с лейб-гусарами и сойдясь особенно коротко с братом Натальи Николаевны Пушкиной – Гончаровым¹³⁶. Постоянно заходя к Муравьеву, Лермонтов, между прочим, написал маслом его очень похожий портрет, на котором изобразил сидящего под деревом долговязого молодого мужчину со взбитым коком русых волос¹³⁷.

В 30-е годы Муравьев пользовался литературной известностью; о его двухтомном сочинении «Путешествие по святым местам в 1830 году» благожелательно отзывался сам Пушкин¹³⁸.

Эта книга помогла ему занять место за прокурорским столом Синода и открыла путь в Российскую академию. В 1836 году тридцатилетний Андрей Муравьев был уже камергером¹³⁹.

Если в 20-х – начале 30-х годов он выступал как драматург и поэт, то со временем, все больше сближаясь с известным мракобесом митрополитом московским Филаретом, стал писать только по религиозным вопросам и отличался столь нетерпимым и воинственным благочестием, что очень скоро заслужил репутацию крайнего реакционера и отвратительного святоши¹⁴⁰.

Муравьев приходился двоюродным братом управляющему III Отделением А. Н. Мордвинову. Когда положение Лермонтова из-за последних шестнадцати строк стало опасным, он решил использовать связи этого влиятельного сановника и приехал к Муравьеву на Моховую.

В своей книге «Знакомство с русскими поэтами», вышедшей в Киеве в 1871 году¹⁴¹, Муравьев не называет числа, когда к нему обратился Лермонтов. Но из его рассказа следует, что это было накануне ареста.

«Поздно вечером, – вспоминал Муравьев, – приехал ко мне Лермонтов и с одушевлением прочел свои стихи, которые мне очень понравились. Я не нашел в них ничего особенно резкого потому, что не слыхал последнего четверостишия, которое возбудило бурю против поэта... Он просил меня поговорить в его пользу Мордвинову, и, на другой день, я поехал к моему родичу. Мордвинов был очень занят и не в духе. «Ты всегда со старыми новостями, – сказал он, – я давно читал эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли в них ничего предосудительного». Обрадованный такой вестью, я поспешил к Лермонтову, чтобы его успокоить, и, не застав дома, написал ему от слова до слова то, что сказал мне Мордвинов. Когда же возвратился домой, нашел у себя его записку, в которой он опять просил моего заступления, потому что ему грозит опасность»¹⁴².

Можно ли положиться на память Муравьева?

Можно!

¹³⁶ А. Н. Муравьев. Мои воспоминания. – «Русское обозрение», 1896, № 2, с. 513.

¹³⁷ Н. П. Пахомов. Живописное наследство Лермонтова. – «Литературное наследство», т. 45–46, с. 85–87.

¹³⁸ Незаконченная рецензия на «Путешествие по святым местам» А. Н. Муравьева (1832). – См.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11. М., Издво АН СССР, 1949, с. 217.

¹³⁹ Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского, т. III. 1831–1833. М., «Academia», 1935, с. 607–609.

¹⁴⁰ Там же, с. 608.

¹⁴¹ А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871.

¹⁴² Там же, с. 23–24.

Среди бумаг, отобранных у Лермонтова при аресте, была та записка, о которой говорит Муравьев. И результаты первого свидания с Мордвиновым он излагает совершенно согласно – и в мемуарах, и в этом письме.

Вот как пересказали жандармы содержание отобранного письма в «Описи перенумерованным бумагам корнета Лермонтова»:

«Письмо Андрея Муравьева, писанное в четверток, коим уведомляет, чтобы Лермонтов был покоен насчет его стихов, присовокупляя, что он говорил об них Мордвинову, который нашел их прекрасными, прибавив только, чтобы их не публиковать, причем приглашает его к себе утром или вечером»¹⁴³.

(В скобках заметим, что «приглашает к себе» Лермонтова, конечно, не Мординов, а Муравьев. Но таков стиль описи!)

«Четверток», или четверг, которым помечено письмо Муравьева, приходился на 18 февраля. Что имеется в виду этот четверг, а не другой, подтверждает родственница Лермонтова Анна Григорьевна Философова, которая 27 февраля 1837 года пишет о Лермонтове:

«Он под арестом 9 дней, в штабе»¹⁴⁴.

Если от двадцати семи отнять девять, получится восемнадцать. Не остается сомнений, что Лермонтов был арестован именно 18 числа.

События развивались так.

17 февраля Лермонтов приехал к Муравьеву с просьбой «поговорить в его пользу Мордвинову». На другой день, то есть уже 18-го, Муравьев отправляется к своему родичу, от которого узнает, что стихи «прекрасные» и что он, Мординов, читал их Бенкендорфу, который не нашел в них ничего предосудительного.

18-го Муравьев отправляется к Лермонтову, не застает его дома, оставляет письмо, а вернувшись к себе, находит записку Лермонтова о грозящей ему опасности. И действительно: в этот день Лермонтов арестован.

«Каково было мое изумление вечером, – продолжает вспоминать Муравьев, – когда флигель-адъютант (?! – И. А.) Столыпин сообщил мне, что Лермонтов уже под арестом»¹⁴⁵.

Казалось бы, все совершенно ясно!

Нет. Дело в том, что при обыске у Раевского отобрана записка Андрея Краевского, которую жандармы не просто внесли в «Опись бумагам», а нашли полезным процитировать из нее несколько строк:

«Записка журналиста Краевского, от 17-го сего февраля, следующего содержания: «Скажи мне, что случилось с Л-р-вым? Правда ли, что он жил или живет еще теперь не дома? Неужели еще жертва, закалаемая в память усопшему? Господи, когда все это кончится!...»¹⁴⁶

Что? Лермонтов арестован 17-го?

Нет, этого быть не может! Мы уже убедились, что это произошло 18-го! Записка Краевского говорит о другом.

Лермонтов не живет дома – он избегает расспросов, встреч с лицами, которые приезжают к нему за стихами. Он уклоняется, потому что дело приняло плохой оборот. Мы уже цитировали письмо Александра Тургенева от 13-го числа. Уже в тот день было известно, что начались неприятности. И в тот день Тургенев еще не знал «преступной» строфы: он еще не достал ее. Ее дают переписывать с большой осторожностью. А Раевский и Лермонтов прекратили раздачу. Очевидно, что-то случилось?

¹⁴³ Висковатов. Биография. Приложение IV, с. 16.

¹⁴⁴ А. Н. Михайлова. Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова. – «Литературное наследство», т. 45–46, с. 672.

¹⁴⁵ А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 24.

¹⁴⁶ Висковатов. Биография. Приложение IV, с. 14.

Случилось!

Стихи дошли до сведения Бенкендорфа.

Бенкендорф не хочет затевать новое дело сразу же после того, как с таким трудом удалось предотвратить взрыв народного гнева, приняв для этого особые меры: обман публики, явившейся в Исаакиевскую церковь в здании Адмиралтейства, оцепление квартиры при выносе тела и придворной Конюшенной церкви в час панихиды, выпуск по билетам, вывоз гроба из города ночью, на санях, под рогожей... Бурный отклик всех слоев петербургского населения на дуэль и смерть Пушкина многому научил шефа жандармов. Новый громкий скандал не нужен. Нужны мягкость и постепенный ход.

Бенкендорф предупреждает Арсеньеву, вероятнее всего через своего ближайшего помощника Дубельта, который в свойстве со Столыпинными, а тем самым и с бабкой Арсеньевой, что Лермонтова ожидают серьезные неприятности, если стихи дойдут до царя, чтобы он изъял из обращения стихи, не давал бы их переписывать. Недаром Арсеньева пытается «исхитить» экземпляры из обращения, словно фальшивые ассигнации.

С этого момента начинает распространяться слух, будто прибавление к стихам написал не Лермонтов, а кто-то другой, но что Лермонтов «благородно принял это на себя» (Муравьев)¹⁴⁷. Версия о том, что прибавление принадлежит другому поэту, очевидно, составляла первоначальный план защиты на случай допроса, но почему-то отвергнута.

Итак, о дальнейшей раздаче стихов не может быть речи. Но знакомые приезжают с требованием «полных стихов». Раевский вручает им прежние копии – без прибавления: так об этом говорится в его «Объяснении». Приехавшие обращаются к Лермонтову, просят продиктовать стихи. И тогда он... съезжает с квартиры, живет не дома. Опасность надвинулась. Это будет новая жертва, «закалаемая» в память «усопшего» Пушкина.

Почему я так думаю?

Я полагаюсь на источник, сомнений не вызывающий, – на рассказ Лермонтова, который слышал Меринский, передавший его Ефремову. Начало его письма к Ефремову я уже процитировал. Вот его продолжение (событие, о котором рассказывает здесь Меринский, происходит после того, как было написано прибавление к стихам).

«...Как-то на одном многолюдном вечере, – вспоминает Меринский, – известная в то время старуха и большая сплетница Анна Михайловна Хитрова при всех обратилась с вопросом к Бенкендорфу (шефу жандармов): «Слышали ли вы, Александр Христофорович, что написал про нас (заметьте: *про нас!*) Лермонтов?» Бенкендорф прежде ее, вероятно, знал о том и не находил ничего в этом важного. Рассказывали тогда, будто он выразился так: «уж если Анна Михайловна знает про эти стихи, то я должен о них доложить государю». Вследствие этого доклада был послан начальник Гвардейского штаба покойный Веймарн, чтоб осмотреть бумаги Лермонтова, в Царское Село, где не нашел поэта (он большею частью жил в Петербурге), а нашел только его нетопленную квартиру и пустые ящики в столах. Развязка вам известна – Лермонтова сослали на Кавказ. О причине прибавления этих окончательных стихов я вскользь упомянул, – заключает Меринский, – в небольшой записке, помещенной в «Атенее» и набросанной мною в 1856 году, наскоро, с недомолвками, еще под влиянием прежней цензуры»¹⁴⁸.

Сомнений не остается: Бенкендорф о прибавлении к стихам уже знает, но не дает делу хода. Петербург еще неспокоен. Дантес еще в городе. Везде разговоры о Пушкине и злоба на Геккерна. Нужно терпение.

¹⁴⁷ А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 23.

¹⁴⁸ Письмо А. М. Меринского к П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 года. – ИРЛИ, ф. 524, оп. 4, № 25, л. 134 об. – 135.

Очень важно другое. С рассказом Меринского полностью сходится свидетельство Бурнашева, а Бурнашев, как мы уже говорили, Меринского не читал, так же как Меринский не читал Бурнашева.

Бурнашев уточняет подробности, называет хозяина, в доме которого произошел разговор с Бенкендорфом. Это – австрийский посол Фикельмон. А. М. Хитрова, которую Бурнашев обозначил одной только буквою Х., – родная тетка хозяйки салона. В передаче Бурнашева Юрьев, так же как и Лермонтов у Меринского, рассказывает, что о стихах с прибавлением «государь ничего не знал, потому что граф Бенкендорф не придавал стихам значения», но что после того, как Хитрова сообщила ему про «новые стихи на всех нас», Бенкендорф на другой день сказал Дубельту: «Ну, Леонтий Васильевич, что будет, то будет, а после того, что Х. знает о стихах этого мальчика Лермонтова, мне не остается ничего больше, как только сейчас же доложить о них государю». Но когда Бенкендорф явился к царю, – здесь Бурнашев идет дальше Меринского, – тот уже знал обо всем, ибо только что получил по городской почте экземпляр стихов с пояснительной надписью «Воззвание к революции»¹⁴⁹.

Далее Бурнашев подтверждает, что начальник штаба генерал Веймарн, посланный в Царское Село, нашел нетопленную квартиру и выяснил, что хозяин ее постоянно проживал в Петербурге.

Как видим, никаких расхождений в рассказах нет.

Один записан со слов Юрьева, другой со слов самого Лермонтова. Передают их два разных мемуариста двадцать пять и тридцать шесть лет спустя после события. И тождество обоих рассказов говорит в пользу их большой точности.

Еще важнее, что они подтверждаются найденным в 1959 году документом – запиской шефа жандармов с резолюцией императора. Мы уже приводили из нее несколько строк. Теперь внимательно прочтем ее в целом.

«Я уже имел честь сообщить вашему императорскому величеству, – докладывает Бенкендорф царю, – что я послал стихотворение гусарского офицера Лермантова генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сношения с кем-либо извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи и о взятии всех его бумаг, как здесь, так и на квартире его в Царском Селе. Вступление к этому сочинению дерзко, а конец – бесстыдное вольнодумство, более чем преступное. По словам Лермантова, эти стихи распространяются в городе одним из его товарищей, которого он не захотел назвать.

А. Бенкендорф».

«Приятные стихи, нечего сказать, – пишет на его письме император. – Я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермантова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону»¹⁵⁰.

Этот документ нашел и опубликовал иркутский исследователь С. Шостакович. Он считает решительно невозможным, чтобы накануне Бенкендорф докладывал царю об этих стихах «в успокоительном тоне», и называет мемуары, в которых содержится данное утверждение, недостоверными (имеется в виду Бурнашев)¹⁵¹. Однако между этим документом и мемуарами никакого противоречия нет. Во-первых, свидетельству Бурнашева, как мы уже

¹⁴⁹ «Русский архив», 1872, № 9, стлб. 1832–1833.

¹⁵⁰ С. Шостакович. Лермонтов и Николай I. – «Литературная газета», 1959, № 126.

¹⁵¹ Там же.

убедились, следует верить. Во-вторых, то же самое утверждает Меринский. И наконец, тактика Бенкендорфа и его истинное суждение о стихах – вещи совершенно различные. И ясно, что доложить царю о распространении стихов он мог «в самом успокоительном тоне», а на другой день дать произведению самую резкую оценку, особенно теперь, когда император о стихах уже знает и негодует и делу дан надлежащий ход. Ведь накануне-то они уже виделись – Николай I и Бенкендорф! И разговор о стихах уже был! «Я уже имел честь сообщить нашему императорскому величеству, что я послал стихотворение гусарского офицера Лермантова...» и проч. Так почему же Бенкендорф снова дает оценку стихам? Очевидно, его вчерашним докладом царь недоволен. И Бенкендорф излагает теперь все, что он действительно думает о стихах.

Это разговор внутренний и в достаточной степени откровенный.

Николай хорошо понимает, что при всем желании объявить Лермонтова сумасшедшим нельзя: за три месяца до гибели Пушкина сумасшедшим объявлен П. Я. Чаадаев. Кроме того, с сумасшедшими по закону не поступают: их изолируют. Николай и не думает ни минуты объявлять Лермонтова лишенным ума. Это – громкая фраза, означающая, что только сумасшедший мог позволить себе такое и что коль скоро окажется, что Лермонтов, напротив, в полном рассудке, с ним будет поступлено по закону.

В этот час, когда император читает докладную записку, начальник гвардейского штаба Веймарн уже выполнил двойное предписание – и Бенкендорфа, и самого императора – произвести обыск в Царском Селе и на петербургской квартире, препроводить Лермонтова в Главный штаб, поместив отдельно, без права свидания, и допросить о сообщниках. Записка, поданная Бенкендорфом царю, не датирована, но ее без труда можно отнести к 19-му числу. 18-го Бенкендорф докладывал ему на словах о принятых мерах. Значит, впервые сообщил о стихах не раньше 17-го.

18-го, узнав про обыск в Царском Селе, Лермонтов вторично приезжал к Муравьеву, ища его заступничества: опасность надвинулась. И в тот же день был арестован.

В первую половину дня 18-го Мордвинов еще ничего не знает об этом. Но 19-го, когда у него обедает Муравьев, Мордвинова спешно вызывают к шефу жандармов, и он узнает, что генерал Веймарн, опечатывая лермонтовские бумаги, нашел между ними записку, в которой Муравьев сообщает, что Мордвинов находит стихотворение прекрасным и тем самым как бы разрешает дальнейшее распространение его.

– Что ты такое выдумал? – в раздражении кричит Мордвинов на Муравьева, возвратясь от Бенкендорфа. – Ты сам будешь отвечать за свою записку¹⁵².

Почему так испугался Мордвинов? Совершенно понятно: он хвалит стихи, но с прибавлением или без прибавления – этого в записке не сказано. А Веймарн ездил по приказу самого императора. Если записка попадет в руки царя, может пострадать не только Муравьев, но и Мордвинов.

Муравьев всю жизнь оставался в уверенности, что Дубельт оторвал тогда записку от дела и тем спас его от привлечения к лермонтовской истории¹⁵³. Но в действительности записка, исключенная Дубельтом из числа взятых бумаг, фигурировала в «Описи»; однако значения этому факту не придано, ибо делом занимался сам Бенкендорф.

Вернемся к 18-му числу.

Лермонтов препровожден в Главный штаб, в одну из комнат верхнего этажа¹⁵⁴.

Имени Раевского он не назвал. Кто распространяет стихи, пока еще неизвестно.

Раевский не арестован.

¹⁵² А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 24.

¹⁵³ Там же, с. 25.

¹⁵⁴ А. Шан – Гирей. М.Ю.Лермонтов. – В кн.: Е. Сушкова. Записки, с. 379.

«Я сначала не говорил про тебя, – писал ему Лермонтов после освобождения из-под ареста, – но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет, и что если я запрусь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать – но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойным своей дружбы... Кто б мог ожидать!...»¹⁵⁵

Таким образом, «Объяснение», в котором Лермонтов назвал имя Раевского, писано после того, как поэта «допрашивали от государя», то есть числа 19-го или 20-го.

Только после этого (но не позже 20-го) арестован Раевский. Новый обыск производил уже не генерал Веймарн, а помощник Клейнмихеля – исправляющий должность вице-директора Инспекторского департамента военного министерства полковник Финляндского полка Кривопишин¹⁵⁶. После второго обыска составлены «Опись письмам и бумагам л. – гв. Гусарского полка корнета Лермонтова» (отобранным в Царском Селе)¹⁵⁷, «Опись перенумерованным бумагам корнета Лермонтова» (отобранным в Петербурге)¹⁵⁸ и «Опись перенумерованным бумагам чиновника 12-го класса Раевского»¹⁵⁹. Две последние помечены одной датой: «20 февраля».

Весь изъятый при обыске материал препровождается Бенкендорфу.

22 февраля командующий гвардейским корпусом Бистром (начальник Веймарна) отправляет вдогонку список «Смерти Поэта», полученный от Клейнмихеля. На сопроводительном письме сохранилась помета:

«П. Ф-чу Вейм<арну> все препр<оводить> к Клейн<михелю>.

Показать Ал. Ни. не найдет ли?»¹⁶⁰

Очевидно, «Ал. Ни.» – А. Н. Мордвинов, управляющий 3-м Отделением, – должен был разгадать, чьим почерком переписаны стихи. И выяснить, кто соучастник. На это напирали и на допросах.

Лермонтов ограничился именем одного Раевского. И существование других соучастников в появлении стихов на смерть Пушкина отрицал.

Соучастников *в появлении* стихов – тайного общества, от лица которого они писаны, – не было. Соучастники *в распространении* стихов были. Мы знаем: это – молодые чиновники, которых иностранный посол назвал в эти дни русским «третьим сословием», отметив, что они «создают апофеоз» Пушкину, человеку, произведения которого являются выражением их собственных чувств¹⁶¹.

За три года до гибели Пушкин обронил в разговоре фразу, что он «возвращается к оппозиции». Приятель поэта, А. Н. Вульф, записавший эти слова, заметил: «Ее у нас нет, разве только в молодежи»¹⁶².

Лермонтов и Раевский с приятелями как раз и представляют собой этот оппозиционный элемент русского общества. Но в показаниях поэта об этом нет, разумеется, ни одного слова.

¹⁵⁵ Лермонтов, т. VI, с. 437.

¹⁵⁶ А. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. – В кн.: Е. Сушкова. Записки, с. 379; «Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1837 год», ч. I, с. 149.

¹⁵⁷ Висковатов. Биография. Приложение IV, с. 15.

¹⁵⁸ Там же, с. 16.

¹⁵⁹ Там же, с. 14.

¹⁶⁰ «Дело архива 3-го Отделения о стихах корнета Лермонтова «На смерть Пушкина» и о распространении их чиновником 12 класса Раевским». – ИРЛИ, ф. 524, оп. 3, № 10.

¹⁶¹ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е. М.—Л., ГИЗ, 1928, с. 392.

¹⁶² Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, с. 208.

«Объяснение» Лермонтова, как теперь можно уразуметь, написано до ареста Раевского. Но Раевский не знает об этом. И, перебелив 21 февраля свое, пытается переслать его Лермонтову.

Раевский посажен на гауптвахту, что у Сенной площади¹⁶³, неподалеку от дома (Арсеньева живет на Садовой против 3 Адмиралтейской части в доме княгини Шаховской – ныне № 61). Раевский пишет записку камердинеру Лермонтова:

«Андрей Иванович! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подал эту записку Министру. Надобно, чтобы он отвечал согласно с нею, и тогда дело кончится ничем.

А если он станет говорить иначе, то может быть хуже»¹⁶⁴.

Записка, переданная часовому, перехвачена вместе с черновиком показаний. В руках Бенкендорфа – два несогласных между собой документа.

Рассмотрев все эти материалы, шеф жандармов отправляет Клейнмихелю «Объяснение» Лермонтова для сличения с «таковым же чиновника Раевского», а также пакет с бумагами, отобранными при обыске. К этому приобщена собственная генерал-адъютанта графа Бенкендорфа секретная записка «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермантовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским».

В этот день начинается

ДЕЛО

Министерства военного

Департамента военных поселений

<инспекторского> канцелярии <2-го стола>

№ 22.

Может возникнуть вопрос: при чем тут департамент военных поселений? И при чем тут Клейнмихель?

При том, что в этом департаменте служит Раевский. А директор департамента – граф Клейнмихель¹⁶⁵.

При том, что в здании Главного штаба сидит под арестом Лермонтов. А дежурный генерал Главного штаба – генерал-адъютант граф Клейнмихель¹⁶⁶.

Обложка «Дела министерства военного департамента <инспекторского>». А управляет инспекторским департаментом генерал-лейтенант граф Клейнмихель¹⁶⁷.

Вот почему Клейнмихелю и поручено разобрать дело. Вот почему выпущенный из-под ареста Лермонтов пишет Раевскому, что должен явиться к Клейнмихелю, «ибо он теперь и мой начальник»¹⁶⁸.

Впоследствии, вспоминая «маленькую катастрофу», происшедшую с ним в Петербурге в 1837 году, Раевский уверял, что показания Лермонтова не слагали на него ответственности и не могли отозваться резко на его служебных делах. «Но к несчастью моему и Мишеля, – писал он в письме к Шан-Гирею, – я был тогда в странных отношениях к одному из служащих лиц»¹⁶⁹.

¹⁶³ А. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. – В кн.: Е. Сушкова. Записки, с. 379.

¹⁶⁴ «Дело о непозволительных стихах...», л. 13.

¹⁶⁵ «Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1837 год», ч. I, с. 187.

¹⁶⁶ Там же, с. 124.

¹⁶⁷ Там же, с. 149.

¹⁶⁸ Лермонтов, т. VI, с. 438.

¹⁶⁹ А. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов – В кн.: Е. Сушкова. Записки, с. 382–383.

Профессор Н. Л. Бродский высказал предположение, что это был сенатор Дубенский. Нет, в 1837 году Дубенский в департаменте военных поселений еще не служил. А это был сам директор департамента – Клейнмихель.

Каковы основания так думать?

«Когда Лермонтов произнес перед судом мое имя, – пишет Раевский, – служаки этим воспользовались, аттестовали меня *непокорным* и ходатайствовали об отдаче меня под военный суд»¹⁷⁰.

Ходатайство о предании Раевского военному суду принадлежало Клейнмихелю.

Раевский не назвал в 1860 году его имени, когда в письме, предназначенном для печати, вспомнил историю распространения «Смерти Поэта», по причине весьма понятной: в ту пору Клейнмихель был еще жив.

23 февраля 1837 года, получив документы, пересланные ему Бенкендорфом, Клейнмихель поручил составить специальное сравнение показаний.

Усмотрено, что Лермонтов объясняет возникновение первоначальной редакции стихотворения тем, что собравшиеся у него знакомые порицали память Пушкина.

«Раевский сего не объясняет».

Раевский показывает, что к Лермонтову уже после написания стихов приезжал камер-юнкер Столыпин.

Лермонтов утверждает, что сразу написал упомянутые стихи «вследствие необдуманного порыва, выразив нестройное столкновение мыслей».

Лермонтов говорит, что один его хороший приятель (Раевский) просил у него списать стихи и, вероятно, показал их как новость другому. И так они разошлись.

Раевский показал несогласно, заявив, что распространил стихи во множестве экземпляров.

Лермонтов замечает, что «необдуманность свою в сочинении сих стихов постиг уже поздно».

Раевский, напротив, говорит, что стихи сии не были окончены в один раз, к ним сделано прибавление.

Лермонтов называет из прежних своих сочинений драму «Маскерад» и восточную повесть «Гаджи Абрек».

Раевский об этих сочинениях ничего не сообщает, зато пишет о стихах, в которых Лермонтов «сравнивает государя императора с благороднейшими героями древности»¹⁷¹.

Попытка переслать Лермонтову черновик показаний усугубляет вину Раевского. Но Бенкендорф считает долгом уведомить графа Михаила Андреевича [Клейнмихеля], что «государь император повелеть соизволил о предании чиновника Раевского военному суду приостановить»¹⁷².

Дело началось 23 февраля. 25-го получена «высочайшая» резолюция: «Лейб-гвардии Гусарского полка корнета Лермантова перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского за распространение сих стихов, и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермантову о сделанном им показании, выдержав под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу по усмотрению тамошнего гражданского губернатора»¹⁷³.

¹⁷⁰ А. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. – В кн.: Е. Сушкова. Записки, с. 383.

¹⁷¹ «Дело о непозволительных стихах...», лл. 32–34.

¹⁷² Там же, л. 5.

¹⁷³ Там же, л. 36.

Еще два дня – и 27 февраля 1837 года дело о поступках корнета Лермонтова и губернского секретаря Раевского «повелено считать оконченным»¹⁷⁴.

Что это? Милость?

Нет! Новая тактика!

За шалости, не заключавшие в себе никакого политического смысла, за дуэли, за шумное поведение в театре, за любовные похождения Николай I переводит молодых людей из гвардии в армию, шлет на Кавказ, разжалует в рядовые. А тут за «возмутительные» стихи, направленные против опоры трона – аристократии, стихи, которые гусарский корнет и губернский секретарь распространяют по всему Петербургу во множестве списков, за систематическую отлучку из полка, за попытку обмануть правительство и сговориться между собой следует наказание, которое даже и наказанием не кажется! Ведь на Кавказ отправляются по своей охоте, или, как тогда говорили, «охотниками», два офицера от каждого гвардейского полка ежегодно. И вдруг за политическим процессом, осуществленным с беспримерной скоростью, следует перевод тем же чином в один из привилегированных кавказских полков! Конечно, военный министр Чернышев может дать секретное предписание, и посланного не будет в живых. Но император соглашается с Бенкендорфом: торопиться не следует. От наказания Лермонтов не уйдет, если только не переменится. А покуда можно сделать вид перед лицом петербургского общества, всех грамотных русских, перед дипломатическим корпусом, что он, император, не придает этим стихам большого значения и не считает нужным строго наказывать за них.

Месяца не прошло с того времени, как толпы народа теснились у Певческого моста на Мойке, раздавались буйные речи петербургских студентов, поступали доклады о неповиновении гвардейских воспитанников, о возбуждении в училище правоведения, в Лицее, в гимназиях... Николай умело повернул ход событий и обратил в свою пользу. Иностранные послы доносят своим дворам, что русский император благоволит поэту за гробом и, проявляя заботу о славе погибшего и о его осиротелой семье, поступает как мудрый и просвещенный монарх. Возбуждать общественное мнение открытой расправой с новым поэтом несвоевременно. Не надо ни военного суда, ни строгого наказания, ни долгого расследования дела. Царь, собиравшийся сурово расправиться с Лермонтовым, решает действовать без шума. На первый раз все стихи на смерть Пушкина – не одного Лермонтова, но даже такие невинные, как Эспера Белосельского и «Норова, что ходит на деревяшке», тайной полиции повелено запретить¹⁷⁵. И дознаться, почему в Гусарском полку офицерам дозволялось беспрепятственно проживать в столице¹⁷⁶. Впредь сих послаблений не допускать, объявив по корпусу строжайший выговор командиру полка.

Пусть стихотворения запрещены и началось, как пишет Александр Тургенев, «гонение на Гусарский полк»¹⁷⁷. У исследователей нет оснований считать перевод Лермонтова на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк суровой репрессией. Но у нас есть все основания видеть в истории стихов на смерть Пушкина не только начало поэтической славы Лермонтова, но и начало его конца.

Четыре года шел Лермонтов по пушкинскому пути, определяя направление русской поэзии. И четыре года готовилась расправа с новым великим поэтом и дискредитация его личности за шестнадцать строк одного из самых сильных и смелых стихотворений, которые когда-либо слагались в России!

¹⁷⁴ Там же, л. 42.

¹⁷⁵ «Русский архив», 1888, кн. II, с. 301.

¹⁷⁶ «Приказ № 33 по Отдельному гвардейскому корпусу от 28 февраля 1837 года». – ИРЛИ, ф. 524, оп. 4, № 6.

¹⁷⁷ ИРЛИ, Рукописный отдел, «Дневник А. И. Тургенева», запись от 24 февраля.

«Бородино»

1

Когда заходит речь о 1812 годе, о Бородинской битве, о московском пожаре, мы невольно вспоминаем лермонтовское «Бородино». И, желая точнее и образнее выразить собственные мысли и представления, используем в качестве метких изречений, призывов, заглавий газетных статей чуть ли не половину строк этого замечательного стихотворения: «День Бородина», «Ребята! Не Москва ль за нами?», «Недаром помнит вся Россия», «Уж постоим мы головою за родину свою!»... Много ли в русской поэзии произведений, кроме басен Крылова и «Горя от ума» Грибоедова, строки которых навсегда вошли бы в повседневную жизнь, как строки «Бородина»?!

Говоря об отношении Лермонтова к Отечественной войне, мы всегда будем отдавать предпочтение «Бородину» перед другими произведениями, потому что не найти у него другого, в котором с такою великой силой и простотой, так обширно была бы выражена любовь к 1812 году, к России, к победе. Сколько ни читаешь «Бородино», каждый раз находишь в нем все новые, не замеченные прежде достоинства. И видишь, как выразилось в нем время, о котором идет рассказ, и напряженный интерес к этой великой эпохе.

Я хочу напомнить строчки, которыми начинаются «Былое и думы» Герцена:

«— Вера Артамоновна, ну, расскажите мне еще разок, как французы приходили в Москву, — говаривал я, потягиваясь на своей кровати...»¹⁷⁸

Так ведь это же герценовское «Скажи-ка, дядя...»! Подобное зачину лермонтовского стихотворения с просьбою вопрошающего подтвердить, что спаленная пожаром Москва отдана завоевателю не даром, а ценою великого сопротивления, с которым было сопряжено его вступление в покинутую жителями столицу.

Что это — случайное совпадение?

Нет, не случайное!

И для Герцена, и для Лермонтова, и для всего поколения, вышедшего из младенческих пеленок уже после войны, Бородинское сражение, пожар Москвы, Березина, взятие Парижа были «колыбельной песнью, детскими сказками»¹⁷⁹. Герцен, слушая подростком рассказы о том, как он на руках у кормилицы оставался в горящей Москве, улыбался от сознания, что «принимал участие в войне»¹⁸⁰.

Лермонтов был моложе: он родился уже в послепожарной Москве, когда русские войска возвращались из-за границы. Но и того и другого воспитал 1812 год — он определил их понятия, внушил веру в моральную силу народа, в величие его исторической миссии, взлелеял надежду, что, свершив подвиг, какого не было «от начала мира», освободивши отечество, он — русский народ — должен наконец и сам обрести свободу. Нет! Они не видели войны. И тем не менее она была для них реальнее всякой реальности и не менее достоверна, чем окружавшая их очевидность. Слушая старших, они видели события великой войны и заново переживали ее.

«— Смотрим, — передает Герцен в «Былом и думах» рассказ той же Веры Артамоновны, — а по улице скачут драгуны в таких касках и с лошадиным хвостом...»¹⁸¹

¹⁷⁸ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. VIII, с. 15.

¹⁷⁹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. VIII, с. 22.

¹⁸⁰ Там же, с. 10.

¹⁸¹ Там же, с. 15.

Уланы с пестрыми значками.
Драгуны с конскими хвостами... —

читаем в лермонтовском стихотворении.

Но ведь ни Герцен, ни Лермонтов не видели своими глазами французских драгун! Это все из рассказов тех, кто сражался на Бородинском поле, оставлял пылающую Москву!

2

Этим дело не ограничивается. В стихотворении Лермонтова исторически точно и достоверно решительно все! А для того чтобы убедиться в этом вполне, надо заглянуть в сочинение некоего Николая Любенкова под названием «Рассказ артиллерииста о деле Бородинском», объявление о выходе которого появилось как раз в той самой шестой книжке «Современника» за 1837 год, где впервые напечатано лермонтовское «Бородино»¹⁸².

Казалось бы, какая может быть связь между этими фактами? И тем не менее сходство в описаниях Любенкова и Лермонтова просто разительное!

Мы долго молча отступали, —

начинает свой рассказ старый солдат в стихотворении «Бородино».
«Мы с терпением переносили отступление», — подтверждает Любенков.

Досадно было, боя ждали, —

продолжает «дядя» у Лермонтова.
«Мы жадно ожидали генеральных сражений», — снова соглашается Любенков.

Прилег вздремнуть я у лафета, —

рассказывает старый служака в лермонтовском стихотворении.
«Облокотясь на одну из моих пушек, я поник», — вспоминает Любенков¹⁸³.

Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел, —

сказано у Лермонтова.

«Мы встретили их картечью... Неумолимая рука смерти устала от истребления... Обе колонны ни с места, они возвышались, громоздились на мертвых телах», — читаем мы в «Рассказе» Любенкова¹⁸⁴.

Кроме этих, и многие другие эпизоды, описанные в книге Николая Любенкова, можно было бы сопоставить со стихотворением Лермонтова. Сопоставить — и прийти к выводу, что Лермонтов написал свое стихотворение по рассказу очевидца Любенкова.

Но этот вывод не получается. Потому что книжка Любенкова вышла в свет только летом 1837 года¹⁸⁵, когда Лермонтов, сосланный за стихи на смерть Пушкина, уже скитался по Кавказу, а «Бородино» было уже давно написано. Друг Лермонтова Святослав Раевский еще в феврале упоминал «Бородино» в своих показаниях перед судом, приговорившим Лермонтова к ссылке за «непозволительные» стихи на смерть Пушкина.

¹⁸² Николай Любенков. Рассказ артиллерииста о деле Бородинском. СПб., в типографии Эдуарда Праца, 1837.

¹⁸³ Там же, с. 17–18.

¹⁸⁴ Николай Любенков. Рассказ артиллерииста о деле Бородинском. СПб., в типографии Эдуарда Праца, 1837. с. 35, 47, 50.

¹⁸⁵ «Северная пчела», 1837, № 136, от 21 июня.

Кроме того, о Бородинском сражении Лермонтов писал не впервые. Лучшие, наиболее удавшиеся строки он, как известно, перенес в «Бородино» из другого своего стихотворения – «Поле Бородина», которое написал еще в 1830 году. А в то время книжки Любенкова не было и в помине.

Любенков, со своей стороны, тоже не мог знать «Бородина». Его книжка вышла в свет несколько раньше «Современника», где было напечатано стихотворение Лермонтова. Да если бы даже и знал, то ему, очевидцу Бородинского дела, незачем было использовать в своем описании стихотворение Лермонтова, родившегося уже после событий 1812 года.

Итак, связи между этими произведениями как будто бы нет. Чем же тогда объясняется это сходство?

«Забил заряд я в пушку туго», «Прилег вздремнуть я у лафета», «Построили редут» – из этих строк становится ясным, что у Лермонтова, так же как и у Любенкова, о сражении рассказывает артиллерист. Поэтому, если мы возьмем воспоминания других артиллеристов, участников Бородинского боя, то поразимся обилию новых деталей: мы найдем упоминания и об уланах со значками на пиках, и о тех же французских драгунах в касках с конскими хвостами, и множество других подробностей. Мы узнаем, что слова: «Ребята! Не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой!» – не выдуманы Лермонтовым. С такими словами обратился к армии генерал Д. С. Дохтуров, когда, после ранения Багратиона, получил приказ Кутузова принять на себя командование левым флангом. «За нами Москва, – воскликнул Дохтуров, – умирать всем, но ни шагу назад – ведь все равно умирать же под Москвою!»¹⁸⁶

Вчитываясь в описания Бородинского сражения, мы понимаем, что Лермонтов изобразил в своем стихотворении самое важное место сражения – центральную батарею, или, как ее называли еще, «редут Раевского», – укрепление, которым французы пытались овладеть в течение целого дня («Сквозь дым летучий французы двинулись, как тучи, и все на наш редут»).

Неприятель, вспоминал очевидец, когда у нас оказался недостаток в снарядах, ворвался в редут с бригадою генерала Бонами. Ермолов и Кутайсов, поравнявшись с центральной батареею, с ужасом увидели штурм и взятие батареи. Они остановили две роты конной артиллерии и, став во главе батальона Уфимского полка, повели в атаку прямо на занятую французами батарею, «меж тем как Паскевич с одной стороны, а Васильчиков с другой ударили в штыки. Неприятель был везде опрокинут и даже преследуем, центральная батарея опять перешла в наши руки уже с штурмовавшим ее французским генералом Бонами, взятым в плен... Дорого французы поплатились за временное завладение этою батареею; тут погибли лучшие их генералы... Их тридцатый полк был тут весь погребен, и вся дивизия Морана была почти истреблена...»

Это описание взято из статьи Абрама Сергеевича Норова, напечатанной в 1868 году¹⁸⁷. В этой статье и таится разгадка всех совпадений.

¹⁸⁶ «Подвиги генерала Дмитрия Сергеевича Дохтурова». – «Русский вестник», 1817, ч. I, кн. 5, с. 24–25; ср. Николай Полевой. Повесть о великой битве Бородинской... СПб., 1844, с. 64, 81.

¹⁸⁷ А. Н о р о в. «Война и мир» (1805–1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (по поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир»). – «Военный сборник», 1868, т. LXIV, с. 223–224, 230.

3

В числе артиллеристов, командовавших в Бородинском бою артиллерийскими батареями, Норов называет имя своего непосредственного начальника – штабс-капитана Афанасия Алексеевича Столыпина, к которому, в связи с контузией капитана Гогеля, перешло командование «легкой ротой № 2-го», и вслед за тем рассказывает героический эпизод, связанный с находчивостью и мужеством Столыпина.

«Наш батарейный командир Столыпин, – пишет Норов, – увидев движение кирасиров, взял на передки, рысью выехал несколько вперед и, переменив фронт, ожидал приближения неприятеля без выстрела. Орудия были заряжены картечью; цель Столыпина состояла в том, чтобы подпустить неприятеля на близкое расстояние, сильным огнем расстроить противника и тем подготовить верный успех нашим кирасирам... Под Столыпиным убита его лихая горская лошадь»¹⁸⁸.

«Доблестное бесстрашие, истинно артиллерийское хладнокровие и распорядительность в самом сильном огне всегда останутся памятными его сослуживцам», – читаем мы о Столыпине в воспоминаниях другого артиллериста – Рославлева¹⁸⁹.

Афанасий Алексеевич Столыпин – родной брат Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, бабки и воспитательницы Лермонтова. Со слов родственника Лермонтова М. Лонгинова известно, что Лермонтов «особенно любил Афанасия Алексеевича»¹⁹⁰, который всегда принимал в судьбе его самое горячее участие. Рассказы Афанасия Столыпина о действиях гвардейской артиллерии при Бородине – вот один из источников, откуда Лермонтов почерпнул сведения о ходе исторического сражения и на основе которых создал свои стихотворения «Поле Бородина» и «Бородино».

Однако было бы непростительной ошибкой утверждать, что Лермонтов потому описал в своем «Бородине» артиллериста, что дед его служил в артиллерии. А если бы Столыпин служил в пехоте? В том-то все и дело, что Лермонтов рассказал о Бородинском бое устами артиллериста, потому что был справедливо уверен в той решающей роли, которую сыграла русская артиллерия в исходе Бородинского сражения. И в стихотворении своем описал, таким образом, самое главное, самое существенное.

Убитый в разгар борьбы за батарею Раевского начальник всей русской артиллерии генерал Кутайсов издал накануне сражения приказ, в котором требовал, чтобы батареи не снимались с места, пока неприятель не сядет верхом на пушки.

«Сказать командирам и всем г.г. офицерам, – велел Кутайсов, – что только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции; артиллерия должна жертвовать собою. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор. Если б за всем этим батарея и была взята, хотя можно почти поручиться в противном, то она уже вполне искупила потерю орудий»¹⁹¹.

Русские артиллеристы отлично выполнили приказ своего начальника.

И роль русской артиллерии в Бородинском бою действительно была огромной. Недаром участник Бородинского боя, капитан французской конной артиллерии Шамбре писал о

¹⁸⁸ А. Н о р о в. «Война и мир» (1805–1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (по поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир»). – «Военный сборник», 1868, т. LXIV, с. 228–229.

¹⁸⁹ П. Потопский. История гвардейской артиллерии. СПб., 1896, с. 177.

¹⁹⁰ М. Н. Л о н г и н о в. Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках. – «Русская старина», 1873, № 3, с. 381.

¹⁹¹ А. Н о р о в. «Война и мир» (1805–1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (по поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир»). – «Военный сборник», 1868, т. LXIV, с. 218.

том, что утром следующего дня Наполеон, «объезжая поле сражения, обогренное кровью множества убитых и раненых, велел переворачивать тела убитых, чтобы видеть, от каких они пали ударов. Почти все носили следы артиллерийских снарядов»¹⁹².

«Такова была битва, – пишет известный военный историк В. Ф. Ратч в своих «Публичных лекциях, читанных г.г. офицерам гвардейской артиллерии», – в которой, по расчету французов, пришлось на каждую минуту по 100 выстрелов с их стороны; а со стороны русских не могло быть менее, если обратить внимание на превосходнейшее число наших орудий»¹⁹³.

После окончания кампании 1812 года прусский генерал Гнейзенау восторгался русской артиллерией, отмечая ее превосходство над другими родами оружия:

«Российская артиллерия находится в превосходном положении и имеет в себе даже роскошь... Я видел, как маневрировала и сражалась артиллерия в действиях против неприятеля, и я преисполнен удивления высоким достоинством сего рода службы, превосходством механического ее сооружения, легкостью, скоростью и точностью движений, храбростью офицеров и солдат, редкою дисциплиною и правильностью во внутренней службе»¹⁹⁴.

Вникая в подробности действий русской артиллерии, мы узнаем из работы Ратча о том, что при Бородине в частных действиях артиллерии, сравнительно с предшествовавшими кампаниями, нельзя было не заметить влияния статей «Военного журнала».

«Военный», или «Артиллерийский журнал», о котором пишет Ратч, начал выходить в свет в 1808 году. В нем были затронуты и развиты многие существенные вопросы военной теории и практики. В тех же «Лекциях» Ратча мы находим новое, важное для нас сведение: «Первый из наших молодых офицеров, печатно высказавший свое мнение об употреблении артиллерии, был гвардейской конной артиллерии поручик Дмитрий Столыпин»¹⁹⁵.

Дмитрий Алексеевич Столыпин – родной брат артиллериста Афанасия Столыпина и бабки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Из биографии Лермонтова было известно, что в начале 20-х годов, командуя корпусом в Южной армии, он завел ланкастерские школы взаимного обучения, был дружен с декабристом Пестелем и умер скоропостижно в своем имении Середникове 3 января 1826 года (то есть в тот день, когда через Москву провозили арестованных членов Южного общества, поднявших восстание Черниговского полка). Теперь выясняется, что он был в свое время крупным военным теоретиком.

Как скажешь «брат бабки» – мерещатся старики. На самом же деле Дмитрию Столыпину в 1812 году было двадцать семь лет, Афанасию – двадцать четыре года.

В качестве артиллериста Дмитрий Столыпин проделал кампанию 1805–1807 годов и отличился под Аустерлицем, где с палахом в руках прокладывал путь отрезанным орудиям. После кампании он занялся составлением курса дифференциального и интегрального исчислений и выступил на страницах «Артиллерийского журнала» со статьей «В чем состоит употребление и польза конной артиллерии», где на четырех страницах изложил свое мнение.

«Эта маленькая статья замечательна тем влиянием, – пишет Ратч, – которое она ясностью взгляда и верностью изложения имеет на все последующие статьи «Военного журнала»¹⁹⁶.

¹⁹² В. Ф. Р а т ч. Публичные лекции, читанные г.г. офицерам гвардейской артиллерии в 1861 году. – «Артиллерийский журнал», 1861, ноябрь, с. 839.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ «Ответ генерал-лейтенанта графа Гнейзенау неизвестному на письмо его». – «Сын отечества», 1814, ч. XVII, с. 117 и 121.

¹⁹⁵ В. Ф. Р а т ч. Публичные лекции, читанные г.г. офицерам гвардейской артиллерии в 1861 году. – «Артиллерийский журнал», 1861, октябрь, с. 790.

¹⁹⁶ В. Ф. Р а т ч. Публичные лекции, читанные г.г. офицерам гвардейской артиллерии в 1861 году. – «Артиллерийский журнал», 1861, октябрь, с. 790–791.

Столыпин ввел новое условие – время, – отсутствовавшее в работах других авторов по этому вопросу. После этого уже не вызывают удивления слова Ратча: «Возвратимся к статье Дмитрия Столыпина... об употреблении артиллерии и рассмотрим, что было сделано при Бородине». «На статье Столыпина, – продолжает Ратч, – останавливаемся же потому, что все последующие были лишь вариациями на изложенные им темы»¹⁹⁷. Значение работы Столыпина настолько бесспорно, что Ратч прямо заявляет о том, что в Бородинском сражении, «согласно со статьею Столыпина, конная артиллерия была первоначально поставлена в общем резерве», – и т. д.¹⁹⁸.

В нашу задачу не входит выяснять специальное значение статьи Столыпина. Для нас важно, что спустя пятьдесят лет крупный военный историк Ратч высоко оценивал статью Столыпина и ее влияние на действия гвардейской артиллерии во время Бородинского боя. Мнение же Ратча нам особенно интересно потому, что он пользовался в своей работе указаниями знаменитого А. П. Ермолова, который в 1811–1812 годах командовал бригадой гвардейской артиллерии, а в Бородинском бою был начальником штаба Первой армии.

Из всего этого мы можем заключить, что Лермонтову была хорошо известна роль, которую сыграла русская артиллерия в общем ходе Бородинского сражения, – сражения, где, по словам Норова, «преимущественно действовали орудия».

Были все готовы
Заутра бой затеять новый, —

рассказывает артиллерист в лермонтовском стихотворении. В этих словах выражен не только патриотический подъем русской армии, но и твердая уверенность Лермонтова в мощи русской армии, в ее не израсходованных в Бородинском сражении резервных силах.

Артиллерийский генерал Бонапарт, пришедший к власти при помощи артиллерии, победоносно прошедший со своей артиллерией через Европу, впервые столкнулся в Бородинском бою с сильнейшей русской артиллерией и впервые не смог победить.

Об этом и рассказал Лермонтов в своем стихотворении. Как бы в ответ на частые в 30-х годах споры о том, что помогло русскому народу изгнать французские полчища из пределов России – тактика отступлений, пожар Москвы или морозы, – Лермонтов написал свое «Бородино», в котором просто и безыскусственно, от лица рядового солдата, рассказал о главных эпизодах исторической битвы, о патриотическом подъеме, охватившем русскую армию, и о ее беспримерной доблести.

¹⁹⁷ Там же, с. 839–840.

¹⁹⁸ Там же, с. 847.

4

Все вокруг с детских лет говорило Лермонтову об Отечественной войне, все напоминало о Бородинской победе: еще не отстроенная Москва, взорванные по приказу Наполеона стены Кремля, пушки, отбитые у неприятеля, грудь ветерана, увешанная крестами, пустой рукав инвалида, карикатура на отступление «великой армии» на стене помещичьей гостиной, пылкие рассуждения московских студентов о значении 1812 года в русской истории, патриотические статьи передовых русских журналов, а главное, рассказы множества очевидцев – в Москве, в Петербурге, а еще раньше – в пензенских Тарханах и в соседних селах, где жили вернувшиеся из заграничных походов солдаты и ополченцы. В семье кормилицы Лермонтова Лукерьи Шубениной нашел приют ее свойственник – одинокий солдат, бородинский ветеран Дмитрий Федоров¹⁹⁹.

Михаил рос среди воспоминаний об Отечественной войне, прежде всего – отца своего, капитана в отставке, который в 1812 году вступил в ополчение²⁰⁰. Четверо братьев бабки поэта избрали военную службу – не только Дмитрий и Афанасий Столыпины, но и генерал Николай Столыпин, и Александр Столыпин²⁰¹, который служил еще при Суворове²⁰². Заходила ли речь про генерала Никиту Арсеньева, проделавшего кампанию 1812 года, – брат деда²⁰³. Полковник Дмитрий Арсеньев – родственник²⁰⁴. Участник Бородинской битвы генерал А. В. Воейков – родственник²⁰⁵. Тот самый генерал Д. С. Дохтуров, который после Багратиона командовал левым флангом и и крикнул «За нами Москва!..» – родственник²⁰⁶. Приезжали к родственнице Е. П. Мещериновой – встречали у нее генерала П. М. Меликова, героя Бородина...²⁰⁷ Удивляться тому, что Лермонтов с детских лет знал подробности Бородинской битвы, было бы так же странно, как, скажем, недоумевать, откуда советский юноша, рожденный в дни взятия Берлина, знает о великой битве на Волге, разыгравшейся в 1942 году.

Разговоры об Отечественной войне возникали по любому поводу, рассказы перемежались расспросами. И в избранной Лермонтовым поэтической форме нет ничего натянутого. Это – разговор поколений. Но в стихотворении «Бородино» этот обыкновенный диалог поднят до великого обобщения. Ибо между поколениями пролегла незримая грань: старшее мужало в огне Отечественной войны, младшее, разбуженное громом декабрьского восстания, с юных лет слышало о цепях, изгнаниях, казнях и, мешая мечты о вольности со слезами, привыкало таить горькое сознание, что времена, полные славы и великих подвигов, – в прошлом. Отсюда и лермонтовский упрек своему поколению: «Богатыри – не вы», о котором писал Белинский.

Как подумаешь, сколько мыслей и сколько народного опыта воплотилось в девяноста восьми строках лермонтовского стихотворения! И сколько пошло от него! Не много можно насчитать во всем мире стихотворений, которые составили бы собою звено в развитии национального чувства и национальной литературы. И то, что «Бородино» ничуть не утратило

¹⁹⁹ В. Ермолаев. Пензенский край в Отечественной войне 1812 года. Пенза, 1945, с. 30–38.

²⁰⁰ Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. 1814–1832. М., Гослитиздат, 1945, с. 10.

²⁰¹ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887, с. 415, № 21.

²⁰² Там же, с. 415, № 18.

²⁰³ В. С. Арсеньев. Потомство Еремия Яковлевича Арсеньева. Рукопись, с. 3.

²⁰⁴ Там же, с. 5.

²⁰⁵ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887, с. 415, № 22. Здесь должен быть указан первый муж Е. А. Столыпиной Александр Васильевич Воейков, брат генерала Алексея Васильевича Воейкова и тоже участник Отечественной войны.

²⁰⁶ Там же, с. 416.

²⁰⁷ М. Е. Меликов. Заметки и воспоминания художника живописца. – «Русская старина», 1896, № 6, с. 645–649.

ни своей поэтической новизны, ни верности взгляда на ход исторических событий, служит, пожалуй, высшим свидетельством народности этого краткого и одновременно грандиозного по масштабам изображения.

При этом важно иметь в виду, что современниками «Бородино» воспринималось не отдельно, само по себе, а на широком фоне исторических описаний, поэтических прославлений и журнальной полемики.

По существу, события 1812 года снова обрели злободневный смысл с начала 30-х годов, когда затяжные неудачи Николая I в Царстве Польском выявили слабость военного руководства, и все чаще стало вспоминаться имя Кутузова и события великого прошлого.

Открытие Александровской колонны в 1834 году – желание правительства приписать народный подвиг императору Александру, который мешал добывать победу; приближение двадцатипятилетней годовщины Бородина; широкое обсуждение заслуг Кутузова и Барклая-де-Толли, которым собирались соорудить в Петербурге памятники перед Казанским собором; появление военно-исторических трудов Дениса Давыдова, С. Глинки, А. Михайловского-Данилевского, мемуарной литературы – все это отразилось в поэзии, вызвав в 1835 году гениальный отклик – стихотворение Пушкина «Полководец». Великий поэт воскрешал личность и трагическую судьбу Барклая-де-Толли, необоснованно в ходе войны обвиненного в измене отечеству, «испившего до дна чашу самых горьких незаслуженных испытаний»²⁰⁸ за то, что медлил дать Наполеону решительное сражение.

Этот панегирик забытому полководцу вызвал в печати резкие возражения. Пушкин был обвинен в намерении оскорбить память Кутузова. Печатаемая в конце 1836 года в своем «Современнике» «Объяснение» по поводу «Полководца», Пушкин воздавал хвалу «спасителю России» Кутузову и в то же время защищал свое право с сочувствием говорить о Барклае. Заканчивал Пушкин это выступление стихотворением, обращенным к Кутузову, написанным еще в 1831 году:

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...

Говоря о Барклае как о высокопоэтическом лице в русской истории, Пушкин не противопоставлял его Кутузову, ибо отчетливо сознавал, что только Кутузов мог предложить сражение у курганов Бородина, затем «отдать Москву» и «стать в бездействии на равнинах Тарутинских», ибо Кутузов «облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал»²⁰⁹

Ответ Пушкина вызвал новые нападки: «Северная пчела» выступила с официально-монархическим опровержением. От имени «отдаленных потомков» Булгарин утверждал, что «великие мужи могут совершать великие подвиги только при великих государях...»²¹⁰.

Примерно в это же время Лермонтов написал стихотворение, остававшееся ненапечатанным в продолжение почти сорока лет. В свое время я увидел в нем отклик на стихотворение Пушкина «Полководец» и журнальные споры вокруг имени Барклая-де-Толли.²¹¹

²⁰⁸ А. П у ш к и н. Объяснение. – «Современник», литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным, т. IV. СПб., 1836, с. 295–298.

²⁰⁹ А. П у ш к и н. Объяснение. – «Современник», литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным, т. IV. СПб., 1836, с. 295–298.

²¹⁰ Б у л г а р и н. Правда о 1812 годе, служащая к исправлению исторической ошибки, вкравшейся в мнение современников. – «Северная пчела», 1837, № 7, с. 27–28.

²¹¹ Ираклий Андроников. Лермонтов. Новые разыскания. М., «Советский писатель», 1948, с. 91–102.

Великий муж! здесь нет награды
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое название,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну».

По тексту видно, что стихотворение обращено к человеку, обвиненному в нелюбви к отечеству или даже в измене ему.

Вся терминология Лермонтова – «великий муж», «потомок поздний», «беспристрастное преданье» целиком совпадает с журнальной: в статьях 30-х годов именно в связи с Барклаем употребляются определения «великий муж», «бессмертный муж», «великий подвиг» и т. п.

Но отсутствие имени из-за утраты верхней части листа, на котором стихотворение написано, не дает возможности обставить предположение бесспорной аргументацией. В этой связи назывались имена и П. Я. Чаадаева²¹², и К. Ф. Рылеева, и П. И. Пестеля²¹³, и А. Н. Радищева²¹⁴, и даже... П. А. Катенина²¹⁵. Без новых исходных данных – обнаружения полного текста (что вряд ли возможно!) – строк из письма или из мемуаров вопрос этот окончательно решен никогда не будет. Но даже и в том случае, если в нем идет речь о Барклае-де-Толли, эти строки, оставшиеся при жизни Лермонтова никому не известными, фактом общественной жизни стать не могли. Что же касается «Бородина», то оно напечатано на страницах пушкинского журнала в один из самых важных моментов жизни русского общества и обращено к читающей публике.

²¹² В. Эйхенбаум. Основные проблемы изучения Лермонтова. – «Литературная учеба», 1935, № 6, с. 32–35.

²¹³ Е. Тарле. Книга о Лермонтове. – «Литературная газета», 1951, № 145.

²¹⁴ Т. И в а н о в а. Юность Лермонтова. М., «Советский писатель», 1957, с. 269–271.

²¹⁵ А. Попов. Загадка «великого мужа». – «Ставрополье», Литературно-художественный альманах, 1957, № 16, с. 76–79.

5

В этом стихотворении Лермонтов в открытую полемику не вступает: в «Бородине» нет ни одного имени – ни Царя, ни полководцев, только безымянный «полковник-хват». Тем не менее всем своим строем оно направлено против официальной истории Отечественной войны. Ибо Лермонтов утверждает, что истинный герой 1812 года – солдат.

Пушкин в своих творениях передал чувства народной гордости, когда писал о русских победах: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось сердце при слове отечество...» И в стихах – о том, как были завоеваны эти победы:

... поток народной брани
Уж бесновался и роптал.
Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас летят
И тучи конные, брадатая пехота.
И медных пушек светлый ряд.
.....
И многих не пришло. При звуке песней новых
Почили славные в полях Бородина.
На кульмских высотах, в лесах Литвы суровых,
Вблизи Монмартра...²¹⁶

Но еще никогда не выступал в русской литературе солдат с изложением своего взгляда на отечественную историю, с воспоминаниями о ходе величайшего сражения новейшей истории.

Обычным разговорным языком ветеран Отечественной войны, человек уже не молодой – «дядя» начинает по порядку излагать события великого дня, попутно давая им простую, житейскую оценку. Но в этих-то, казалось бы, немудреных суждениях о том, что враг изведаль в тот день силу русского рукопашного боя, что армия, обещав умереть, сдержала под Бородином «клятву верности» и была готова к новому сражению, уверенность, что если бы не «божья воля», Москва не была бы сдана, – в эти рассуждения старого солдата Лермонтов сумел вложить собственный взгляд на события Отечественной войны и на ее глубоко народный характер.

Тут хочется сразу же отвести попытки некоторых комментаторов отыскать этого «дядю» среди родных Лермонтова или, на худой случай, знакомых. Это попытки никчемные. Дядя «ничей». Во времена Николая I солдатская служба продолжалась двадцать пять лет. И в пору, когда писалось стихотворение, в русской армии еще дослуживали свой срок ветераны Отечественной войны. «Дядя» – солдат лет сорока пяти – говорит с солдатом другого возраста. Такой разговор мог происходить и в казарме, и на бивуаке любого полка, в том числе и того, в котором служил сам Лермонтов.

От огромного большинства батальных описаний первой половины XIX столетия, в том числе от юношеского «Поля Бородина» самого Лермонтова, «Бородино» отличается необыкновенной конкретностью, ибо оно написано не только гениальным поэтом, но и профессиональным военным (что впоследствии повторилось и в батальных описаниях офицера Льва Николаевича Толстого!). Лермонтов описывает не сражение вообще, а именно Бородинское. И настолько конкретно, что даже такая, казалось бы, слишком «круглая» цифра, как «залпы

²¹⁶ А. П у ш к и н. Воспоминания в Царском Селе (1829).

тысячи орудий», соответствует действительному числу пушек, стрелявших на Бородинском поле с обеих сторон.

Но главное, что отличает стихотворение Лермонтова от многих других, даже блистательных изображений войны у его предшественников и современников, заключается в том, что он вводит читателя в самую гущу сражения, показывает войну так, как видит ее рядовой солдат. Поэтому такое значение приобретают в его описании детали! До Лермонтова таких описаний не было. Пушкин, гениально изобразивший Полтавскую битву, показывает ее сверху, словно с «командного пункта», крупно «врезая» в эти «общие планы» Петра. Мы видим сражение из-за плеча царя. Лермонтовское описание открыло для русской литературы путь новый – к «маленькому» герою, рядовому человеку, герою массовому, который, выражая чувства и точку зрения народа, есть сам народ. И очень интересно, что лермонтовский солдат почти весь свой рассказ ведет во множественном числе: «уж мы пойдем ломить стеною, уж постоим мы головою за родину свою!» Это «мы» перемежается с «я» («забил заряд я в пушку туго...») и становится от этого только внушительнее.

Естественно, что, передавая восприятие солдата, лермонтовский герой и говорит языком солдата, уснащая свою речь шуточками и прибаутками вроде: «постой-ка, брат мусью». Все это давно сделало «Бородино» доступным для самых широких демократических кругов. И не удивительно, что уже в 40-х годах «Бородино» вошло в детские сборники, в книги для чтения, составленные для уездных училищ, а с 1850 года – в «Чтение для солдат».

Покойный профессор С. Н. Дурылин писал, что в разговоре с ним Л. Н. Толстой назвал лермонтовское «Бородино» «зерном» своей «Войны и мира»²¹⁷. И это понятно. Толстой намеренно следовал в изображении военных сцен и, в частности, Бородинского боя методу Лермонтова. Его Безухов наблюдает сражение из самой гущи боя с того же редута Раевского. «Курган, на который вошел Пьер, – пишет Толстой, – был то знаменитое (потом известное у русских под именем курганной батареи или батареи Раевского...) место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции.... Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это окопанное небольшими канавами место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении»²¹⁸.

Это «важное место» – редут Раевского – и описал Лермонтов в своем стихотворении. Работая над «Войной и миром», Лев Толстой лучше всех в ту пору мог оценить и точность лермонтовских описаний, и всю глубину понимания хода Бородинского сражения, и верность в передаче народного характера Отечественной войны. И даже, вольно или невольно, перефразировал в своем описании строки лермонтовского «Бородина»: «Кто кивер чистил, весь избитый, кто штык точил, ворча сердито...». «Кто, сняв кивер, – читаем мы у Толстого, – старательно распускал и опять собирал сборки; кто сухою глиной, распорошив ее в ладонях, начищал штык»²¹⁹. Дело здесь не только в упоминании кивера и штыка, но и в конструкции фразы: «кто – кто»...

Не говоря уже о батальных произведениях, «Бородино» отзывалось в творчестве многих замечательных русских писателей. И далекие, косвенные отражения его чувствуются, помоему, даже в «Василии Теркине».

Искусство Лермонтова так велико, что мы и не замечаем, что сквозь речь солдата то и дело слышится голос поэта. «Леса синие верхушки»... Солдат не сказал бы так: это – Лермонтов. Но строчка: «Французы тут как тут» – это солдат. «Звучал булат», «Носились знамена, как тени» – это опять речь поэта. Но без этой возвышенной лексики Лермонтов не мог

²¹⁷ С. Дурылин. М. Ю. Лермонтов. – «Литературная газета», 1937, № 56.

²¹⁸ Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20-ти томах, т. 6. М., Гослитиздат, 1962, с. 262–263.

²¹⁹ Там же, с. 284.

бы передать вполне величие этого дня. А «изведал враг» – опять «дядя». Обе языковые струи сплавлены так органически, что мы и не замечаем, что «дядя», оставаясь все время самим собой, говорит как поэт. И все эти строки, в которых «слышны» и медлительность отступления, и стремительные атаки, тишина ночного лагеря и грохот сражения, спаяны такими звонкими рифмами, так нарастает с каждой новой строфой напряжение боя, что это стихотворение двадцатидвухлетнего поэта навсегда останется одним из самых значительных событий в русской литературе.

Десять лет, начиная с пансионской скамьи, Лермонтов писал стихи, поэмы, драмы, прозу. И ничего не печатал: «Хаджи Абрек», помещенный в «Библиотеке для чтения», не в счет – это без его ведома. Он хотел начать по-другому. И вот, написав «Бородино», направляет его в пушкинский «Современник».

Это было в начале 1837 года. События опередили книжку журнала. На смерть Пушкина Лермонтов откликнулся другим, не менее гениальным стихотворением. И сначала разошлись по рукам списки «Смерти Поэта», а затем уже появилось «Бородино».

Французский посол в Петербурге барон де Барант сообщал своему правительству, что общенародное чувство, проявившееся в дни гибели Пушкина в широких демократических слоях русского общества, «походило на то, которым одушевлялись русские в 1812 году»²²⁰.

Эти общенародные чувства Лермонтов выразил и в «Смерти Поэта» – с призывом к ниспровержению «палачей свободы», и в монологе солдата, повествующего о чувствах, которые «одушевляли русских в 1812 году».

В этих откликах на важнейшие события русской истории и современной политической жизни определилась позиция Лермонтова – его отношение к аристократии и к народу, к общественному «разврату» и к подвигу, к великому прошлому и «грозному суду» будущего, определилось литературное направление, которое он избирал, его взгляд на призвание поэта и на задачи поэзии. Все было в этих стихотворениях, с которыми в русскую поэзию навсегда вошло имя «Лермонтов».

²²⁰ «Русский архив», 1900, кн. I, с. 395.

Исторические источники «Вадима»

Этот интерес к народной жизни и «грозному суду» истории – революциям, не только к будущим, но и прошлым, – появился задолго до того, как Лермонтов решил нелегально распространить стихотворение на смерть Пушкина и поставить свое имя на журнальной странице.

Советские читатели с огромным интересом относятся к юношескому роману Лермонтова «Вадим», несмотря на его художественные несовершенства и даже видимые противоречия. Так удивительна революционная страсть, с какой написаны лучшие страницы его, и, если можно применить подобное выражение, «пафос сочувствия», с которым описываются эпизоды крестьянского восстания, руководимого Пугачевым.

Долгие годы это произведение воспринималось как подражательное. Исследователи словно даже и не угадывали той эпохи, которая воскрешается в этом романе, ни реальности его описаний. Это не удивительно: в многочисленных книгах, брошюрах, статьях творчество Лермонтова представало как результат сплошных «заимствований» и «влияний», о самобытности не было и помина, об отражении в его поэзии реальной действительности говорилось вскользь, мимоходом. «Вопрос о влияниях, и в частности влияниях иностранных, – признает автор работы «Творчество Лермонтова и западные литературы», – ставился применительно к Лермонтову так часто, как он не ставился по отношению ни к одному из выдающихся русских поэтов и прозаиков»²²¹. Этому способствовало то, что жизнь Лермонтова, его умственные интересы, его окружение, его связь с русской действительностью той эпохи долгое время оставались мало изученными.

Советские исследователи доказали, что в поэзии Лермонтова претворялся, прежде всего, его собственный жизненный опыт: его переживания, наблюдения над русской жизнью, народные предания, легенды и песни, семейные воспоминания, рассказы бывалых людей, споры с друзьями, размышления об исторических судьбах народов, населявших Россию, об их настоящем и будущем. И книги! Книги, которые тоже действительность. Только часть ее, а не целое. Часть, органически входящая в понятие «действительность», но не противостоящая ей.

Русская жизнь – вот что было для Лермонтова источником творчества. В том числе источником незаконченного юношеского романа, о котором так недавно еще было принято говорить как о слабом подражании образцам французской «неистовой» школы.

Но мало-помалу, исследуя факты, мне удалось выяснить, какой материал был положен в основу «Вадима», и прочесть произведение заново.

²²¹ А. В. Федоров. Творчество Лермонтова и западные литературы. – «Литературное наследство», т. 43–44, с. 129–130.

1

Впрочем, настоящее название этого незаконченного юношеского романа нам неизвестно. Первый лист рукописи оторван: по уцелевшему краю видно, что на нем было написано посвящение или предисловие. Рукопись была обнаружена только в 1873 году и уже потом озаглавлена по имени героя редакторами²²².

Долгое время считалось, что Лермонтов писал «Вадима» в 1832 году. Эта датировка основывалась на словах Лермонтова в его письме к М. А. Лопухиной от августа 1832 года. «Мой роман – сплошное отчаяние, – писал поэт по-французски. – Я перерыл всю душу и все это в беспорядке излил на бумагу»²²³.

Кроме того, о работе над «Вадимом» известно со слов А. Меринского, учившегося в юнкерской школе одновременно с Лермонтовым. «Раз, в откровенном разговоре со мной, – пишет Меринский в своих воспоминаниях, – он мне рассказал план романа, который задумал писать прозой и три главы которого были тогда уже им написаны»²²⁴. Меринский помнил, что «какой-то нищий» играл в нем «значительную роль» и что задуманный в юнкерской школе роман был «из времен Екатерины II», другими словами – из времен пугачевского восстания.

Но так как Меринский поступил в юнкерскую школу гораздо позднее Лермонтова, в 1833 году²²⁵, то «из слов его, – как справедливо замечает в комментарии к роману Б. М. Эйхенбаум, – можно сделать вывод, что работа над «Вадимом» продолжалась в 1833–1834 годах». На этом основании Эйхенбаум отменяет прежнюю датировку (1832) и предлагает считать, что «Вадим» написан в 1832–1834 годах²²⁶. Однако при этом редактор не обратил внимания на то, что в конце 1833 года, когда Меринский поступил в школу и когда только и мог состояться его разговор с Лермонтовым, у того были написаны всего лишь три главы. Из этого можно заключить, что работа над романом началась не раньше 1833 года, а в 1832 году Лермонтов писал какой-то другой роман.

Глухое упоминание о другом романе имеется в «Описи письмам и бумагам л. – гв. Гусарского полка корнета Лермонтова», отобранным у него при аресте в 1837 году. В этой описи зарегистрировано обнаруженное при обыске среди прочих бумаг письмо «от девицы Верещагиной к Лермонтову». «В нем упоминается, – пишет составлявший опись жандарм, – о какомто романе соч. сего последнего, но он, кажется, не состоялся, Лермонтов, по-видимому, уничтожил его прежде окончания»²²⁷.

Если при этом иметь в виду, что остальные письма к Лермонтову, внесенные в жандармскую опись, относятся главным образом ко времени поступления его в юнкерскую школу, то отсюда можно сделать вывод, что в 1832 году Лермонтов работал над другим романом, который охарактеризовал в письме к М. А. Лопухиной как «сплошное отчаяние». По письму А. М. Верещагиной к Лермонтову жандарм понял, что роман «не состоялся» и что

²²² Впервые в «Вестнике Европы» (1873, кн. 10, с. 458–577) под заглавием «Юношеская повесть М. Ю. Лермонтова». Висковатов дал ей произвольное название «Горбач Вадим. Эпизод из пугачевского бунта (Юношеская повесть)», Болдаков озаглавил: «Вадим. Неоконченная повесть». Абрамович – «Вадим (Повесть)». Эйхенбаум – «Вадим».

²²³ Лермонтов, т. VI, с. 414.

²²⁴ А. Меринский. Воспоминание о Лермонтове. – «Атепей», 1858, № 48, с. 300.

²²⁵ Лермонтов – десятого выпуска (1834), Меринский – одиннадцатого выпуска (1835) (В. П о т т о. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. СПб., 1873, Приложения, с. 64).

²²⁶ М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч. в 5-ти томах. Редакция текста и комментарии Б. М. Эйхенбаума. М.—Л., «Academia», 1937, т. V, с. 447. Далее сокращенно: Лермонтов, «Academia».

²²⁷ Висковатов. Биография. Приложения, с. 15.

Лермонтов уничтожил его. Сопоставляя все эти данные, следует считать, что во всяком случае это был не «Вадим».

Итак, «Вадима» Лермонтов писал в 1833–1834 годах в юнкерской школе. Поэтому соображения современного исследователя о творческом кризисе, «в который Лермонтов вступил в 1832 году», в пору пребывания в военном училище, утверждение, что «в произведениях... Лермонтова за 1833–1834 годы мы не находим революционных нот» и что «политический интерес у Лермонтова в это время, по-видимому, ослабел», нуждается в пересмотре²²⁸. Напряженная работа над романом о пугачевском восстании в стенах закрытого военно-учебного заведения во времена Николая I сама по себе исключает мысль об ослаблении политических интересов и революционных нот в творчестве Лермонтова. Ибо, по словам того же исследователя, «Вадим», «со всеми своими слабостями и противоречиями, звучит как произведение революционное, как грозное напоминание о часе народной расплаты»²²⁹. Таким образом, становится ясно, что разговор об идейном кризисе Лермонтова в годы пребывания его в юнкерской школе был просто результатом неправильной датировки.

Русское дворянство окрестило 1774, пугачевский, год «черным годом». Слово это настолько прочно вошло в обиход помещичьих усадеб и дворянских особняков, что Г. П. Данилевский сто лет спустя назвал так свой роман из времен пугачевщины. «Настанет год, России черный год», – писал Лермонтов в 1830 году, размышляя о возможности повторения пугачевского восстания, о грядущей народной революции, когда «корона упадет» с головы русских царей. И в юнкерской школе, обращаясь к исторической теме, он принялся за работу над романом, действие которого приурочил именно к пугачевскому году.

Но, несмотря на передатировку, «Вадим» по-прежнему остается самостоятельным опытом исторического романа о пугачевском восстании. И хотя Лермонтов обратился к этой теме одновременно с Пушкиным, но совершенно от него независимо. Припомним, что работа Пушкина над «Капитанской дочкой» в 1833 году не пошла дальше начальных набросков плана. «История Пугачева», которую Пушкин писал в том же 1833 году, в свет вышла только в самом конце 1834 года, а «Капитанская дочка» – в 1836 году, когда работа над незавершенным «Вадимом» была уже в прошлом²³⁰. «Дубровского» же, о сходстве с которым «Вадима» речь будет ниже, Лермонтов и вовсе не мог знать: этот незаконченный роман, написанный в конце 1832 – начале 1833 года, увидел свет лишь в конце 1841, когда ни Пушкина, ни Лермонтова в живых уже не было.

Следовательно, ни «Истории Пугачева», ни «Капитанской дочки», ни «Дубровского» Лермонтов в 1833–1834 годах знать не мог. Еще менее мог подозревать Пушкин, что в дальних классах юнкерского училища, запираясь от начальства и рискуя быть наказанным, молодой юнкер до поздней ночи пишет свой исторический роман. Тем больший интерес приобретают для нас сюжетные и фабульные совпадения в гениальных прозаических творениях Пушкина и в юношеском, еще незрелом и незавершенном романе Лермонтова, – совпадения, которые подсказаны Лермонтову реальной действительностью.

²²⁸ В. Я. К и р п о т и н. Политические мотивы в творчестве Лермонтова. М., 1939, с. 99 и 113.

²²⁹ Там же, с. 96.

²³⁰ А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч. в 9-ти томах. Под общей редакцией [Ю. Г. Оксмана] и М. А. Цявловского, т. VII. М., «Academia», 1938, с. 846 и 878. Комментарии Ю. Г. Оксмана к «Капитанской дочке» и «Дубровскому». «Путеводитель по Пушкину». Приложение к журналу «Красная нива» за 1931 год. М.—Л. ГИХЛ, 1931, с. 160.

2

Припомним фабулу лермонтовского романа.

Безобразный нищий – горбун Вадим – нанимается в слуги к богатому помещику Палицыну, в доме которого с младенческих лет на положении воспитанницы живет Ольга, сестра Вадима. Пользуясь удобным случаем, Вадим становится слугой Палицына, чтобы мстить ему за разорение и смерть отца, за собственную нищету, за унижение сестры.

«Твой отец был дворянин – богат – счастлив, – рассказывает Вадим Ольге, – и, подобно многим, кончил жизнь на соломе... У него был добрый сосед, его друг и приятель, занимавший первое место за столом его, товарищ на охоте, ласкавший детей его, – сосед искренний, простосердечный, который всегда стоял с ним рядом в церкви, снабжал его деньгами в случае нужды, ручался за него своею головою... Однажды на охоте собака отца твоего обскакала собаку его друга; он посмеялся над ним: с этой минуты началась непримиримая вражда – 5 лет спустя твой отец уж не смеялся... Друг твоего отца отрыл старинную тяжбу о землях и выиграл ее и отнял у него все имение; я видал отца твоего перед кончиной...» И отец его представился его воображению, таков, каким он возвратился из Москвы, потеряв свое дело... и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчим и суду...»²³¹

«Кто бы подумал! – восклицает уже не Вадим, но сам Лермонтов. – Столько страданий за то, что одна собака обогнала другую...»²³²

Далее описывается, как Вадим старается приобрести доверие и любовь слуг Палицына. Прослышав, что Пугачев приближается к местам, где находится вотчина Палицына, Вадим предвидит удобный случай отомстить своему врагу, он поднимает крестьян Палицына на восстание и становится во главе отряда.

Как видим, фабула лермонтовского романа поразительно совпадает в этой части с историей Владимира Дубровского, который, так же как и Вадим, становится атаманом восставших крестьян из желания отомстить виновнику смерти отца.

Но если даже допустить, что сходство это обусловлено традицией «разбойничьих» сюжетов, то завязка в обоих романах – история с борзой собакой и возобновившаяся затем старинная тяжба о землях – заставляет думать, что в основе их лежит какой-то общий источник.

Известно, что в рукопись «Дубровского» Пушкин просто вшил писарскую копию с подлинного дела козловского уездного суда «О неправильном владении поручиком Иваном Яковлевым сыном Муратовым имением, принадлежащим гвардии подполковнику Семену Петрову сыну Крюкову, состоящим Тамбовской губернии Козловской округи сельце Новопанском»²³³.

Дело это началось еще в 1826 году и решилось в козловском уездном суде в 1832 году в пользу Крюкова. Право было на стороне Муратова, но документ, подтверждавший это право, сгорел. Суд не пожелал разобрать дело по существу и вынес решение в пользу Крюкова. Нежелание суда войти в суть дела объяснялось просто: Крюков был важный барин, богатый помещик, владелец трех тысяч душ, а у Муратова было только одно небольшое поместье. Срок, положенный на обжалование судебного решения, Муратов пропустил. Только в

²³¹ Лермонтов, т. VI, с. 17–18 и 22.

²³² Там же, с. 19.

²³³ В. Е. Я к у ш к и н. А. С. Пушкин. Из черновых его бумаг. – «Русская старина», 1887, № 9, с. 545–551.

октябре 1832 года, когда уже было отдано распоряжение отобрать у него имение, он начал снова хлопотать и для этого явился в Москву²³⁴.

Пушкин, находившийся в октябре 1832 года в Москве, узнал об этом деле от П. В. Нащокина и через его поверенного, Д. В. Короткого, чиновника Опекунского совета, достал копию подлинного судебного решения²³⁵.

Лермонтова в это время в Москве уже не было. В начале августа того же года он переехал с бабушкой в Петербург. Однако эту историю он мог узнать из другого источника.

В Петербурге Арсеньева постоянно посещала дом Лонгиновых. «Я знал ее лично и часто видал у матушки, которой она по мужу была родня», – вспоминал М. Н. Лонгинов²³⁶. Мать М. Н. Лонгинова, Мария Александровна, жена статс-секретаря Н. М. Лонгинова, была дочерью тамбовской помещицы Прасковьи Александровны Крюковой, с которой Елизавету Алексеевну Арсеньеву связывала старинная и крепкая дружба. Сохранились письма Арсеньевой к П. А. Крюковой²³⁷. По этим письмам видно, что в 1834–1837 годах они продолжали поддерживать и по почте откровенные и дружеские отношения, сообщая друг другу последние новости и обращаясь ко взаимным услугам.

В 1835 году, пересылая Лермонтову «мех черный под сюртук», Арсеньева отправляет его к своей соседке П. А. Крюковой в ее тамбовское имение, а та пересылает его в Петербург, в адрес дочери. «Уведомь, часто ли ты бываешь у Лонгиновой», – спрашивает Арсеньева внука с одним из своих писем²³⁸.

Постоянно встречаясь и переписываясь с Крюковыми, Е. А. Арсеньева, несомненно, знала от них подробности многолетней незаконной тяжбы их тамбовского соседа и, вероятно, родственника, подполковника Крюкова, с обедневшим Муратовым, – тяжбы, разбиравшейся, кстати сказать, в том самом Козлове, через который пролегал постоянный тракт из Москвы на Чембар²³⁹.

Если же вспомнить свидетельство Меринского о том, что роман Лермонтова был основан «на истинном происшествии, по рассказам его бабушки»²⁴⁰, становится понятным казавшееся раньше необъяснимым совпадение в «Дубровском» и в «Вадиме»: завязка обоих романов восходит, таким образом, к одному и тому же источнику, о котором Пушкин знал от Нащокина и Короткого, а Лермонтов – через Крюковых, со слов бабки. Недаром в лермонтовском романе упомянута деталь, очевидно подсказанная подлинным фактом: отец Вадима «возвратился из Москвы», проиграв свое дело.

Итак, совпадение с «Дубровским» объясняется общим источником.

Припомнив, что Вадим переходит на сторону Пугачева, подобно Швабрину, и зная, что «Капитанская дочка» и «Вадим» задуманы в одно и то же время, мы уже вправе предполагать и на этот раз, что сходство в судьбах героев объясняется общим источником.

Поэтому обратимся к источникам.

²³⁴ А. С. Пушкин. Соч. в 3-х томах. Общая редакция А. Слонимского, т. III. М. – Л., Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1937, с. 690 (Объяснения Б. В. Томашевского к «Дубровскому»).

²³⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 9-ти томах. Под общей редакцией [Ю. Г. Оксман] и М. А. Цявловского, т. VII. М., «Academia», 1938, с. 847.

²³⁶ «Соч. М. Н. Лонгинова», т. I. М., Изд-во Л. Э. Бухгейма, 1915, с. 47.

²³⁷ Л. Модзалевский. Письма Е. А. Арсеньевой к П. А. Крюковой. – «Литературное наследство», т. 45–46, с. 641–656.

²³⁸ Лермонтов, т. VI, с. 741.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ А. Меринский. Воспоминание о Лермонтове. – «Атеней», 1858, № 48, с. 300.

3

Первое исследование об источниках «Вадима» появилось в 1914 году. Это три главы в монографии С. И. Родзевича «Лермонтов как романист»²⁴¹. Произведения Лермонтова проанализированы в этой книге «с точки зрения наличности в них элементов западного, по преимуществу французского влияния»²⁴². Других задач автор книги перед собою и не ставил. И на многочисленных примерах попытался доказать, что «Вадим» и по теме, и по фабуле, и по образам восходит к произведениям Гюго, Вальтера Скотта, Шиллера, Байрона, Шатобриана, Альфреда де Виньи, Марлинского и Загоскина. Основываясь на ложной предпосылке, что Лермонтов в своей работе опирался на одни лишь литературные источники, Родзевич неизбежно пришел к ложному выводу. По его словам, «Вадим» – это «пестрый узор, вышитый по заимствованной канве».

Что же касается эпохи и места действия, как они изображены в «Вадиме», то Родзевичу кажется, что «колорит эпохи и места действия намечен поверхностными мазками» и что назвать этот роман историческим «вряд ли возможно, если иметь в виду... наличность тех элементов, которые характеризуют исторический роман В. Скотта и его учеников»²⁴³.

Родзевич находит, что «Вадим» не похож на исторические романы Вальтера Скотта и его подражателей. Самобытность и оригинальность лермонтовского романа он принимает за его недостатки. Но мы видим в этом достоинства – и тем большие, что «Вадим» представляет собою первый в русской литературе опыт романа о пугачевском восстании.

Это можно доказать, если обратиться к анализу источников исторических, хотя некоторым и современным исследователям прозы Лермонтова продолжает казаться, что «вопрос об исторических источниках его романа не имеет большого значения»²⁴⁴.

Но даже и тот исследователь, которому прежде других стало ясно, что «юноша Лермонтов был первый русский автор, нашедший историко-художественный интерес в событиях пугачевского восстания», и тот может только неопределенно заметить, что действие «Вадима» протекает «в одной из местностей Восточной России»²⁴⁵.

Между тем нам становится окончательно ясным, что в работе над «Вадимом» Лермонтов опирался на материал, связанный исключительно с пензенским краем²⁴⁶, где находилось имение Е. А. Арсеньевой Тарханы и поместья ее родни – Столыпиных. Легко доказать, что Лермонтов описал как раз те места, где было имение бабки.

Указание на то, что действие романа разворачивается в Пензенской губернии, можно найти в самом тексте. В романе неоднократно упоминаются реки Сура и Ока («Дом Бориса Петровича стоял на берегу Суры»). Сура протекает по Пензенской губернии и лишь перед слиянием с Волгой течет в пределах Симбирской. Ока до начала XIX века служила естественной границей пензенской провинции с севера²⁴⁷. Кроме этого, целый ряд деталей пейзажа подтверждает, что Лермонтов изобразил в «Вадиме» природу того края, в котором прошло его детство.

²⁴¹ С. И. Родзевич. Лермонтов как романист. Киев, 1914.

²⁴² С. И. Родзевич. Лермонтов как романист. Киев, 1914. с. V.

²⁴³ Там же, с. 21.

²⁴⁴ Б. То м а ш е в с к и й. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция. – «Литературное наследство», т. 43–44, с. 481.

²⁴⁵ С. Н. Дурылин. Как работал Лермонтов. М., «Мир», 1934, с. 100.

²⁴⁶ И. Андроников. Жизнь Лермонтова. М., Детгиз ЦК ВЛКСМ, 1939, с. 30–31; Г. Нефедов. Пензенский край в творчестве М. Ю. Лермонтова. – «Сталинское знамя», 1939, № 165.

²⁴⁷ Н. П р о з и н. Очерки Пензенской губернии. – «Пензенские губернские ведомости», 1862, №№ 6, 7, 8.

Описанные в романе события Лермонтов приурочил к летним месяцам 1774 года. Это подтверждает, что он воссоздал в «Вадиме» эпизоды пензенского восстания.

В июле 1774 года Пугачев, избегая преследования Михельсона, переправился у Кокшайска на правую сторону Волги и через Ядрин, Алатырь, Саранск и Пензу двинулся к югу, на Саратов. И сразу же крестьянские восстания вспыхнули в Симбирской, Пензенской, Саратовской, Нижегородской и Тамбовской губерниях. «Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции, – писал Пушкин в «Истории Пугачева». – Довольно было появления двух или трех злодеев, чтобы взбунтовать целые области. Составлялись отдельные шайки... и каждая имела у себя своего Пугачева»²⁴⁸.

Стремительно уходя на юг, Пугачев и его штаб не могли руководить многочисленными отрядами своих сторонников. И восстание пензенских крестьян не прекращалось даже после окончательного поражения Пугачева под Черным Яром.

Лермонтов в своем романе отразил именно эту характерную черту пензенского восстания – «пугачевщину без Пугачева».

Пенза была занята Пугачевым первого августа; к этому времени вся провинция, верст на пятьсот в округе, была уже охвачена восстанием. Центром его стали северные уезды – Краснослободский, Керенский и Нижне-Ломовский.

Сильные отряды крестьян и казаков приступом взяли Краснослободск. Крепостной Евстигнеев, назвавшийся, по примеру Пугачева, Петром III, взял Инсар, Троицк, Наровчат и Керенск, повесил воевод и дворян и учредил свое правление. Верхний и Нижний Ломов сдались крепостному Евстратову. «Дворянство обречено было погибели, – писал Пушкин. – Во всех селениях, на воротах барских дворов висели помещики или их управители». Кто успел – бежали из родовых вотчин и спасались в лесах. Большой Мокшанский лес в Краснослободском уезде «обратился в место кочеванья помещичьих таборов. Здесь в телегах, каретах и кибитках странствовали с места на место целые семьи господ с немногими верными слугами»²⁴⁹.

Академик А. Н. Крылов, симбирский уроженец, сообщает в своих мемуарах, что отец его, родившийся в 1830 году, «будучи мальчиком, знал еще тех почтенных старцев, которые в молодости видели Пугачева и помнили его поход через Симбирскую губернию до с. Исы Пензенской губернии»²⁵⁰.

Ясно, что Лермонтов, который был гораздо старше отца Крылова, слышал о расправе пугачевцев с помещиками и приказчиками от таких же почтенных старцев. В 20-х годах много было их еще среди крепостной дворни в Тарханах и среди соседей-помещиков. Хорошо помнил пугачевские времена Василий Григорьевич Шубенин – свекор кормилицы Лермонтова Лукерьи Шубениной²⁵¹. Навещая свою «мамушку», Лермонтов, конечно, не раз слышал о том, кого и как убили и чьи усадьбы сожгли пугачевцы. Иначе и быть не могло: по словам саратовского краеведа Андрея Леопольдова, народ еще и в 1840-х годах продолжал вести исчисление годам «до Пугачева и после Пугачева».

Рассказы старожилы легли в основу таких сцен «Вадима», как сцены расправы с женой Палицына, бегства Палицына в лес, казни старого помещика из села Красного.

Наименование села Красного встречается в романе несколько раз подряд, в одном случае оно даже подчеркнуто²⁵². Мы знаем, что, подчеркивая в своих рукописях слова, Лер-

²⁴⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. IX, ч. I. Изд-во АН СССР, 1950, с. 69.

²⁴⁹ И. Беляев. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде. – «Пензенские губернские ведомости», 1869, № 15.

²⁵⁰ Академик А. Н. Крылов. Мои воспоминания, изд. 2-е. М., 1943, с. 7.

²⁵¹ П. Вырыпаев. Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова. – «Земля родная», литературно-художественный альманах, кн. 6. Пензенское областное издательство, 1950, с. 172.

²⁵² Лермонтов, т. VI, с. 109.

монтов тем самым давал понять, что имеет в виду подлинное наименование или событие. Действительно, среди населенных пунктов Пензенской губернии имеется большое село Красное, а в соседстве с ним, всего лишь в восьми верстах, – село Столыпино, в первой четверти XIX века принадлежавшее сенатору Аркадию Алексеевичу Столыпину, брату Е. А. Арсеньевой²⁵³. Таким образом, рассказ Лермонтова о судьбе «упрямых господ села *Красного*»²⁵⁴ восходит, очевидно, к подлинной истории владельцев этого имения.

Мы можем даже высказать предположение, что с этим имением связано имя Акинфых.

Среди казенных Пугачевым пензенских дворян был саранский помещик майор Василий Акинфов. Двор и винокуренные заводы его за рекой Сурой были разграблены, а крестьяне и дворовые люди «пристали» к Пугачеву²⁵⁵.

Лермонтов не мог не знать обстоятельств его гибели.

Три дочери Василия Ниловича Акинфова избежали судьбы отца и впоследствии поселились в Москве. Старшая – Елизавета Васильевна вышла замуж за Дмитрия Лужина, вторая – Варвара за Григория Кошелева, третья – Екатерина за Александра Матвеевича Шеншина.

Живя в Москве на Малой Молчановке, Лермонтов часто бывал в семье Лужиных, а внуки Акинфова – Владимир и Николай Шеншины – были его ближайшими друзьями.

Всех трех дочерей Акинфова спасла во время нашествия Пугачева их няня. Старушка была жива еще в 1830 году²⁵⁶, и Лермонтов – об этом можно говорить совершенно уверенно – слышал этот рассказ из уст очевидицы. Уж слишком конкретны подробности расправы с помещиками из «Красного» и, несмотря на верность автора канонам романтической прозы и романтической живописи, слишком «портретны» изображения! Напомню описание отца и трех дочерей, ожидающих казни от рук пугачевцев.

Караван телег, нагруженных отнятым добром, расположился на отдых. Слышны рассказы восставших про «богатые добычи» и сопротивление господ, которые «осмелились оружием защищать свою собственность».

Взор Вадима упадает на одну из кибиток. Рогожа откинута.

Из кибитки показалась «седая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лет 60 или более; его взгляд был мрачен, но благороден, исполнен... холодной гордости... большие серые глаза, осененные тяжелыми веками, медленно, строго пробежали картину, развернутую перед ними случайно...»

«Вот показалась из-за рогожи другая голова, женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, с детской полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устах: она прилегла на плечо старика так беспечно и доверчиво, как ложится капля росы небесной на листок, иссушенный полднем, измятый грозой и стопами прохожего, и с первого взгляда можно было отгадать, что это отец и дочь...»

Другая кибитка была совершенно раскрыта, и в ней находились две девушки, «две старшие дочери несчастного боярина. Первая сидела и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на коленях: их волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны...»²⁵⁷

Далее повествуется о том, как происходило нападение на господский дом, как меньшая дочь, стоя за простенком, заряжала для мужчин ружья...

²⁵³ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей», под редакцией В. П. Семенова, т. II (Среднерусская черноземная область) СПб., 1902, с. 352.

²⁵⁴ Лермонтов, т. VI, с. 109.

²⁵⁵ «Пугачевщина», изд. Центрархива, т. II, с. 392.

²⁵⁶ «Род дворян Акинфых». Симбирск, 1899, с. 19.

²⁵⁷ Лермонтов, т. VI, с. 109–110.

Желая насладиться видом смерти и мук, Вадим подает мысль сообщникам казнить пленных тут же, не ожидая старшин. Старика и младшую дочь выволакивают из кибитки и растаскивают в разные стороны. Услышав неотвратимый приговор, девушка падает мертвой. Старика вздергивают, но конец веревки взвизгивает, повешенный падает, ударяется оземь, нога его хрустнула... Два ножа, воткнувшись старику в горло, обрывают его проклятия.

«Божественная, милая девушка! – начинается заключительная сентенция автора, – и ты погибла... один удар – и свежий цветок склонил голову!...»²⁵⁸

На эту сцену «равнодушно и любопытно» смотрит Вадим, чье «неуместное слово было всему виной»²⁵⁹.

Портреты старика и его дочерей «вписаны» в картину грозного веселия восставших, изображенного в живописной манере, напоминающей уже не Рафаэля, а контрасты, характерные для творчества Рембрандта:

«...началась пирушка... Сначала веселый говор пробежал по толпе, смех, песни, шутки, рассказы, все сливалось в одну нестройную, неполную музыку, но скоро шум начал возрастать, возрастать, как грозное крещендо оркестра: ход сделался согласнее, сильнее, выразительнее; о, какие песни, какие речи, какие взоры, лица, телодвижения, буйные, вольные! Какие разноцветные группы! яркое пламя костров, согласно с догорающим западом, озаряло картину пира...»²⁶⁰

Вернемся, однако, от живописного стиля романа и от его звукописи к историческим фактам, которыми располагал Лермонтов.

В селе Родниках Мокшанского уезда Пензенской губернии пугачевцы убили помещика Михаила Киреева «с сыном Киприаном и с верным шутком Вакою»²⁶¹.

Дочь этого Киреева, Варвара Михайловна, доводилась родной бабкой другу Лермонтова, Святославу Раевскому, и, как написано в его «Объяснении», «оставшись сиротой во времена Пугачева, воспитывалась в доме Столыпиных, соседей своих по деревне, вместо с Елизаветою Алексеевною» Столыпиной, впоследствии по мужу Арсеньевой²⁶².

Ясно, что Лермонтов не раз слышал эту историю, которая, таким образом, составляла часть семейной хроники столыпинского дома. Несомненно, что ему был известен рассказ об управляющем имением Тарханы, которое в ту пору принадлежало еще помещику Нарышкину. По словам П. Шугаева, «этот управляющий, Злынин, был... в Тарханах во время нашествия одного из отрядов Емельяна Пугачева, командир которого опрашивал крестьян, нет ли у кого жалоб на управляющего, но предусмотрительный Злынин еще до прибытия отряда Пугачева сумел убогатить всех недовольных, предварительно раздавши весь почти барский хлеб, почему и не был повешен»²⁶³.

«Штаб-квартира» этого отряда, возглавлявшегося крестьянином села Каменки Иваном Ивановым, находилась в лесу «Малиновом», между Тарханами и Чембаром²⁶⁴. Указывают и другие места, где был стан пугачевцев, – возле села Колдуссы, тоже недалеко от Тархан. В Колдуссах пугачевцы расправились с помещиком Бярятинским²⁶⁵. Впрочем, сохранилось

²⁵⁸ Лермонтов, т. VI, с. 113.

²⁵⁹ Там же, с. 114.

²⁶⁰ Там же, с. 111.

²⁶¹ «Записки М. Н. Киреева. Мой дед М. М. Киреев. Эпизод из пугачевского бунта». – «Русская старина», 1890, № 7, с. 3.

²⁶² Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. 1814–1832. М., ОГИЗ, ГИХЛ, 1945, с. 55. Ср. П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, т. I. Л., «Прибой», 1929, с. 262.

²⁶³ П. Шугаев. Из колыбели замечательных людей. – «Живописное обозрение». 1808, № 25, с. 501.

²⁶⁴ С. Петров. Пугачев в Пензенском крае. Пензенское областное издательство, 1950, с. 105.

²⁶⁵ Г. Нефедов. Пензенский край в творчестве М. Ю. Лермонтова. – «Сталинское знамя», 1939, № 165.

предание, что и в самих Тарханах под полом часовни «господа похоронены и что всех их Пугачев перебил еще в старину»²⁶⁶.

Известно, что когда Лермонтов был ребенком, то, кроме Акима Шан-Гирея, у бабушки в Тарханах («чтобы Мишенька не скучал») воспитывалось около десяти мальчиков, в их числе, как пишет П. А. Висковатов, Николай и Петр Максutowы²⁶⁷.

Работающий инженером в Министерстве торговли СССР Виктор Иванович Соловьев, со слов тещи Л. П. Берг – внучки Петра Максutowа, – рассказывал мне, что «Елизавета Алексеевна Арсеньева привозила Лермонтова в Нижний Ломов к мальчикам Максutowым», что имение их находилось возле Нижнего Ломова, а недалеко от него сохранились подземные ходы, вырытые еще во времена Пугачева.

Начав свой роман описанием сцены, происходящей на монастырской паперти, Лермонтов, очевидно, имел при этом в виду Нижне-Ломовский монастырь, находившийся верстах в пятидесяти от Тархан и с давних пор славившийся своею «нерукотворенною иконою божьей матери», которую местное духовенство с немалой для себя выгодой возило по городам и деревням Пензенской и даже соседних губерний – Тамбовской и Саратовской.

Монастырь этот расположен на высокой горе, в двух верстах от города Нижнего Ломова, близ деревни Норовка, лежащей под горой, за оврагом. «Обитель обнесена кругом каменною стеною, – повествует историк монастыря, – вход в обитель идет через большие ворота, называемые святыми, с изображением на них величественной картины Страшного суда»²⁶⁸.

«Нищий стоял сложа руки, – пишет в своем романе Лермонтов, – и рассматривал дьявола, изображенного поблекшими красками на св. вратах...»; «Народ, столпившийся перед монастырем, – читаем дальше, – был из ближней деревни, лежащей под горой...»; «На полусветлом небосклоне рисовались зубчатые стены, башни и церковь...»; «...между царскими и боковыми дверьми был нерукотворенный образ...»²⁶⁹. Видно, Лермонтов действительно описал Нижне-Ломовский монастырь, который в летописях пензенского восстания 1774 года занимает особое и важное место.

Когда отряд восставших крестьян, предводительствуемый крепостным Евстратовым, захватил Нижний Ломов, то «сам архимандрит Нижне-Ломовского монастыря Исаакий с четырьмя иеромонахами и двумя иеродиаконами вышел с крестом и иконами навстречу *царскому полковнику*. С городских колоколен раздавался звон, по улицам толпился народ с непокрытыми головами»²⁷⁰.

Как видно из показаний самого Исаакия перед судом, он «за страх смертный» о здравии Пугачева «молебен служил, а на ектиньях его, злодея, под именем покойного императора Петра III произносил»²⁷¹. Поэтому, когда правительственные войска подавили восстание, Исаакий был лишен сана и монашества и сослан в Сканову пустынь, где и умер²⁷². Но память об этом событии долго еще жила в пензенских помещичьих усадьбах. Долго еще поведение архимандрита Исаакия служило темой для обсуждений, тем более что торжественно встречали пугачевцев не в одном Нижнем Ломове. В Краснослободске пугачевцы «встре-

²⁶⁶ Н. Р ы б к и н. Материалы к биографии Белинского и Лермонтова. – «Исторический вестник», 1881, октябрь, с. 373.

²⁶⁷ Висковатов. Биография, с. 23.

²⁶⁸ [Архимандрит Геден]. Нижне-Ломовский Казанский второклассный мужской монастырь. Н.-Ломов, 1911, с. 6.

²⁶⁹ Лермонтов, т. VI, с. 8, 60, 10, 57.

²⁷⁰ И. И. Дубасов. Очерки из истории Тамбовского края, вып. II, 1883, с. 87. Ср. Г. Н. Ефедов. Пензенский край в творчестве М. Ю. Лермонтова. – «Сталинское знамя», 1939, № 165.

²⁷¹ Г. И. П е т е р с о н. Пугачевщина в городах и уездах Пензенской губернии. – «Справочная книга Пензенской губернии на 1899 год», с. 158.

²⁷² А р х и м а н д и т Е в п с и х и й. Историко-статистическое описание Нижне-Ломовского Казанского второклассного мужского монастыря. Пенза, 1891, с. 35 и 42. Ср. «Русский биографический словарь», том «Ибак – Ключарев», с. 140.

чены были... с церковною церемониею иеромонахом Паисием»²⁷³, в Саранске – перепуганным архимандритом Александром, в Пензе – иеромонахами Исаией, Германом и Ионой²⁷⁴.

Теперь становится наконец понятным, почему на полях рукописи «Вадима» Лермонтов нарисовал старых монахов.

Таким образом, выясняется, что изображение пугачевского восстания в лермонтовском романе обосновано строго исторически.

Несомненно также, что Лермонтову были известны обстоятельства убийства капитана Данилы Столыпина, с которым бабка Лермонтова была в близком родстве. Столыпин был убит пугачевцами в Краснослободске²⁷⁵. В списке дворян, «убитых до смерти» в 1773–1774 годах, мы, кроме Данилы Столыпина, находим подпоручика Василия Хотяинцова. Сын его «Фома Васильев Хотяинцов» был крестным отцом Лермонтова. Кроме того, в этом списке – имена многих Мартыновых, Мансыревых, Киреевых, Мещериновых, Мосоловых. С Мещериновыми и Мосоловыми бабка Лермонтова находилась в родстве, потомки Киреевых, Мансыревых и Мартыновых принадлежали к числу ее хороших знакомых²⁷⁶.

Рассказывая о том, как Борис Петрович Палицын решил скрыться от своих восставших крестьян в уединенной пещере, которой «народ дал... прозвание Чертова логовища», Лермонтов необычайно подробно, на трех с половиной страницах, описал местность и маршрут, коими должно было следовать Палицыну. Сообщил, что пещеры и подземные ходы служили прежде убежищами «от набегов татар, крымцев и впоследствии от киргизов и башкир», что последний набег башкир был в 1769 году²⁷⁷. Описывая овраг возле деревни Палицына, упомянул, что по дну протекал «гремучий ручей»²⁷⁸.

Уже само описание это – необыкновенно подробное, с историческими справками, с обстоятельным указанием маршрута – невольно наводило на мысль, что Лермонтов имел в виду какое-то конкретное место. И действительно, выясняется, что он описал местность, находящуюся в девяти-десяти километрах от Тархан, между селами Нижние Поляны и Тархово, которыми владели дальние родственники Арсеньевой, помещики Мосоловы. В лесистом овраге между этими селами доньше сохранилась пещера, около которой протекает «Гремучий» родник. И. Вырыпаев, прежний директор музея в селе Лермонтове (бывшем Тарханы), который установил это, пишет, что «если идти к... пещере от села Полян, то сначала приходится переплыть реку, версты две идти болотистой равниной, поросшей кустарником, затем начинается лес, по косоугору тропинка ведет в овраг, где и находится пещера»²⁷⁹.

Это описание в точности совпадает с лермонтовским: «...должно бы было переплыть реку и версты две идти болотистой долиной, усеянной кочками, ветловыми кустами, болото оканчивается холмом... тропинка... спустясь с него, поворачивала по косоугору в густой и мрачный лес»²⁸⁰.

По преданию, в этой пещере во времена Пугачева скрывались крестьяне. По болоту была проложена гать. Ехал по этой гати помещик на тройке. Скрывавшиеся в пещере кре-

²⁷³ И. И. Дубасов. Очерки из истории Тамбовского края, вып. II, с. 86.

²⁷⁴ Г. И. Петерсон. Пугачевщина в городах и уездах Пензенской губернии, цит. изд., с. 163.

²⁷⁵ И. Беляев. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде Пензенской губернии. Краснослободск, 1879, с. 12 и 19.

²⁷⁶ «Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева», ч. II. М., в вольной типографии Федора Любиа, 1809, с. 160, 200, 209, 214, 216.

²⁷⁷ Лермонтов, т. VI, с. 76–82.

²⁷⁸ Там же, с. 71.

²⁷⁹ П. Вырыпаев. Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова. – «Земля родная». Литературно-художественный альманах, кн. 6, Пенза, 1950, с. 173.

²⁸⁰ Лермонтов, т. VI, с. 76.

стьяне погнались за ним. Помещик, увидев, что попал в засаду, свернул с гати, поскакал прямо по болоту и утонул в трясине вместе со своей тройкой²⁸¹.

Заметим, что в 1774 году владелец села Тархово Федор Мосолов был убит пугачевцами²⁸². Сын его, генерал А. Ф. Мосолов, родственник и знакомый бабушки Лермонтова, часто навещавший Тарханы, на всю губернию прославился жестоким обращением с крепостными. Стоит прибавить, что он разделил участь отца: крестьяне убили его. Правда, это случилось уже после того, как Лермонтов оставил работу над романом о пугачевском восстании²⁸³.

Вернемся к описанию пещеры и отметим, что, изображая конкретную местность, а может быть, и конкретные факты из жизни владельцев Тархова и Нижних Полян, Лермонтов при этом представил в своем романе явление распространенное и особенно характерное для картины пугачевского восстания именно в правобережных губерниях. Известны многие случаи, когда симбирские, пензенские, саратовские помещики скрывались от Пугачева и его сообщников в подземных пещерах и норах.

В одной версте от Лесной Нееловки – саратовского имения брата Е. А. Арсеньевой Афанасия Алексеевича Столыпина (где Лермонтов неоднократно бывал), «в западной стороне, в лесу, находятся так называемые «пещерные норы». Старожилы об этих норах говорят разноречиво: одни рассказывают, что в норах этих во время пугачевского бунта спасался местный помещик, другие говорят, что в норах тех в старинное время находилась шайка разбойников»²⁸⁴.

В XXI главе своего романа Лермонтов описывает, как Юрий и Ольга вползают в пещеру, где скрывается старый Палицын:

«— Явно, — говорит Юрий, — что в пещере есть жители... кто они таковы?... если они разбойники, то им нечего с нас взять, если изгнанники, подобно нам — то еще менее причин к боязни»²⁸⁵.

Лермонтов подчеркнул в рукописи название пещеры — признак того, что он использовал подлинное наименование. Очевидно, какая-нибудь из известных ему пещер называлась «Чертовым логовищем» — может быть, та, что сохранилась вблизи от Тархан, или возле Лесной Нееловки, или, как уже было сказано, возле Нижнего Ломова, где Лермонтов бывал у Максутовых. Сохранились такие же пещеры около Пачелмы Пензенской области: там Лермонтов тоже бывал²⁸⁶. Много было их и в других местах, по которым прошел Пугачев. Недалом описание этих пещер Лермонтов начал словами:

«До сих пор в густых лесах Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губернии... любопытный может видеть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками»²⁸⁷.

Все перечисленные Лермонтовым губернии в 1774 году были охвачены огнем восстания. Прослышав о приближении Пугачева, крестьяне вооружались чем попало и подымались на помещиков. И нет сомнений, что разговор крестьян о Пугачеве Лермонтов описал в своем романе в соответствии с теми преданиями, которые любовно хранились в народе.

«— Чай, много с ним рати военной, — спрашивает один из мужиков, — чай, казаков-то видимо-невидимо... а что, у него серебряный кафтан-то?

²⁸¹ П. Вырыпаев. Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова. — «Земля родная», кн. 6, с. 173–174.

²⁸² П у ш к и н. История Пугачева. Примечания к главе восьмой.

²⁸³ В 1841 г.

²⁸⁴ Ф. В. К а з а н с к и й. Село Лесная Нееловка Саратовского уезда. — «Саратовские губернские ведомости», 1879, № 273, с. 5.

²⁸⁵ Лермонтов, т. VI, с. 98.

²⁸⁶ Г. Нефедов. Пензенский край в творчестве М. Ю. Лермонтова. — «Сталинское знамя», 1939, № 165.

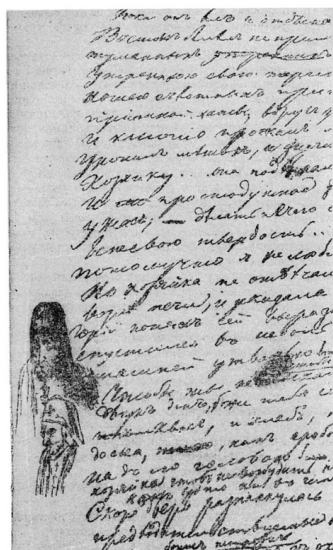
²⁸⁷ Лермонтов, т. VI, с. 75–76.

– Эко диво серебряный, – отвечает другой, – чай, не только кафтан, да и сапоги-то золотые...»²⁸⁸ В этом коротком диалоге Лермонтов, безусловно, запечатлел старинные сказы о «крестьянском царе».

Не из книг, а из крестьянских преданий заимствовал Лермонтов и фамилию одного из ближайших сподвижников Пугачева – Белобородова. Оттого-то он, вероятно, и называется в романе Белобородкой.

Внимательное изучение пензенского восстания могло подсказать Лермонтову и судьбу его главного героя: в пугачевском восстании приняли участие несколько пензенских дворян.

При поражении партии пугачевского полковника Каменского под Баландой среди девятиности семи пленных оказались три помещика: «Шацкого уезда с. Рамзы – отставной корнет Василий Дементьев Васильев, Нижне-Ломовского уезда – отставной подпоручик Николай Никитич Чевкин с женой и Александр Львов Евсюков»²⁸⁹.

Рисунки Лермонтова на рукописи «Вадима». Институт Русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

Интересно, что Чевкин, подобно Вадиму, примкнул к пугачевцам «из ненависти к соседу», помещику Левашову, из желания отомстить «за обиды и притеснения последнего»²⁹⁰.

Итак, Лермонтов изобразил в «Вадиме» подлинные исторические события – эпизоды пугачевского восстания в Пензенской губернии. Эту тему подсказала ему русская действительность 20–30-х годов. Бесправное положение крестьян, ужасы крепостного права, чудовищная эксплуатация крестьянского труда, бывшие причиной восстания в XVIII веке, были причиной целого ряда крестьянских восстаний и в 30-х годах. Так же как и во времена Пугачева, помещики секли крестьян розгами и «кошками», пытали раскаленным железом, били батогами, насильничали, били малолетних, били беременных, забивали и засекали до смерти. Лермонтов лично знал извергов крепостников – пензенских помещиков Давыдову, Мосолова²⁹¹.

²⁸⁸ Там же, с. 70.

²⁸⁹ С. Т х о р ж е в с к и й. Пугачевщина в помещичьей России. М., 1930, с. 130.

²⁹⁰ Там же, с. 132.

²⁹¹ А. Храбровицкий. Дело помещицы Давыдовой. – «Литературное наследство», т. 57, с. 243–247.

Основным материалом для романа была хорошо известная Лермонтову жизнь пензенских крестьян и помещиков. Историческими источниками послужила семейная хроника Столыпиных. Рассказы о восстании, о расправах пугачевцев с помещиками и приказчиками, о сопротивлении, оказанном им господами из села Красного и капитаном Михайлой Киреевым, о гибели Данилы Столыпина, о подземных пещерах, о поведении настоятеля Нижне-Ломовского монастыря Исаакия Лермонтов слышал и от бабки, и от деда Афанасия Алексеевича Столыпина, и от Григория Даниловича Столыпина, и от его жены Натальи Алексеевны – родной сестры бабки. Слышал он подобные рассказы и от соседей-помещиков – Киреевых, Максутовых, от крестного отца своего Хотяинцова, в студенческие годы от знакомых и друзей – Лужиных, Шеншиных, Святослава Раевского.

Совсем по-другому рассказывали про «пугачевский год» дворовые и крепостные люди Арсеньевой, передававшие легенды о серебряном кафтане и о золотых сапогах на «батюшке Пугачеве» и наряду с этим подлинные факты о пребывании пугачевцев в Колдуссах, в «Малиновом лесу» и в Тарханах, о хитрости приказчика Злынина.

Следовательно, в распоряжении Лермонтова был богатый фактический и фольклорный материал о пугачевском движении в Пензенском крае.

Если вспомнить, что «История Пугачева» была написана Пушкиным на основании огромного материала, впервые собранного им самим, тем более ясной становится новизна и трудность темы, которая привлекла восемнадцатилетнего Лермонтова.

Обездоленного дворянина Вадима, доведенного до состояния последнего нищего, Лермонтов превратил в сообщника и вдохновителя восставших крестьян.

Получилась ситуация, снова напоминающая «Дубровского». Прямо поразительно, как замысел Лермонтова и в этой части напоминает пушкинский.

Но если в работе над этой темой обнаружились трудности, побудившие даже Пушкина оставить роман о Дубровском незавершенным, то тем большие трудности встали перед Лермонтовым.

От истории молодого дворянина Дубровского, порывающего со своим классом, Пушкин перешел к истории Шванвича не случайно. Дубровский порывает со своим классом, движимый чувством личной мести, Дубровский – благородный разбойник. Переход Шванвича на сторону Пугачева, обусловленный исторически, превращал его в участника крестьянской революции.

Участие же в пугачевском восстании Вадима объясняется одной лишь жадой мести. Восстание – самый удобный повод для свершения им казни над своим оскорбителем. Поэтому для того, чтобы оправдать участие Вадима в крестьянском восстании, Лермонтов превратил его в раба, добровольно вступающего в число крепостных слуг Палицына. Цель Вадима – мщение за свое поруганное человеческое достоинство.

В центре романа о пугачевщине оказался не Пугачев, а гордый мститель Вадим, характер которого не наделен ни историческими, ни национальными, ни ясными классовыми чертами. Вадим – одиночка, абстрактный романтический образ.

Любопытно, что, наделив своего героя именем, заимствованным из арсенала декабристской поэзии, Лермонтов не дал ему фамилии. Это понятно, ибо Вадим и Ольга воплощают в человеческих обликах демонское и ангельское начала. А мир реальных людей составляют семейство Палицыных, крестьяне, казаки, Орленко, солдатка, верный Федосей, слуги, нищие...

Патетическая речь, уместная в монологах Вадима, оказывалась совершенно непригодной, когда нужно было передать живую речь казаков или крестьян. И не случайно Лермонтов ищет для своих массовых сцен новые выразительные средства и, подражая народному языку, вводит в повествование крестьянские речения и поговорки.

Согласовать эти идейные и стилистические противоречия в своем романе Лермонтов так и не сумел и прекратил работу над ним на XXIV главе.

Но в законченных главах, которые по удивительной смелости изображения революционной борьбы крестьян против помещиков и крепостнического строя иногда приближаются к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву», Лермонтов, опираясь на фольклор и на самостоятельно собранный им исторический материал, первым в русской литературе воплотил тему пугачевского восстания.

Лермонтов и Н.Ф.И

1

Аким Шан-Гирей, близкий родственник Лермонтова, в пансионскую и университетскую пору живший с ним под одной кровлей, мемуарист, казалось бы, добросовестный и доброжелательный, писал в своих воспоминаниях, что «все стихотворения Лермонтова, относящиеся ко времени его пребывания в Москве, только детские шалости», которые «ничего не объясняют и не выражают»²⁹².

Всецело приписывая влиянию Байрона трагический характер лермонтовской поэзии тех лет, Шан-Гирей был искренне убежден, что мрачные стихи Лермонтов сочинял, «чтобы казаться интереснее, так как байронизм и разочарование были в то время в сильном ходу», и что «никаких мрачных мучений, ни жертв, ни измен, ни ядов лобзания в действительности не было»²⁹³.

Это наивное и глубоко ложное суждение о юношеской лирике Лермонтова доказывает только, что даже такой близкий к нему человек, как Шан-Гирей, немного знал о его жизни и еще меньше понимал в его поэзии.

Составляя в 1860 году свои мемуары о Лермонтове, Шан-Гирей не сам, конечно, придумал пресловутую легенду о байронизме. Он лишь повторил то, что писали о Лермонтове в те годы. «Надо сказать правду, – отмечал в 1861 году Некрасовский «Современник», – в наших критических статьях о Лермонтове гораздо более говорилось о байронизме и о Байроне, чем о нем». И, опровергая эту точку зрения, автор статьи, М. Л. Михайлов, решительно отказался считать Лермонтова за «покорного подражателя Байрона, какого хотят во что бы то ни стало видеть в нем»²⁹⁴.

Повторяя чужие слова о лермонтовском байронизме, Шан-Гирей не только не прояснял, а, наоборот, всячески затемнял конкретный смысл лермонтовских стихотворений. Мысль же о том, что Лермонтов, старший его на четыре года, просто не хотел посвящать его в то время в свой внутренний мир, очевидно, даже не приходила ему в голову.

С добродушной иронией рассказывает Шан-Гирей случай, когда Лермонтов прочел ему «своего сочинения стансы «К***». «Меня ужасно интриговало, – пишет Шан-Гирей, – что значит слово с т а н с ы и зачем три звездочки? Однако ж промолчал, как будто понимаю»²⁹⁵.

На самом деле многое он не понимал, а многое просто не помнил и, не располагая впоследствии фактами, объяснял непонятное для него самого происхождение лирических посвящений Лермонтова общими фразами о байронизме.

Шан-Гирей, как и многие современники, ошибался. Он видел в стихотворениях Лермонтова лишь то, что хотел видеть. В свою очередь, его утверждения воспринимались критикой и читающей публикой уже как факт непреложный: «родственник пишет...». И мало-помалу байронизм был объявлен основным, определяющим признаком лермонтовской поэзии.

²⁹² А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. – В кн.: Е. Сушкова. Записки, с. 363 и 364.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ «Современник», 1861, № 2, февраль, отд. II, с. 318. (Заметка о Лермонтове. По поводу нового издания его сочинений). В кн. И. Ф. Масанова «Словарь псевдонимов» (т. I. М., 1941) на с. 526 указано, что автором этой статьи был поэт М. Л. Михайлов.

²⁹⁵ А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. – В кн.: Е. Сушкова. Записки, с. 359.

Отрицать воздействие Байрона на европейскую поэзию, в частности на поэзию русскую, нет никаких оснований. «Властителем дум» молодежи двадцатых-тридцатых годов прошлого века Байрон, конечно, был. И в России это засвидетельствовали и Пушкин, и Рылеев, и Кюхельбекер, да и сам Лермонтов:

И Байрона достигнуть я б хотел...

Дело не в отрицании явления, а в определении меры воздействия, ибо оно не лишило поэзию Лермонтова ни самородности, ни самобытности, не лишило своеобразия исторического, национального, личного, – не лишило по той причине, что вся поэзия Лермонтова была порождением не литературы, а прежде всего жизни, что все стихи, в которых Шан-Гирей и многие из его современников хотели видеть только старательные литературные имитации, на самом деле были отражением реальных событий лермонтовской биографии, в которых принимали участие совершенно реальные люди. Но для того чтобы это установить, потребовалось немало труда и времени.

2

Так, среди юношеской лирики Лермонтова уже давно обращал на себя внимание ряд стихотворений 1830–1832 годов, объединенных темой любви и измены. Четыре стихотворения этого цикла озаглавлены инициалами некой Н. Ф. И.

Первое из этих стихотворений, обозначенное буквами «Н. Ф. И...вой», относится к 1830 году. «Любил с начала жизни я угрюмое уединенье», – признается Лермонтов вдохновительнице этого душевного обращения и делится с ней сомнениями, которые прежде бережно таил от других:

Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы.
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями...²⁹⁶

Видно, что отношение Лермонтова к той, которая побудила его написать это стихотворение, было искренним и серьезным.

В стихотворении 1831 года «Романс к И.» молодой поэт снова обращается к этой же девушке, как к верному своему другу, который сумеет, по его мысли, защитить и оправдать его в глазах «бесчувственной» светской толпы:

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокою кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой, —
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?²⁹⁷

Но уже из текста стихотворения, написанного летом 1831 года и адресованного Лермонтовым «К Н. И...», видно, что в их отношениях наступил трагический перелом. Новое посвящение начинается с горестного упрека:

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,

²⁹⁶ Лермонтов, т. I, с. 78.

²⁹⁷ Лермонтов, т. I, с. 187.

И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.

Уязвленный изменой любимой девушки, Лермонтов вспоминает в этом стихотворении о прежнем:

В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защититъ,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!²⁹⁸

О прощальном поцелуе снова говорится в стихотворении с утаенным обращением «К***»:

Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье²⁹⁹.

Речь здесь идет все о том же роковом разрыве с Н. Ф. И.

Всевышний произнес свой приговор
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно все оценит.
.....
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И, мне польстив любовью сперва,
Ты изменила — бог с тобою!³⁰⁰

²⁹⁸ Лермонтов, т. I, с. 209–210.

²⁹⁹ Там же, т. I, с. 190.

³⁰⁰ Там же, с. 190.

Тема измены и неизбежной разлуки составляет содержание еще одного стихотворения, относящегося к 1831 году, в заглавии которого снова стоит посвящение «К***»:

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала.
Но женское сердце вложила³⁰¹.

При внимательном чтении лирики 1831 года видно, что Лермонтов продолжал жестоко страдать от любви и ревности.

Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты, —

пишет он в стихотворении «Ночь».

Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран.
Все, — только не ее обман³⁰².

Глубокое и чистое чувство, отравленное горечью несбывшихся надежд, проходит сквозь длинный ряд стихотворений 1831 года.

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, —

признается поэт в стихотворении «Я видел тень блаженства»³⁰³. Действительно, прочитанные в новой связи, стихотворения эти раскрывают целую историю любви. В продолжение 1831–1832 годов Лермонтов постоянно обращается к этому драматическому эпизоду и посвящает ему «Виденье», «К***» («О, не скрывай, ты плакала об нем...»), «Стансы» («Не могу на родине томиться...»), «К***» («Я не унижусь пред тобою...»), «Измученный тоскою и недугом...», «Когда последнее мгновенье...», «Сонет» («Я памятью живу с увядшими мечтами...») и целый ряд других. Получается стихотворный дневник, в котором Лермонтов отмечает основные события этого горестного романа.

Обращаясь в стихотворении, помеченном датой «Сентября 28», все к той же Н. Ф. И., Лермонтов вопрошает ее о своем счастливом сопернике:

Встречал ли он с молчаньем и слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой?³⁰⁴

³⁰¹ Там же, с. 299.

³⁰² Лермонтов, т. I, с. 300.

³⁰³ Там же, с. 225.

³⁰⁴ Там же, с. 214.

Около двух лет мучило Лермонтова неразделенное чувство к Н. Ф. И. И только в одном из последних стихотворений, к ней обращенных, он с упреком напомнил ей о своих «лучших годах», которыми ради нее жертвовал.

Стихотворениями, написанными весной 1832 года, заканчивается история юношеской любви, вдохновившей Лермонтова на создание этого «лирического дневника», посвященного неведомой нам Н. Ф. И.

История отношений с ней оказывается, таким образом, одной из центральных тем лирики 1831–1832 годов.

3

Начало этого цикла находится в так называемой XI лермонтовской тетради, которую поэт стал заполнять в июле. А к этому же времени относится «романтическая драма» Лермонтова – «Странный человек». На обложке ее чернового автографа выставлена дата «1831 года. Кончена 17 июля. Москва».

Конфликт, положенный в основу этой драмы, совпадает с историей увлечения Лермонтова и совершенно так же кончается изменой. Лермонтов изобразил в пьесе девушку – Наталью Федоровну Загорскину, которая предпочла молодому поэту Арбенину его друга (в драме он назван Белинским). В одной из сцен студент Заруцкий читает стихотворения Арбенина, посвященные Наталье Федоровне Загорскиной. Это как раз те самые стихи, которые Лермонтов посвятил Н. Ф. И. В черновом варианте пьесы находится стихотворение «Когда я унесу в чужбину...», в отдельном автографе известное под названием «Романс к И...». Все это невольно наводит на мысль, что сходство инициалов Н. Ф. И. с именем Натальи Федоровны Загорскиной не случайно. В предисловии к «Странному человеку» Лермонтов пишет: «Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет. Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтоб они были узнаны...»³⁰⁵

Таким образом, не остается сомнений, что в 1831 году Лермонтов пережил трагедию, связанную с девушкой, образ которой он воссоздал потом в своей «романтической драме». Предисловие к драме как бы обязывает узнать ее имя и ввести в биографию Лермонтова новое важное лицо. Ибо вывод,

добытый путем исключительно литературного анализа, еще не может служить материалом для биографии, пока он не подтвержден фактами нелитературного порядка. Используя литературное произведение в качестве прямого источника для биографии, исследователь неизбежно попадает в порочный круг и часто оказывается в положении П. А. Висковатова, который в целом ряде случаев строил комментарий к произведениям Лермонтова не на фактах его реальной биографии, а на основе биографических догадок, извлеченных из тех же самых произведений.

Исследователи уже прежде отмечали совпадение между циклом 1831 года и текстом «Странного человека»³⁰⁶. Но для того, чтобы добыть новые факты, надлежало преодолеть целый ряд трудностей. Начать с того, что вплоть до 1880 года стихотворение «Н. Ф. И...вой» в собраниях сочинений поэта печаталось с измененными инициалами: «М. Ф. М...вой», а «Романс к И...» с 1843 года по 1910 год перепечатывался без начальной буквы посвящения: просто «Романс к***».

Буквами «М. Ф. М...вой» стихотворение озаглавил Дудышкин, впервые опубликовавший его в 1859 году³⁰⁷. Подлинная рукопись Лермонтова с посвящением Н. Ф. И...вой находилась при этом в его руках. Инициалы Дудышкин переименовал не по собственной прихоти, а выполняя, очевидно, просьбу какого-то заинтересованного в этом лица. Следовательно, он знал, к кому обращены стихи, то есть знал имя, отчество, фамилию Н. Ф. И...вой. Может быть, даже знал ее лично. Однако, вместо того чтобы напечатать ее имя полностью, Дудышкин нашел нужным еще крепче зашифровать его. Вероятно, об этом позаботилась сама Н. Ф. И. или кто-нибудь из ее близких, для того, чтобы никто не мог угадать имени той, которая когда-то вызвала в Лермонтове такое истинное и сильное чувство.

³⁰⁵ Лермонтов, т. V, с. 205.

³⁰⁶ Б. В. Н е й м а н. Одна из воспетых Лермонтовым. – «Русский библиофил», 1916, кн. 8, с. 61–70.

³⁰⁷ С. Д у д ы ш к и н. Ученические тетради Лермонтова. – «Отечественные записки», 1859, кн. XI, с. 250.

В то время как Е. А. Сушкова публиковала «Записки», в которых с увлечением рассказывала о знакомстве с Лермонтовым и о своей отвергнутой им любви, Н. Ф. И., сама так равнодушно покинувшая поэта, тридцать лет спустя старательно вытравляла из его биографии свое имя, чтобы будущие комментаторы «Странного человека» не смогли расшифровать его. Что побуждало ее к этому?

В строфе большого стихотворения, озаглавленного датой «1831-го июня 11 дня», Лермонтов, обращаясь к ней, писал:

Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?³⁰⁸

Но для того, чтобы повторять название, надо знать это название. Иначе говоря, биограф должен был разгадать инициалы Н. Ф. И. и собрать о ней новые факты.

³⁰⁸ Лермонтов, т. I, с. 178.

4

Из лермонтовских писем 1831 года до нас дошло только одно. Оно датировано 7 июня и адресовано Николаю Поливанову, другу, уехавшему на лето из Москвы в деревню.

«Я теперь сумасшедший совсем», – пишет Лермонтов. Сообщая далее Поливанову о предстоящей свадьбе его кузины Лужиной, он посылает к черту все свадебные пиры и восклицает: «Мне теперь не до подробностей... я не могу тебе много писать: болен, расстроен, глаза каждую минуту мокры. – Source intarissable (неиссякаемый источник. – И. А.). – Много со мной было; прощай...»³⁰⁹

Письмо состоит всего из нескольких строчек и представляет собой приписку к письму их общего друга Владимира Шеншина, который, сообщая Поливанову московские новости, между прочим упоминает: «Мне здесь очень душно, и только один Лермонтов, с которым я уже пять дней не видался (он был в вашем соседстве у Ивановых), меня утешает своею беседою».

Итак: в первых числах июня Лермонтов гостил у Ивановых, к семье которых может быть, принадлежала Н. Ф. И. – Н. Ф.

...Иванова? «Пять дней не видался», – следовательно, Ивановы эти жили недалеко от Москвы.

Это предположение поддерживается текстом одного из стихотворений Арбенина в черновой редакции «Странного человека»:

На берегу другом давно знакомый
Чернеет дом, в одном окне свеча
И чья-то тень проходит – может быть,
Она?..
.
.
.
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма³¹⁰.

Клязьма протекает недалеко от Москвы. Еще точнее: в пяти верстах от столыпинского Середникова, где Лермонтов гостил каждое лето в 1829–1832 годах.

Обратимся снова к тексту «Странного человека».

Если верить предисловию и видеть в драме изложение «истинного происшествия», допустим, в качестве рабочей гипотезы, что в лице Н. Ф. Загорскиной черты Н. Ф. И. и факты ее биографии воспроизведены очень точно.

В этом случае допустим также:

1) Что если в драме указано, что Загорскиной восемнадцать лет, то в 1831 году восемнадцать лет было и Н. Ф. Ивановой.

2) Что если в драме упомянута сестра Загорскиной, то сестра была и у Ивановой.

3) Что если в «Странном человеке» оговорено, что у Загорскиной нет отца (реплика Белинского: «их две сестры, отца нет»), то отец Н. Ф. Ивановой действительно умер до описываемых событий, то есть до 1831 года.

³⁰⁹ Там же, т. VI, с. 408–409.

³¹⁰ Лермонтов, т. I, «Academia», с. 499.

Если же все эти сопоставления правильны, то надо найти такого Федора Иванова, который, так сказать, годился бы ей в отцы. Из текста пьесы о нем известно не много: умер до 1831 года (но не раньше 1813 года – предполагаемого года рождения Натальи Федоровны). У него две дочери.

С этого надо было начинать поиски нового материала.

5

Федор Федорович Иванов родился в 1777 году, а умер 31 августа 1816 года. Судя по этим датам, Н. Ф. И. могла быть его дочерью. Известный в свое время драматический писатель, автор популярной пьесы «Семейство Старичковых» и трагедии «Марфа Посадница»³¹¹, он состоял членом Московского общества любителей российской словесности и был особенно дружен с А. Ф. Мерзляковым и Ф. Ф. Кокошкиным, а также с актерами Померанцевым, Плавильщиковым и Шушериным. Он устраивал в своем доме литературные вечера, на которых, кроме его задушевных друзей, появлялись В. Л. Пушкин, А. Ф. Воейков, кн. И. М. Долгорукий, П. А. Вяземский и К. Н. Батюшков и где проводили время «весело, с пользой и с чашею в руках»³¹². Иванов слыл по Москве занимательным собеседником, весельчаком и записным театралом и сам нередко участвовал в любительских спектаклях на домашнем театре князя С. С. Апраксина³¹³. Здесь в начале 1814 года исполнялся гимн сочинения Ф. Ф. Иванова, посвященный памяти Кутузова; он получил распространение и бытовал вплоть до 30-х годов.

В том же 1814 году широкое распространение получила солдатская песня неизвестного сочинителя «В память князя Кутузова-Смоленского», снабженная в печати, вместо подписи автора, указанием на село Загорье, где она была сочинена. Не трудно допустить, что автором этой песни был тот же Ф. Ф. Иванов. И не отсюда ли произвел Лермонтов в своем «Странном человеке» фамилию Наташи Загорскиной?³¹⁴

Иванов был женат на сестре А. И. Кошелева – Екатерине Ивановне. У них были дети, ибо, по свидетельству Мерзлякова, Иванов оставил в «неутешной печали» супругу и «двух милых малюток»³¹⁵, – очевидно, Н. Ф. И. и ее сестру. Первой из них в 1816 году, по изложенным выше расчетам, должно было быть около трех лет. Вот и все! Таким образом, изучение биографии Ф. Ф. Иванова помогло установить только то, что у Иванова было двое детей лермонтовского возраста, другими словами – что Н. Ф. И. могла быть его дочерью³¹⁶. Могла быть, но была ли? Никаких сведений в подтверждение этого отыскать мне не удалось.

Не трудно допустить, однако, что в начале 1830-х годов Н. Ф. И. вышла замуж. Тогда ее следовало разыскивать в дальнейшем уже под какой-то другой фамилией. Но прежде надо было узнать: была ли она замужем? А если была, то за кем? Оставалось одно: установить по родословным книгам, кто в XIX веке женился на Ивановых.

Наталью Федоровну Иванову я отыскал в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий», составленном В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым. Она оказалась женой Николая Михайловича Обрескова. О нем в родословии сказано: «Поручик, за постыдный офицерскому званию поступок разжалован (30 мая 1826 года) и лишен дворянского достоинства; уволен из военной службы 14-м классом в 1833 году; в гражданской службе с 1836, титулярный советник (28 декабря 1843 года); 14 февраля 1846 года возвращены ему права потомственного дворянства, надв. советник (1857)»³¹⁷.

³¹¹ «Сочинения и переводы Ф. Ф. Иванова», в 4-х частях, М., 1824.

³¹² «Биография А. И. Кошелева», т. I, кн. 2. М., 1889, с. 271.

³¹³ К. Н. Б а т ю ш к о в. Сочинения, т. III, изданы П. Н. Батюшковым. СПб., 1886, с. 674–675.

³¹⁴ «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 10, М., 1874, с. 167 и 184.

³¹⁵ «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», ч. 7. М., 1817, с. 119.

³¹⁶ Имя Ф. Ф. Иванова в этой связи, неизвестно на основании каких данных, в осторожной, вопросительной форме называл В. В. Каллаш («Иллюстрированное полное собрание сочинений Лермонтова», т. I. М., изд-во «Печатник», 1914, с. 272). Гораздо решительнее, ссылаясь на автора настоящей работы, заявил об этом Б. М. Эйхенбаум («Литературная учеба», 1935, № 6, с. 29).

³¹⁷ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887, с. 192, № 47.

Ни в «Алфавите декабристов», ни в «Некрополях», ни в картотеке Б. Л. Модзалевского – нигде имени Н. М. Обрескова нет. Зато в «Московском Некрополе» находим имя Обресковой Натальи Федоровны, которая скончалась 20 января 1875 года на шестьдесят втором году от рождения и погребена на Ваганьковском кладбище³¹⁸.

Если в 1875 году ей было около шестидесяти двух лет, значит, она родилась в 1813 году. Вспомнив, что это и есть предположенная нами дата рождения Н. Ф. И., мы уже с большой долей вероятности можем утверждать, что Н. Ф. И. и Наталья Федоровна Обрескова – одно и то же лицо.

Но этого мало.

³¹⁸ «Московский Некрополь», т. II. СПб., 1908, с. 358.

6

Биография Обрескова не только не помогла уяснить, – она еще больше усложнила и без того трудные розыски. Книжные источники были исчерпаны. Оставался последний ход: к ныне покойному Н. П. Чулкову, который своими обширными познаниями в области генеалогии, архивных и историко-бытовых вопросов оказывал важные услуги не одному поколению литературоведов.

Чулков подтверждает:

«Наталья Федоровна – дочь драматурга Ф. Ф. Иванова. В браке с Николаем Михайловичем Обресковым. Их дочь, – продолжает Н. П. Чулков, и здесь внимание мое нарастает, – их дочь состояла в браке с Сергеем Владимировичем Голицыным. Она умерла в 1924 году».

Оказывается, Чулков знал ее лично, знал и дочь ее – Христину Сергеевну Арсеньеву, которая в 1920-х годах жила в Москве, возле Кропоткинских ворот. Даже бывал у них. Где Х. С. Арсеньева в настоящее время – Чулков не знает. Того дома, где она прежде жила, уже нет, он снесен. Надо узнать новый адрес.

Для этих целей существует адресный стол. Но адресный стол гор. Москвы утверждает, что Христина Сергеевна Арсеньева в Москве не живет. Тогда я обращаюсь к Николаю Владимировичу Голицыну, ибо теперь уже сфера поисков расширилась и нити ведут к Голицыным. Судя по родословной книге³¹⁹, Н. В. Голицын – родственник Христины Сергеевны и, может быть, знает ее адрес.

К сожалению, он знает другое: Христина Сергеевна умерла. У нее были сестры – другие внучки Н. Ф. Ивановой, но о них у Голицына нет никаких сведений. Сведения, очевидно, может дать племянник мужа Х. С. Арсеньевой – Сергей Иванович Арсеньев, адрес которого следует узнать в адресном столе.

Наконец, в семье С. И. Арсеньева мне сообщают новые данные: в Москве живет сестра Христины Сергеевны Арсеньевой – Наталья Сергеевна Маклакова. Стоит только зайти в адресный стол.

³¹⁹ «Род князей Голицыных». Составил князь Н. Н. Голицын. СПб., 1892, с. 229 и 230.

7

Зубовский бульвар, 12, кв. 1.

Несколько ступенек в маленьком двухэтажном домике.

Я постучал. Дверь открыла седая высокая женщина.

– Можно ли видеть Наталью Сергеевну Маклакову?

– Вы ко мне? – переспрашивает она меня. – Я через адресный стол узнал ваш адрес, – говорю я ей, – я занимаюсь Лермонтовым и хотел бы расспросить вас...

– Ах, наверное, я ничем не смогу быть вам полезной, – с сожалением произносит она. – Вас, вероятно, интересуют стихотворения Лермонтова, которые он посвящал бабушке? Но ведь их нет! Их уже давно уничтожил мой дед – Николай Михайлович Обресков. У нас ничего не осталось.

Наталья Сергеевна Маклакова не догадывалась, очевидно, какое важное сообщение содержалось для меня в этом ее ответе. Эта фраза подтверждала автобиографическую точность «Странного человека», вводила новое лицо в близкое окружение Лермонтова, оправдывала, наконец, долгие поиски.

Наталья Сергеевна припомнила все, что слышала от матери и от дяди.

«Что Михаил Юрьевич Лермонтов был влюблен в мою бабушку – Наталью Федоровну Обрескову, урожденную Иванову, я неоднократно слышала от моей матери Натальи Николаевны и еще чаще от ее брата Дмитрия Николаевича и его жены, – рассказывала Маклакова. – У нас в семье известно, что у Натальи Федоровны хранилась шкатулка с письмами М. Ю. Лермонтова и его посвященными ей стихами и что все это было сожжено из ревности ее мужем Николаем Михайловичем Обресковым. Со слов матери знаю, что Лермонтов и после замужества Натальи Федоровны продолжал бывать в ее доме. Это и послужило причиной гибели шкатулки. Слышала также, что драма Лермонтова «Станный человек» относится к его знакомству с Н. Ф. Ивановой. Почему имя Ивановой никогда не было раскрыто в собраниях стихотворений Лермонтова и почему в биографии Лермонтова нет никаких упоминаний о ней – не знаю. Думаю, что из-за ревности мужа Лермонтов сознательно не обозначал ее имени в своих стихах к ней, тем более что отношение к ней могло компрометировать Наталью Федоровну. У нас в семье всегда знали, что Лермонтов был влюблен в бабушку, но не могу сказать, отвечала ли она ему взаимностью или нет. У Н. Ф. была сестра – Дарья Федоровна, которая вышла замуж за Островского Бориса Дмитриевича. Биографию своего деда Николая Михайловича Обрескова я совсем не знаю. Знаю только, что поместья его были в Новгородской губернии, где в старости он, кажется, был предводителем дворянства. Обресковы жили много за границей. Мать моя Наталья Николаевна воспитывалась в Женеве»³²⁰.

Это рассказ Н. С. Маклаковой, собственноручно ею написанный.

³²⁰ И. Андроникашвили. К биографии М. Ю. Лермонтова. – «Труды Тифлисского государственного университета», 1936, вып. 1, с. 205–207.

8

Со старинной фотографии вполоборота смотрит на нас полная пятидесятилетняя барыня в нарядном чепце и шушуне. Черты ее хранят гордое и спокойное выражение, очевидно, прекрасного когда-то лица. Это фотография Натальи Федоровны Обресковой, на которой она снята вместе со своей шестнадцатилетней дочерью Натальей Николаевной.

На другой фотографии – Н. М. Обресков, представительный старик в бакенбардах, с умными глазами, с выпяченной нижней губой, которая сообщает его лицу выражение брезгливое и высокомерное. Оба эти портрета, сохранившиеся в семейном архиве Н. С. Маклаковой, относятся, по ее расчетам, к 1864 году.

Но Н. С. Маклакова обещает мне съездить за вещами покойной своей сестры. Вещи находятся под Москвой. Быть может, в сундуках Христины Сергеевны сохранились какие-нибудь семейные реликвии: старинный альбом, связка писем, дневник! Наталья Сергеевна долго собирается. Но наконец вещи привезены, распакованы. Среди них обнаруживаются два портрета в старинных кожаных рамках. Это карандашные, процарапанные иглой изображения, подписанные именем известного рисовальщика 30-х годов В. Ф. Бинемана³²¹. На обороте одного из портретов – надпись: «Николай Михайлович Обресков». На обороте другого: «Наталья Феодоровна Обрескова, рожденная Иванова».

Молодое лицо ее очаровательно: черты благородны, в уголках красивого рта спрятана любезная улыбка, спокойный взгляд загадочен. Высокая прическа, полнота покатых обнаженных плеч, тонкая шея, украшенная тяжелым ожерельем, – весь внешний облик ее как бы комментирует лермонтовские строчки о ней:

С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна³²².

В другой желтой кожаной рамке – изображение Н. М. Обрескова. Здесь он еще молод и красив. Лицо окружено кудрявыми бачками, в петлице фрака орден: крест на полосатой ленте, – очевидно, Георгиевский. Итак, Обресков награжден. Когда и за что?

Ответ на это, после долгих поисков, удалось найти в материалах, содержащихся в «Военно-судном деле над поручиком Арзамасского конно-егерского полка Обресковым»³²³ и в «Деле о дворянстве рода Обресковых»³²⁴. Вот история Николая Обрескова, как она отражена в его формулярных списках.

Николай Михайлович Обресков, сын генерал-лейтенанта Михаила Алексеевича Обрескова, родился в 1802 году в Петербурге и восьми лет был отдан в Пажеский корпус. В 1819 году он вступил корнетом в лейб-кирасирский ее величества полк, из которого через два года переведен в Арзамасский конно-егерский. В 20-х годах этот полк квартировал в Нижнедевицке, недалеко от Воронежа, и офицеры часто бывали званы на балы воронежского гражданского губернатора Николая Ивановича Кривцова, женатого на красавице Ели-

³²¹ С. Н. Кондаков. Список русских художников. К юбилейному справочнику Академии художеств (1764–1914). СПб., 1914, с. 17.

³²² Лермонтов, т. II, с. 25.

³²³ Ленинградское отделение Центрального военно-исторического архива. Генерал-аудиториат 1-й армии. 1826, «Дело № 26 судное Арзамасского конно-егерского полка о поручике Обрескове. Начато октября 26 дня. Кончено ноября 16 дня 1825 г.». Ныне в ЦГВИА.

³²⁴ ЦГИА СССР. «Правительствующего Сената департамента Герольдии дело о дворянском происхождении Обресковых, № 2064. Начато 6 ноября 1847 г. Решено Сенатом 7 мая 1848 г.».

завете Федоровне Вадковской. Обресков считался с нею в близком родстве. В губернаторской гостиной его встречали как своего.

В один из июньских дней 1825 года полковой командир полковник Бердяев получил неприятное уведомление. По окончании последнего бала, на котором присутствовали и офицеры его полка, губернатор обнаружил, что из спальни его супруги похищены золотая табакерка, изумрудный, осыпанный бриллиантами фермуар и двадцать три нитки жемчуга.

На полковое знамя пала позорная тень.

Вскоре нечаянно все вещи были замечены у Обрескова, который сознался в их похищении. Военный суд лишил его прав состояния и разжаловал в рядовые, с написанием в Переяславский конно-егерский полк³²⁵. Из Переяславского полка Обрескова в 1829 году перевели, по-прежнему рядовым, в Нижегородский драгунский полк, который в то время делал турецкую кампанию. Обресков побывал в походах, отличился и был награжден знаком военного ордена, с которым и изображен на портрете.

В 1833 году, получив «высочайшее прощение», Обресков был уволен от службы с чином 14-го класса. В 1836 году он определился на службу в канцелярию курского гражданского губернатора. В это время, как гласит его формулярный список, он уже состоял в браке с «дворянкой Натальей Федоровной Ивановой»³²⁶. Следовательно, она вышла замуж между 1833 и 1836 годами, ибо до 1833 года Обресков тянул солдатскую лямку.

В Курске, постепенно повышаясь в чинах, Обресков прослужил до 1841 года и перевелся в канцелярию губернатора харьковского. Дальнейшая его судьба, не представляющая для нас особого интереса, сводилась, кроме движения на поприще служебном, к заботам о восстановлении в дворянском звании сперва себя самого, а затем своего потомства.

Умер он в 1866 году, в шестидесятичетырехлетнем возрасте³²⁷, в своем новгородском поместье Боровичи, дослужившись до чина надворного советника. В последние годы жизни он на два трехлетия выбирался в предводители дворянства по Демянскому уезду³²⁸.

Почему Наталья Федоровна Иванова, обращавшая на себя внимание в московском светском кругу, вышла замуж за этого опозоренного человека, для которого были закрыты пути служебного и общественного преуспевания, этого мы, очевидно, никогда не узнаем. Полюбила? А может быть, потому, что у него в Тверской и в Новгородской губерниях насчитывалось около семисот пятидесяти крепостных душ, и он считался состоятельным человеком?

³²⁵ «Книга высочайших приказов за 1826 год», с. 515.

³²⁶ ЦГИА СССР. «Дело о дворянском происхождении Обресковых», № 2064. Формулярный список о службе.

³²⁷ П. П. Г о л и ц ы н. Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 по 1 января 1910 года, с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства с 1767 года. Новгород, 1910, с. 324.

³²⁸ П. П. Г о л и ц ы н. Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 по 1 января 1910 года, с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства с 1767 года. Новгород, 1910, с. XXVII.

Итак, дальнейшие розыски следовало посвятить изучению семьи Ивановых и круга их ближайшей родни.

Мать Н. Ф. Ивановой, Екатерина Ивановна, после смерти Ф. Ф. Иванова, вступила в брак с Михаилом Николаевичем Чарторижским. От этого брака родилась дочь Софья, вышедшая впоследствии за Федора Валерьяновича Панина. Наталья Федоровна Ивановой Софья Михайловна Чарторижская по материнской линии приходилась родной сестрой. Одна тетка Н. Ф. Ивановой состояла в браке со Свечиным, другая – с кн. Горчаковым. Таким образом, кроме Обресковых, надо было исследовать фамилии Паниных, Горчаковых, Свечиных, Кошелевых, но прежде всего Чарторижских³²⁹.

Михаил Николаевич Чарторижский не оставил по себе решительно никаких следов. Хуже того: Наталья Сергеевна Маклакова не знает в Москве ни одного Чарторижского. В московском адресном столе Чарторижские тоже не числятся. Наталья Сергеевна вообще ничего не может сказать мне об этой фамилии. Ей смутно помнится: словно бабка некоей Нины Михайловны Анненковой из рода Чарторижских. С Анненковой Маклакова знакома со времен незапамятных. Еще их матери были знакомы между собой. А может быть, даже и бабки! Нина Михайловна Анненкова живет как раз напротив дома Маклаковой – Зубовский бульвар, 15, в квартире Анатолия Михайловича Фокина. Маклакова знакома с ним и предлагает мне обратиться к нему от ее имени.

Увы, Нина Михайловна Анненкова не помнит о своей бабке решительно ничего. Поиск можно считать неудавшимся. Поэтому, очевидно желая меня вознаградить как-нибудь, Анатолий Михайлович Фокин на прощание предлагает мне просмотреть альбом 1870-х годов, принадлежащий его жене Марии Марковне. В альбоме этом содержится неопубликованный автограф Апухтина.

Действительно, на первой странице альбома находится неопубликованное стихотворение А. Н. Апухтина «Марии Дмитриевне Жедринской», датированное 2 августа 1873 года. Альбом и принадлежал вдохновительнице этого апухтинского стихотворения. Мария Дмитриевна Жедринская, урожденная Клушина, была женой курского гражданского губернатора А. Н. Жедринского. Их сын – Николай Александрович Жедринский – женился на Нине Егоровне Старицкой. Сестра ее – Анна Егоровна Старицкая, в замужестве Любоцинская, – мать Марии Марковны Фокиной. А Мария Марковна Фокина решила передать доставшийся ей по наследству альбом Государственному Литературному музею³³⁰.

За исключением апухтинского автографа, остальные стихи этого альбома, по словам А. М. Фокина, никакого музейного интереса не представляют. Аккуратным почерком, очевидно просто из книг или очередных номеров журналов, М. Д. Жедринская вписывала в свой альбом широко известные тексты Пушкина, Баратынского, Некрасова, Майкова, Фета, Тютчева, Огарева, Мея, Алексея Толстого, Голенищева-Кутузова, Тургенева, делала выписки из Шатобриана, из Ламартина, Гюго, Беранже, Барбье, Гейне. Сверх того, в альбоме имеются стихотворения малоизвестных поэтов – Сverbеева, Терешкевича, Мих. Стаховича и Н. Жедринского.

И вдруг среди всех этих, аккуратно вписанных Жедринской стихотворений я вижу так же аккуратно вписанные посвящения:

³²⁹ Сведения получены мною от Н. С. Маклаковой и Н. П. Чулкова. Ср. также «Биография Александра Ивановича Кошелева», т. I, кн. 2, с. 270.

³³⁰ Приобретенный Государственным Литературным музеем из собрания М. М. Фокиной альбом М. Д. Жедринской, на 45 л., в синем бархатном переплете с монограммой «М. Г.», ныне находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве, ф. 276. Стихотворения Лермонтова на лл. 38, 38 об. и 39.

В альбом Н. Ф. Ивановой

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть,
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

1832

М. Ю. Лермонтов

В альбом Н. Ф. Ивановой

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал прости.

И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставляю я.

1832

М. Ю. Лермонтов

За посвящениями следует третье стихотворение Лермонтова:

Стансы

Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

* * *

Как настоящее, оно
Страстями бурными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.

* * *

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

* * *

Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула
И, бывши все мне на земле,
Как все земное, обманула.

1831

М. Ю. Лермонтов

Кроме этих, в ту пору еще никому не известных стихотворений Лермонтова, в альбоме М. Д. Жедринской заключалось стихотворение «На севере диком». Но в нем нет никаких разночтений с печатным текстом, и в данном случае оно никакого интереса для нас не представляет.

Копии стихотворений Лермонтова «В альбом Д. Ф. Ивановой» и «В альбом Н. Ф. Ивановой» в альбоме М. Д. Жедринской, л. 38. ЦГАЛИ СССР. Москва.

Стансы

1830

*Я не крушуся о былом.
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило! —*

*Как настоящее, оно
Страстями чудными облито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый! —*

*Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.*

*Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом:
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.*

*Мне скучно в день, мне скучно в ночь,
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.*

*На светлый запад удалюсь;
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь
— Никто о мне не пожалеет!..*

*Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, — и провиденье
Заплотит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.*

Стансы

1831

Мгновенно пробежав умом

Всю цепь того, что прежде было, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

* * *

Как настоящее, оно
Страстями бурными обито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.

* * *

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

* * *

Как метеор в вечерней мгле, Она очам моим блеснула И, бывши все мне на земле, Как все земное, обманула.

Это сопоставление, несомненно, говорит в пользу принадлежности Лермонтову стихотворений из альбома Жедринской, и, кстати, и о достоверности самих копий.

Все это, вместе взятое, дает нам право с полным основанием приобщить к лирическому циклу 1831–1832 годов три новых стихотворения.

11

Инициалы Н. Ф. И. оставались нераскрытыми в продолжение целого столетия не только потому, что семья Обресковых, по словам Н. С. Маклаковой, «не сочувствовала» упоминанию ее имени в печати, но главным образом оттого, что А. П. Шан-Гирей и П. А. Висковатов не оставили для Ивановой места в биографии Лермонтова, связав всю лирику 1831–1832 годов с именем Варвары Александровны Лопухиной.

«Открытие» Ивановой, естественно, повлекло за собой переадресацию юношеских лирических посланий.

Сразу же, после первых сообщений о ходе работы над загадкой Н. Ф. И.³³¹, в полном собрании сочинений Лермонтова, выходявшем в издательстве «Academia», появилось имя Н. Ф. Ивановой, и стихотворения 1831–1832 годов, которые прежние редакторы относили к Лопухиной, составили новый, обширный цикл³³².

Кроме стихотворений, озаглавленных инициалами Н. Ф. Ивановой: «Н. Ф. И...вой», «Романс к И.», «К Н. И.», «Н. Ф. И.», к ней же, безусловно, относится еще тридцать одно стихотворение: «Я видел раз ее в веселом вихре бала...» (1830), строфа восьмая в стихотворении «1831-го июня 11 дня», «Видение», «11 июля» (1831), «Не ты, но судьба виновата была...», «Ночь», «Душа моя должна прожить в земной неволе...», «Пускай поэта обвиняет...», «Вечер», «Стансы (Не могу на родине томиться...)», «Гость», «*** (Сиж у в комнате старинной)», «К*** (Всевышний произнес свой приговор...)», «Сентября 28», «К*** (Зови надежду сновиденьем...)», «Я видел тень блаженства...», «К*** (О, не скрывай! ты плакала об нем...)», «К*** (Ты слишком для невинности мила...)», «Настанет день – и миром осужденный...», «Силуэт», «Раскаянье», «*** (Она была прекрасна, как мечта...)» (1832), «Время сердцу быть в покое...», «К*** (Я не унижусь пред тобою...)», «Как луч зари, как розы Леля...», «Измученный тоскою и недугом...», «Когда последнее мгновенье...», «Сонет (Я памятью живу с увядшими мечтами...)», «Болезнь в груди моей...», «Послушай, быть может...», «К*** (Прости! – мы не встретимся боле...)». О ней же идет речь в стихотворениях «Стансы к Д***», «К тебе», «7 августа»³³³, в посвящении «Последнего сына вольности».

Отнесение к Ивановой такого большого числа стихотворений вызвало, в свою очередь, появление новой работы, в которой сделана попытка ограничить значение вновь открытого эпизода, так же как и число обращенных к Ивановой стихотворений³³⁴. Датируя окончание романа с Ивановой и начало увлечения Лермонтова Лопухиной сентябрем – декабрем 1831 года, автор этой работы – В. Л. Комарович – предложил часть стихотворений переадресовать обратно В. А. Лопухиной³³⁵.

Между тем этому препятствует как хронология лермонтовских стихотворений, написанных в IV тетради в начале 1832 года и безусловно обращенных к Ивановой, так и вновь найденное посвящение «В альбом Н. Ф. Ивановой» (1832).

³³¹ И. Андроникашвили. К биографии М. Ю. Лермонтова. – «Труды Тифлисского государственного университета», 1936. вып. I, с. 205–207.

³³² Лермонтов, т. I. «Academia», с. 439 и другие комментарии. Ср. Лермонтов. Стихотворения, т. I. Редакция Б. М. Эйхенбаума («Библиотека поэта»). «Советский писатель». Л., 1940 с. 298.

³³³ Лермонтов, т. I, «Academia», с. 261, 173, 200, 281, 294, 296, 299, 301, 304, 315, 320, 184, 186, 211, 213, 223, 225, 226, 240, 247, 257, 330, 331, 338, 340, 348, 349, 353, 354, 357, 369, и три стихотворения, опубликованные в этой работе. Кроме того: т. I, с. 229, 298, 193; т. III, с. 111.

³³⁴ В. Л. Комарович. Автобиографическая основа «Маскарада». – «Литературное наследство», т. 43–44, с. 638–658.

³³⁵ Там же, с. 648.

Мы можем с полным основанием считать, что лирические посвящения Лермонтова, создававшиеся в продолжение всего 1831 и в начале 1832 года, обращены к Ивановой либо, даже адресованные другим лицам («К Д.», «Кн. Л. Г – ой»), касаются той же самой драматической встречи.

К началу, а вернее всего – к ранней весне 1832 года относится большое прощальное послание «К***», в котором как бы подведен итог этому мучительному и напряженному чувству. С горестным упреком обратился на прощание поэт к еще недавно любимой им девушке:

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твои укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд! – прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил, —
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку

И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!³³⁶

Возвышенная любовь, ирония над пережитыми чувствами, гордое самоутверждение, мучительное воспоминание о своей неразделенной любви выражены Лермонтовым в этом стихотворении с такой силой, с таким сознанием своего великого поэтического предназначения, что послание «К***» невольно останавливает внимание всякого, кто берет в руки томик юношеских стихотворений Лермонтова. И нельзя не согласиться с исследователем (Н. Л. Бродским), что для биографов поэта оно представляет собою документ первостепенного значения.

Но более широкое значение приобретает теперь весь цикл зашифрованных и безымянных стихотворных обращений к Ивановой.

Теперь уже ясно, что нет никаких оснований зачислять эти юношеские стихи Лермонтова в разряд отвлеченных литературных упражнений в байроническом духе. В свете новых фактов они приобретают новый, совершенно конкретный смысл.

ПОСТСКРИПТУМ

Сведения, добытые мною и подтвержденные И. С. Маклаковой, впервые были опубликованы в 1936–1938 годах и приняты всеми комментаторами Лермонтова. Но прошло около сорока лет, и писатель Е. Д. Люфанов заявил, что «загадка Н. Ф. И.» не разгадана, что по старой орфографии имя Федор писалось через фиту, а в заглавиях стихов, посвященных Н. Ф. И., выставлена буква Ф. Возражение веское, если бы оно подтвердилось. Но дело в том, что во всех своих рукописях Лермонтов пишет Федор через Ф и ни разу через фиту. Опровержение не состоялось³³⁷.

Прошло еще три года, и новые сомнения высказал М. П. Серяев. Поскольку документа, подтверждающего, что Н. Ф. И. дочь драматурга Ф. Ф. Иванова, не обнаружено, а одновременно с Лермонтовым в Московском университете учились Александр и Владимир Федоровичи Ивановы, то Н. Ф. И. могла быть сестрою одного из них. Рассказ И. С. Маклаковой отвергнут как вымысел, стихи Лермонтова в курском альбоме, адресованные Н. Ф. Ивановой и Д. Ф. Ивановой, даже не упомянуты. «Загадка Н. Ф. И. не разгадана», заключает Серяев свою статью³³⁸.

В то время, как писались эти опровержения, исследователь, изучающий окружение Лермонтова, Я. Л. Махлевич обнаружил в архивах ценнейшие сведения. Друг поэта Николай Поливанов, в соседстве с которым жили Ивановы, владел деревней Петрищево в пятидесяти верстах к северу от Москвы. Лермонтов бывал там: два рисунка поэта изображают поливановское поместье.

В двадцати пяти верстах от Петрищева и вдвое ближе его к Москве, на берегу Клязьмы находилось село НикольскоеТимонино, принадлежавшее вдове драматурга Ф. Ф. Иванова,

³³⁶ Лермонтов, т. II, с. 21–22.

³³⁷ Е. Л ю ф а н о в. Вернемся к «Загадке Н. Ф. И.». — «Литературная газета», 1973, № 10. Ираклий Андроников. Загадка: для кого? — Там же.

³³⁸ М. С е р я е в. Разгадана ли «Загадка Н. Ф. И.»? — «Русская литература», 1976, № 4, с. 107–114.

которая в 1818 году вступила во второй брак – с Михаилом Николаевичем Чарторижским. В исповедных книгах сельской церкви за 1828–1832 годы поименованы все члены семьи Ивановых-Чарторижских, в их числе – сверстница Лермонтова Наталья Федоровна Иванова и ее младшая сестра Дарья. Значит, все, тут рассказанное, подтвердилось неопровержимыми документальными доказательствами³³⁹. Рецензию на эту поразительную по точности и полноте работу Махлевича исследователь Лермонтова Э. Э. Найдич заканчивает словами: «Загадка Н. Ф. И. действительно разгадана, и теперь уже окончательно»³⁴⁰.

³³⁹ Я. Махлевич. Новое о Лермонтове в Москве (Лермонтов, Поливановы и Ивановы-Чарторижские). – «Русская литература», 1977, № 1, с. 102–113.

³⁴⁰ Э. Н а й д и ч. Дописанная страница в биографии Лермонтова. Послесловие к спору. – «Литературная газета», 1977, № 25.

Утраченные записки

1

Если вам придется побывать в Пушкинском доме Академии наук в Ленинграде и пройти сквозь анфиладу комнат тамошнего музея, вы увидите в одной из витрин странную книгу – огромный переплет более полуметра в длину, оклеенный полосами черной и белой бумаги. Поверх этих полос – из голубой бумаги овалы, похожие на две буквы «О». На одном «О» – «Дева», «Близнецы», «Рак», «Козерог» и другие зодиакальные знаки, на втором нечто, напоминающее знаки масонские³⁴¹.

Эта «книга» – память о публичном выступлении семнадцатилетнего Лермонтова в зале «Московского благородного собрания» в ночь под Новый – 1832 – год.

В последний вечер уходящего 1831 года в блещущий, как и ныне, известный теперь всему миру Колонный зал съезжалась московская знать, связанная между собою родством, свойством, кумовством, служебными отношениями или соседством – по Москве, по имениям: сановники, гвардейская и фрачная молодежь, красавицы замужние, и помолвленные, и только вчера надевшие длинные платья; литераторы, студенты знатных фамилий... Оставив лакеям салоны, шубы, шинели, надев домино, капюшоны, маски, они входили в белоколонный простор, теплый от множества горящих свечей и дыханья, блещущий хрусталем люстр, улыбками, нарядами, звездами, лентами, золотом мундиров, полный сверкающей музыки. И рассаживались за столами, расставленными в кулуарах и за колоннами... Все съехалось, все готовилось к торжественной церемонии!

«Загремевшие на хорах трубы возвестили о пришествии Нового года», – писал в отчете о празднике «Дамский журнал». После ужина по краям зала было расставлено несколько рядов стульев. Началась мазурка, «которая продолжалась несколько часов». «Маскарад был очень жив и многолюден», – заключает «Дамский журнал»³⁴².

В разгар праздника распорядитель объявил о появлении астролога. Вышел гость в маске, в странном костюме, с огромной книгой под мышкой. Остановившись, раскрыл переплет: в качестве кабалистических знаков к каждой странице были приклеены огромные китайские буквы, срисованные с чайного ящика и вырезанные из черной бумаги³⁴³. Перелистывая страницы, прорицатель начал читать остроумные эпиграммы и мадригалы, адресованные гостям – известным московским красавицам Александре Алябьевой и Анне Щербатовой, Вере Бухариной, Н. Ф. И., молодой поэтессе Додо Сушковой, литератору Николаю Филипповичу Павлову, старшине «благородного собрания» сенатору Башилову, известному всей Москве повесе Константину Булгакову, входившей в славу певице Прасковье, или Полине, Бартеневой, поразившей Москву исполнением вариаций Пиксиса, – певице, которую сравнивали со знаменитою Генриэттой Зонтаг. Одна из эпиграмм была адресована редактору «Дамского журнала» князю Петру Ивановичу Шаликову, которому досталось от астролога. Тем не менее журнал благожелательно отметил в своем отчете, что «некоторые маски раздавали довольно затейливые стихи, и одни поднесены той, которая восхищала нас *Пиксисовыми вариациями*... сии стихи заслужили ласковую улыбку нашей Зонтаг»³⁴⁴.

³⁴¹ Музей Пушкинского дома АН СССР, № 2300.

³⁴² «Дамский журнал», 1832, № 3, январь, ч. XXXVII, с. 38.

³⁴³ А. П. Шан – Гирей. М. Ю. Лермонтов. – В кн.: «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников». Пенза, Пензенское книжное издательство, 1960, с. 19–20.

³⁴⁴ «Дамский журнал», 1832, № 3, январь, ч. XXXVII, с. 38; Лермонтов, т. I, «Academia», примечания на с. 495–496.

Но только немногие из гостей смогли угадать, что в маске и в облачении астролога читал свои стихи студент Михаил Лермонтов.

Астролог исчез...

Все ушло, все растворилось во времени и забылось. Только мадригалы остались от того новогоднего маскарада да переплет кабалистической книги, которые вызывают этот праздник из небытия.

2

Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..

Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь
И старовером прослывешь!³⁴⁵

С этим каламбурным комплиментом астролог обратился к Вере Бухариной. И будет совершенно естественно, если мы отнесем ее к числу московских знакомых Лермонтова.

Вера Бухарина приехала в Москву в 1830 году и сразу же обратила на себя внимание, как говорили, «взыскательного московского света». Она была хороша собой, высока и стройна, хотя, по мнению стариков и старух, родители ее в свое время были лучше – выдающейся внешности отец Иван Яковлевич Бухарин (1772–1858) и «очаровательная» мать – Елизавета Федоровна, урожденная Полторацкая (1789–1828).

В продолжение долгих лет Бухарин занимал видные административные посты – вице-губернатора Кавказской губернии, вице-губернатора Выборгского, финляндского губернатора, рязанского губернатора. Затем несколько лет был не у дел. В 1819 году получил назначение на пост Астраханского губернатора, а в следующем году переведен на пост губернатора Киевского. С 1822 года находился в отставке, через пять лет принял Архангельскую губернию, а в 1830 году, получив чин тайного советника, назначен сенатором в Москву. Николай I относился к Бухарину неприязненно, обходил вниманием, и назначение сенатором в Москву надо было понимать: «не расположен». Старый сановник считался фрондером.

Мать Бухариной приходилась двоюродной сестрой Анне Петровне Керн и племянницей Елизавете Марковне Олениной – жене статс-секретаря и президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина. Смолodu Е. Ф. Бухарина жила в оленинском доме. Бурный успех мужа у женщин довел ее до самоубийства³⁴⁶.

Вера Ивановна родилась в 1813 году. Детские годы ее прошли в харьковском имении Боброво, где первым учителем ее был автор «Ябеды» – талантливый драматург Василий Васильевич Капнист, а затем в Киеве. Воспитывалась она в Петербурге, в Смольном монастыре, по окончании которого приехала с отцом в Москву и сразу была замечена, окружена успехом и в 1832 году вышла замуж за адъютанта великого князя Михаила Павловича тридцатитрехлетнего полковника Николая Николаевича Анненкова (р. 1799), совершавшего весьма успешное восхождение по ступеням военно-иерархической лестницы. Вскоре он был назначен командиром гвардейского Измайловского полка, затем произведен в генералы³⁴⁷. В конце 30-х годов Анненковы жили в Москве. В их доме бывал Лермонтов. В апреле 1841

³⁴⁵ Лермонтов, т. I, с. 256.

³⁴⁶ «Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым». Под редакцией и с примечаниями В. И. Сaitова, т. III. СПб., 1908, с. 727–728. М. Н. Лонгинов. И. Я. Бухарин. М., 1858; Н. И. Мердер. Люди былого времени. – «Русский архив», 1906, кн. I, с. 109–111.

³⁴⁷ «Новое время», 1902, № 9435; «Исторический вестник», 1902, № 10, с. 91–96.

года, за три месяца до гибели, он писал бабушке: «Был вчера у Николая Николаевича Анненкова и завтра у него обедаю: он был со мною очень любезен...»³⁴⁸

В конце 40-х годов Анненков был назначен в Государственный совет и произведен в генерал-адъютанты, после «освобождения крестьян» занял пост генерал-губернатора киевского, волынского и подольского. Умер он в 1865 году³⁴⁹. Заслуги его, по мнению вдовы, были умалены, разумные действия заведомо искажались. Это побудило Веру Ивановну рассказать его жизнь, которая в продолжение тридцати трех лет проходила у нее на глазах. Описание его трудов, его службы должно было органически войти в ее мемуары, в которых она решила вспомнить всех интересных людей, кого ей доводилось встречать, видеть, слышать: Пушкина, Лермонтова, Ермолова, Крылова, Вяземского, Александра Тургенева, Александра Раевского, декабристов, Истомину, Тальони, Тамбурины, Рашель, Фанни Эльслер, Зонтаг, Загоскина, Мятлева, Соллогуба, Хомякова, Рубинштейна, Львова, Венявского...

Свидетельница пяти царствований, Анненкова умерла в Петербурге в мае 1902 года, дожив до восьмидесяти девяти лет.

³⁴⁸ Лермонтов, т. VI, с. 459.

³⁴⁹ «Генерал-адъютант Н. Н. Анненков», СПб., 1862. – В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1. СПб., 1886, с. 61.

3

Через месяц после ее погребения в газете «Новое время» появилась большая статья «Памяти В. И. Анненковой», автор которой вместо имени своего поставил в конце три звездочки³⁵⁰.

По существу, вся статья представляет собою краткий обзор содержания записок. К этому можно прибавить напечатанную в «Историческом вестнике» за 1902 год статью-некролог Н. И. Мердер «Воспоминания о Вере Ивановне Анненковой», которые относятся к последним годам ее жизни³⁵¹. Это все, чем располагают комментаторы Лермонтова. Исследователи Пушкина этих записок тоже не видели никогда и только в последнее время ввели в научный оборот факты, пересказанные в статье «Нового времени»³⁵².

О том, что после В. И. Анненковой остались интереснейшие записки, известно было многим исследователям – В. И. Саитову, Б. Л. Модзалевскому, Д. И. Абрамовичу, Б. М. Эйхенбауму – редактору лучшего и самого полного собрания сочинений Лермонтова («Academia», 1934–1937). И с В. М. Лавровым, который комментировал для этого издания «Новогодние мадригалы и эпиграммы», мы говорили не раз об этих записках (он погиб в сравнительно молодые годы во время ленинградской блокады – был очень серьезный исследователь!). Но ни в «Новом времени», ни в «Историческом вестнике» не содержится даже намека на то, где находится рукопись Анненковой, в каком ее надо искать архиве или у кого из наследников. А между тем автор «Нового времени» их значение понимает очень отчетливо. Этим запискам, начинает он некролог Веры Ивановны Анненковой, «не скоро придется сделаться общественным достоянием ввиду крайней прямолинейности и строгости внесенных ею в анализ характера многих известных сановников и оценки многих событий, для которых не настало еще время обнаружения их истинной подкладки»³⁵³.

1936 год. Я полон энергии и надежд на успех. И приступаю к поискам (как можно предвидеть заранее!) ценнейшего литературного документа.

³⁵⁰ «Памяти В. И. Анненковой». – «Новое время», 1902, № 9435.

³⁵¹ Н. И. Мердер. Воспоминания о Вере Ивановне Анненковой. – «Исторический вестник», 1902, № 10, с. 87–103.

³⁵² М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1951, с. 275.

³⁵³ «Новое время», 1902, № 9435.

4

Начнем с родословия Анненковых. У Веры Ивановны и мужа ее Николая Николаевича – сын и четыре дочери. Сын – Михаил Николаевич, генерал, состоящий в свите царя, числящийся по Генеральному штабу. Он – строитель Закаспийской железной дороги. Покончил самоубийством в 1899 году. Все четыре дочери – фрейлины императорского двора. Одна – Нелидова, вторая – Голицына, третья – за русским посланником Кириллом Васильевичем Струве, живет в Токио, в Вашингтоне, в Гааге. Четвертая дочь – за известным французским историком русской литературы графом Мельхиором де Вогюз: он – секретарь французского посольства в Петербурге.

Никого из них нет на свете.

А где третье поколение? – внуки и внучки Веры Ивановны: фрейлины Мария Михайловна и Вера Михайловна Анненковы, сын Струве и дочери – в замужестве Шевич, Мещерская, Орлова и Мумм? Дочь Голицыной – Галл? Где правнуки Анненковой?

Сведения о детях извлечены из «Родословного сборника», который составили Руммель и Голубцов³⁵⁴. О внуках и правнуках, которых в сборнике нет (он выпущен в 1886 году!), – узнал от знаменитого генеалога Николая Петровича Чулкова, ныне покойного. Это он помог выяснить мне, кто какое имя носил и кто за кого вышел замуж.

Заполняю один за другим бланки адресных бюро – в Москве, в Ленинграде. Пишу фамилии: Шевич, Мещерский, Галл... Приблизительный возраст...

– Не проживают! Генеалогическая линия поисков ничего не дает. На данном этапе (конец 30-х годов) ее можно считать исчерпанной. Кто писал статью для «Нового времени»? Чье имя скрывают три звездочки – так называемый «астроним»?

Обращаюсь к Ивану Филипповичу Масанову – уникальному специалисту, составителю «Словаря псевдонимов».

Спрашивает, как расположены звездочки: так: **; так: ***; так: ***; или, может быть, так: **.

Объясняю: три подряд, так – ***!

Обещает прислать письмо.

Получаю справку: в 1902 году в «Новом времени» астроним*** никто из постоянных сотрудников под своими статьями не ставил. Некролог В. И. Анненковой написал человек для газеты «Новое время» чужой.

Беседую со старыми ленинградцами, которые знали сотрудников «Нового времени» – с В. Ф. Боцяновским, Н. А. Энгельгардтом... Не знают, кто мог подписаться под этой статьей, разговоров о записках Анненковой не помнят.

Значит, через автора статьи подойти к запискам тоже не удастся: имя его неизвестно.

У Бухариной был брат – в свое время генеральный консул в Марселе, одесский градоначальник, женатый на сестре писателя Болеслава Маркевича. Выясняю: у него был сын – племянник Веры Ивановны, Михаил Николаевич, инженер-путеец, член совета министра путей сообщения, писавший «в драматической форме». Он умер в 1910 году. Но с ним, очевидно, линия обрывается – детей у него нет³⁵⁵.

Обращаюсь в архивы – нету! Ни в Пушкинском доме, ни в Ленинградском историческом архиве – он тогда назывался ЛОЦИА, ни в Московском литературном музее, ни в Библиотеке имени В. И. Ленина, ни в Государственном архиве феодально-крепостниче-

³⁵⁴ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилии, т. I. СПб., 1886, с. 61–62, 64.

³⁵⁵ «Исторический вестник», 1911, № 2, с. 800–801; «Новое время», 1910, № 12490. «Письма Б. Марковича к гр. А. К. Толстому и др.». СПб., 1888, с. 119, 176.

ской эпохи (ГАФКЭ), ни в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), ни в Центральном государственном историческом архиве Москвы (ЦГИАМ), ни в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). А главное – пришел в Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, к Ивану Афанасьевичу Бычкову, который заведует отделением с 80-х годов – более полувека... Я ему:

– Иван Афанасьевич, у вас нету случайно записок Веры Ивановны Анненковой? Иван Афанасьевич, по обыкновению своему, схватив посетителя за руку, бежит, стуча каблучками, как ежик, маленький, скособоченный, подслеповатый, седенький, вокруг мраморного Нестора-летописца работы М. М. Антокольского, – и меня влечет за собой:

– Вас интересуют записки Веры Ивановны Анненковой, урожденной Бухариной?.. Как же, как же! Я знаю – интереснейшие записки! Общим числом пятнадцать тетрадей в белых бумажных обертках!.. Их у меня в отделении нет – не поступали ко мне...

И, выбросив мою руку из своей, дает понять, что аудиенция и консультация окончены.

Прошел, кажется, год, прежде чем я решился задать великому архивисту вопрос и пришел за этим к нему в отделение. Я все продумал и полагал, что очень тонко и политично наведу его на воспоминания об этих записках, о поступлении которых в рукописное отделение библиотеки он, по-видимому, просто забыл.

– Иван Афанасьевич, – начинаю издали, – я однажды вас спрашивал...

– Про записки Веры Ивановны? – как же! – И, послушав любезно и даже слегка хитровато и понимая, к чему я клоню:

– Я был знаком с ней, она читала при мне свои мемуары, которые, кстати, написаны ею по-французски. Была очень интересная собеседница. И удаляется, гремя связкой ключей, столь тяжелой, что онато и есть отчасти причина его кособокости. Не успел уехать из Ленинграда, как в Читальном зале библиотеки получаю записку: «Прошу пожаловать в Отделение к 11 часам. И. Бычков».

– Могу показать вам материалы об этих записках, – сказал Иван Афанасьевич, крепко ухватив меня за руку и снова таща к летописцу. – Просмотрите письма Надежды Ивановны Мердер к Сергею Николаевичу Шубинскому. Переписка

Шубинского переплетена по годам, а письма Мердер читаются очень легко: Надежда Ивановна страдала «пляской святого Витта», не держала пера и печатала сама на «Ремингтоне». Я просмотрел и сделал закладки. Прошу садиться за стол. Я сейчас принесу...

И затопал маленькими шажками – любезный, подслеповатый, седенький, накренившийся несколько вправо – титан познаний, доброжелательства, дружелюбия, щедрости, точный, обязательный, четкий. Отец его, А. Ф. Бычков, принял заведование отделением в 1844 году. Сын, сменивший его, умер в 1944 году, пережив блокаду, каждодневно приходя на работу! Сто лет работы на одном месте – двоих!

Он возвращается, хитровато-радушный, таща пять или шесть толстенных томов в кожаных переплетах с закладками:

– Желаю вам обнаружить записки Веры Ивановны!

Подождал за плечом, куда я начал читать, и поспешил к своему месту возле окна за огромным длиннейшим столом.

5

Вера Ивановна доживала свой век в Петербурге, на Гагаринской набережной, теряя постепенно связи с эпохами и людьми. Сверстники умерли. Уходило уже младшее поколение. Надвигался XX век. С ним у старухи не было ничего общего. По собственному ее признанию, она не жила – она при жизни только присутствовала.

А ясность ума, память, искусство увлекательного рассказа – все было прежнее. Ушло время. Не было собеседников. Слушали с уважением и с интересом – воспринимали, как далекое и чужое, то, что для нее по-прежнему было живым.

Тут представили ей Надежду Ивановну Мердер – шестидесятилетнюю даму, писательницу, выступавшую на страницах либеральных и консервативных журналов под псевдонимом «Н. Северин». В последнее время она стала усердно сотрудничать в «Историческом вестнике», который редактировал Сергей Николаевич Шубинский, Мердер с ним подружилась. Жила литературным трудом – писала исторические и бытовые романы, драмы, очерки и статьи.

Ее отец – отставной военный и богатый помещик Свечин, овдовев, отдал ее на воспитание свояченице Вере Николаевне Воейковой, дочери писателя и художника, свояка Г. Р. Державина, Николая Александровича Львова. Патриархальная дворянская старина радовала сердце Мердер, составляла ее идеал. Но, вступив в жизнь в 60-е годы, даже она испытала влияние времени – дружила с Ольгой Сократовной, с которой вместе училась в Саратове, знавала самого Чернышевского. С мужем – Мердером – рассталась в двадцать шесть лет и сама, без чьей-либо помощи, воспитала сына, который служил теперь в Петербургской конторе российского банка.

Трудная жизнь, болезнь, недостаток средств утомили ее и рано состарили. Но духовные интересы не угасали. И живее всего был интерес к отошедшим эпохам. Знакомство с Анненковой, воспоминания умной старухи, живые характеристики ее увлекли. Интерес, который выказывала Мердер, воодушевлял талантливую рассказчицу. Весною 1900 года Вера Ивановна выразила желание, чтобы Надежда Ивановна Мердер ехала с нею в харьковское имение Боброво.

Обширный дом, запущенный старый парк, огромная библиотека, которую собирали несколько поколений русских людей, привели старую журналистку в состояние душевного покоя. С помощью «барышень Анненковых» – внучек Веры Ивановны – она стала разбирать семейный архив. Переписка Бухарина с Аракчеевым, Анненкова с виднейшими военными деятелями 20–60-х годов, влюбленные письма Александра Тургенева к семнадцатилетней Вере Ивановне заинтересовали ее. А тут еще Анненкова предложила, что будет вслух читать ей воспоминания.

«Она пишет и про Пушкина, с которым была коротко знакома, и про Жуковского. Ну, про всех, одним словом, – сообщает Мердер Шубинскому в Петербург, перечисляя вслед за тем имена Паскевича, Горчакова, Волконского, Меньшикова, Адлерберга и Чернышева и других, со многими из которых ее муж находился в долголетней вражде. – Интересны подробности... про декабристов... Но еще интереснее рассказы, которыми она сопровождает свое чтение, и письма, подтверждающие ее слова»³⁵⁶.

Мердер приходит в голову перевести хотя бы в извлечениях на русский язык эти записки и напечатать их в «Историческом вестнике».

«Но вот беда, – жалуется Мердер на Анненкову, – она хочет отдать свои записки не тем двум внукам, которые с нею живут и страстно интересуются архивом, а одному из своих

³⁵⁶ Письмо Н. И. Мердер к С. Н. Шубинскому от 3 сентября 1900 года.

внуков, Струве, мальчику, воспитанному за границей и который путного из всего этого не сделает...»³⁵⁷

Шубинский предложение Мердер одобрил. И она берется за перевод. Запомним, – это будет иметь значение в дальнейшем, – что пишет она на машинке.

«Посылаю вам все, что мне удалось уже сделать, – сообщает она в том же письме редактору «Исторического вестника». – Крайне интересно, чтоб то, что я вам посылаю, появилось как отрывок в вашем журнале и как можно скорее, пока старуха еще жива»³⁵⁸.

Сын Мердер получил назначение в Варшаву. Она должна ехать за ним. Но Анненкова так приучила себя к мысли увидеть эти записки в печати при своей жизни, что готова одолжить оригинал даже в Варшаву: пусть переводит. А пока что Мердер высылает Шубинскому пятую часть записок...³⁵⁹

Нет, Анненкова заколебалась. Хочет отложить решение вопроса до возвращения своего в Петербург. Ей следует посоветоваться с дочерьми. Она уже говорит, что лучше печатать после смерти ее. «Но по всему видно, – сердится Мердер в письме, – что ей хотелось бы, чтобы это было при ней». «Перевод мой я дарю внукам Марье Михайловне и Вере Михайловне Анненковым, – продолжает она, – и сделаю так, чтобы он находился у вас весь сполна»³⁶⁰.

В Варшаве Мердер усердно продолжает заниматься этой работой и с первою же оказией посылает Шубинскому 175 страниц, а именно: «последние главы первой части, до 1848 года, и «Киев», – воспоминания 1864 года»³⁶¹.

«Многоуважаемый Сергей Николаевич, – пишет она, – завтра посылаю вам почтой рукопись, листов будет на десять печатных... Как я вам писала, мне остается перевести только самый конец да еще несколько глав от 1845-го до 1863 года»³⁶².

Значит, про Пушкина, про Лермонтова, про детство, про юность Бухариной Мердер перевела!

А еще через три недели сообщает, что, кончив работу, доставит оригинал внукам Анненковым, а перевод ему – Сергею Николаевичу Шубинскому³⁶³.

Делая перевод без предварительной рукописи – прямо печатая на машинке, – Мердер исправила и перебелила его. Это – два экземпляра. Один послала Шубинскому. Три. Один подарила внукам – Вере и Марье Михайловнам Анненковым. Это – четыре!

Далее наступает большой перерыв. В письмах Мердер к Шубинскому о записках «старушки» нет ни одного слова. Разговоры о них возобновляются два года спустя. Анненкова перенесла болезнь, которой даже подыскала название: «временное отсутствие». Это уже 1902 год. Февраль³⁶⁴. А 16 апреля бедная Вера Ивановна «потеряла надежду, что ей позволят напечатать ее воспоминания»³⁶⁵. Дочери – фрейлина Нелидова и графиня де Вогюз категорически запретили Мердер настаивать на этом и дали понять ей, что ее разговоры пагубно отразились на здоровье их матери. «Ее держат, как заключенную, – жалуется Мердер Шубинскому, – не оставляют подолгу с теми, кого она любит, и она сама сознавалась мне, что должна принимать особенные меры, чтобы отсылать письма, кому ей хочется. Какой

³⁵⁷ Письмо Н. И. Мердер к С. Н. Шубинскому от 3 сентября 1900 года.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Письмо от 18 сентября 1900 года.

³⁶⁰ Письмо от 29 сентября 1900 года.

³⁶¹ Письмо от 1 декабря 1900 года.

³⁶² Письмо от 6 декабря 1900 года.

³⁶³ Письмо от 25 декабря 1900 года.

³⁶⁴ Письмо от 23 февраля 1902 года.

³⁶⁵ Письмо от 15 апреля 1902 года.

ужас, дожить до девяноста лет, оставаясь в полной памяти и имея возможность сознавать всю мерзость окружающей жизни»³⁶⁶, – пишет Мердер в отместку за те упреки, которыми осыпали ее Вогюэ и Нелидова.

«Вот и дорогой моей старушки нет на свете», – начинает она письмо от 12 мая 1902 года. И обещает Шубинскому продолжить работу – перевести последнюю часть, «если попросят».

«У Бухарина коротенький некролог появится в «Новом времени»³⁶⁷.

Каков Масанов! И что значит библиография! Какая точность астрономическая при выяснении вопроса об «астрониме»! Бухарин один только раз выступил в «Новом времени», и под его статьей поставили звездочки, которыми в этот момент никто из постоянных сотрудников не подписывался!

«Вдовствующая» императрица – мать Николая II – спрашивала у «барышень Анненковых» про записки покойной и просила ей дать их прочесть. Но ужас! Барышни пишут Мердер в Варшаву:

«Оригинал еще у нас, но мы должны по завещанию бабушки передать его нашему двоюродному брату Борису Струве»³⁶⁸.

Борис Струве увозит его за границу!

Юридически оригинал принадлежит Струве, – волнуется Мердер. – А перевод? Он сделан по желанию Веры Ивановны и подарен, с ее ведома, внучкам. Однако им кажется, что издание записок уже невозможно. А ведь они обмышляли, какой из портретов бабушки приложить к мемуарам...³⁶⁹

На этом переписка об издании интереснейших этих записок кончается.

В 1904 году Мердер поселилась в Москве. Дружила с Петром Ивановичем Бартеневым. Имела возможность пользоваться «богатейшей библиотекой Румянцевского музея», откуда ей все присылали на дом. Она умерла спустя две зимы – в марте 1906 года. Между прочим, после нее тоже остались воспоминания³⁷⁰.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Письмо от 26 мая 1902 года.

³⁶⁸ Письмо от 6 июня 1902 года.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ «Исторический вестник», 1906, № 3. Некролог Н. И. Мердер.

6

Надо искать архив Мердер. Он мог попасть в Румянцевскую (ныне Ленинскую) библиотеку.

Не попал.

В Пушкинском доме... В Публичной библиотеке... В Литературном музее в Москве... В Историческом музее...

Нет.

Извлечения из записок Анненковой мог взять Петр Иванович Бартенев...

Не взял. Во всяком случае, подтверждения мы не находим.

Значит, два экземпляра машинописи – черновой и перебеленный – нам недоступны или, еще вернее, пропали. А где два других?

Экземпляр, принадлежавший внучкам старухи, хотела читать «вдовствующая» императрица. Надо искать в дворцовых архивах.

Не нашел. Стало быть, читать, очевидно, не дали, а увезли с собой за границу.

Экземпляр, посланный Шубинскому, предназначался в набор. Архив «Исторического вестника» не сохранился. Личный архив редактора – С. Н. Шубинского – цел. Он распался на части. Одна – в Пушкинском доме. Другая была в Библиотеке Академии наук в Ленинграде и поступила оттуда в тот же Пушкинский дом. Часть – в Публичной библиотеке, часть в Историческом архиве Ленинграда. Машинописных копии перевода там нет. Очевидно, никому в голову прийти не могло, что это – ненапечатанный оригинал ценнейших записок. Подумали, что какая-то копия. И как должно не отнеслись.

Все перерыл! Знаю, о чем записки. Знаю, как интересны записки. И все, кто слышат про них, думают то же самое. А найти не могу!

Ехал как-то «Стрелой» из Ленинграда в Москву в одном купе с Цявловским Мстиславом Александровичем и с женою его Татьяной Григорьевной – крупнейшими пушкинистами. Рассказываю им про Мердер, про Анненкову, про то, как Пушкин, встретив ее (в ту пору еще Бухарину) в Москве, на балу, в доме Голицына, напомнил ей эпизод ее детства.

Когда его выслали из Петербурга в 1820 году и он оказался в Киеве, где ее отец был губернатором, он, принятый в доме, их, «как родной», часто спасался от гостей в детскую, где она – Вера Бухарина – с братом учила уроки. И там, следя за тем, как они повторяли по французской книжке урок географии, Пушкин был поражен названием сибирской реки, о которой прежде не слышал: «Женисеа»?..³⁷¹

Я говорю очень громко. Цявловский вполголоса бурно меня поощряет, Татьяна Григорьевна сконфуженно уговаривает нас не шуметь и пожалеть четвертого пассажира. В пятом часу ночи сосед свесился с полки:

– Товарищи! У меня будет к вам просьба! Нельзя ли говорить погромче? Я не расслышал про Пушкина!

А записок нет, как и не было! А главное, там про Лермонтова! Ведь Анненкова хорошо знала его. Лермонтов навещал их. Могут оказаться совершенно неизвестные факты...

Спросил как-то году в тридцать восьмом у писателя генерал-лейтенанта Игнатьева Алексея Алексеевича:

– Вы Анненковых в Париже не знаете?

– Кого? Веру и Марью? Да были такие: познакомили когда

то еще в Петербурге. А что тебе от них надо, Андроников? Объясняю.

³⁷¹ «Новое время», 1902, № 9435.

– Нет, не могу сказать, живы ли даже. Кажется, умерли. А ты что? Писать им собрался? Во Францию или на тот свет? По-моему, сейчас не момент!

Время идет. Нет-нет да и принимаюсь снова за поиски. То в Ленинграде ищу, то в Москве. Не выходят из головы фамилии лиц, причастных к этим запискам. Пойду к каталогу в архиве совсем по другому делу – рука тянется к карточкам: Анненкова, Струве, Нелидовы, Мердер, Бартенев, Шубинский...

Одна из «барышень Анненковых», как значится в адресной книге «Весь С.-Петербург на 1917 год», – вице-президент трудолюбивого общества «Муравей». Где архив «Муравья»? Где бумаги Нелидовых? Где архив Вогюэ? Он занимался русской литературой... Французского оригинала я не ищу. Он где-то за рубежом. Но где? Борис Кириллович Струве, которому записки достались, скончался в 1912 году молодым. К кому перешли его бумаги, сидя в Москве, не выяснишь.

Не было года, чтобы прекратил поиски. Четверть века перебирал в памяти и воображении, как залежалые зерна, фамилии, искал новых путей к утраченной рукописи.

1961 год. Путешествую с писательской делегацией по Лондону. Спрашиваю у парижанки, которая теперь живет в Англии, – она сопровождает нас и ездит с нами в автобусе:

– Не знаете ли вы каких-нибудь Струве – не в Соединенных Штатах; там печатают выпады против советской литературы Глеб Струве. Нет, других, живущих где-нибудь в Голландии, Франции, Бельгии...

– Да, в Париже живут. Только я не знаю их адреса.

7

Летом 1962 года еду в Москву из дачного городка Переделкино. Один известный писатель останавливает, просит подвезти его гостью:

– Пожалуйста!

Дорогой выясняется, что гостя преподает в Париже русский язык.

– А вы, случайно, – спрашиваю, – там Струве не знаете?

– Ну еще бы: Петра и Никиту. Давайте я запишу вам адрес. «Рю Клод Дэкаэн... доктор Пьер Стрюве...» На всякий случай и телефон, если попадете в Париж – сможете ему позвонить... Впрочем, зачем вам адрес и телефон, когда есть возможность поговорить с Петром Алексеевичем лично. Он – крупный хирург, прибыл в Москву на Онкологический конгресс и живет сейчас в «Ленинградской» гостинице. Между прочим, сегодня он, кажется, уезжает. Позвоните ему – вы успеете выяснить все вопросы. А я как раз направлялся в Иностранную комиссию Союза писателей. Рассказываю там.

– Зачем звонить, – говорят, – поезжайте немедленно. Пропустите случай.

Ожидаю в холле на этаже. Господин Стрюве еще не пришел.

Наконец появляется – приятной внешности, невысокий, неторопливый, обстоятельный, лет под сорок, со светлой русской бородкой чеховского фасона.

Называю себя. Здоровается очень приветливо. Оказывается, даже читал мою книжку.

– Неужели, – удивляется он, – мы тоже становимся персонажами ваших историй?

– Это будет зависеть от вас.

– В чем же дело?

– Была такая Вера Ивановна Анненкова...

– Бабка моей двоюродной тетушки, урожденной Струве, – уточняет Петр Алексеевич.

– После нее остались интереснейшие записки...

– Знаю. То есть я их не читал, но знаю, что они существуют.

– Существовали... Она завещала их своему внуку Борису Струве.

– Борису Кирилловичу? Это мой дядя, вернее, двоюродный брат моего деда... Но ведь он... давно умер.

– Он умер в двенадцатом году?

– Да, совершенно верно.

– А куда же делись записки?

– Об этом лучше всего могла бы сказать Мария Кирилловна Шевич. – Мария Кирилловна?

– Именно. Это родная сестра Бориса Кириллыча – моя тетка.

– Простите... а разве Мария Кирилловна...

– Жива в высшей степени! Бодра, обладает незаурядной памятью, несмотря на преклонный возраст, сохранила живой интерес ко всему... Я спрошу у нее. И почти убежден, что вы получите эти записки. Если только они уцелели и принадлежат действительно ей, я вышлю их вам с ближайшей почтой!.. На всякий случай давайте я запишу все это и справлюсь...

– У внучек Веры Ивановны – Анненковых, – продолжаю я свою песню, – был русский перевод извлечений из этих записок...

– Понимаю: речь идет о двоюродных сестрах Марьи Кирилловны... Вернее, может идти об одной: Марья Михайловна умерла, если не ошибаюсь, в сорок втором году. Что касается Веры Михайловны, то она, насколько я знаю, более или менее утерjala рассудок, и думаю, разговор с ней вряд ли к чему-нибудь приведет. Впрочем, по приезде в Париж я выясню все, что интересует вас, и тотчас сообщу.

– Буду вам очень обязан. Через несколько времени получаю письмо: «Имел сегодня длинный телефонный разговор с Марьей

Кирилловной Шевич, из которого выяснил:

1. Французский оригинал воспоминаний В. И. Анненковой остался в России. Борис Кириллович Струве скончался не за границей, как вы предполагали, а в Петербурге, в 1912 году. Рукопись воспоминаний была помещена его старшей сестрой, Верой Кирилловной Мещерской, в сейф. Что касается точного местонахождения сейфа, Мария Кирилловна точных данных не имеет, но как будто существуют только три возможности:

а) Государственный банк. Самое вероятное местонахождение. б) Международный банк. в) Сейф Елены Кирилловны Струве (в замужестве Орловой), на Галерной, 75.

2. Об извлечениях на русском языке М. К. Шевич никогда не слыхала. Боюсь, что розыск сейфа будет более чем трудной задачей, т. к. 45 лет тому назад с сейфами обращались не очень бережно».

Кладу письмо – снимаю с полки описание фондов Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. Открываю на слово «Банки».

Неплохо! Около двухсот тысяч единиц хранения в разделе «Государственный банк», около ста тысяч в разделе «Международный банк», а кроме того, частные банки...

Лечу в Ленинград. Прошу разрешения ознакомиться с описью материалов, извлеченных из банковских сейфов в 1917–1918 году. Ищу французский оригинал записок – оригиналато я не искал!..

Нет оригинала.

Собирали работников ленинградских архивов, рассказываю, жалуясь, призываю помочь...

Нету!

Вернулся в Москву – на столе письмо из Парижа. От Струве!

«На днях навестил Веру Михайловну Анненкову. Она доживает свой век в старческом доме под Парижем – ветхая и совсем больная старушка. Соображает она весьма худо. Рукописи у нее нет, но... может быть, и была. Одна наша общая знакомая помнит, как несколько лет назад Вера Михайловна предлагала ей прочесть воспоминания бабушки. Это чтение так никогда и не состоялось. В то время она жила на собственной квартире в Париже. В старческий дом она переехала приблизительно три года назад. По всей вероятности, все ее бумаги перешли к одному из ее племянников. Может быть, среди них находился русский перевод мемуаров... Не кажется ли Вам забавным, что Вы ищете французский оригинал в России, тогда как я во Франции ищу его русский перевод?!»

«Вы ищете?!.. А я даже не знаю, как приступить к поискам. Хоть и уверен, что записки лежат где-нибудь без движения. И кто-то знает о них, но не имеет представления ни о том, что они нужны мне, ни о том, что написано в них.

Решаю рассказать по телевидению эту историю, а по ходу передачи спросить: «Не знает ли кто-нибудь из вас, товарищи телезрители, о судьбе этих записок?»

Однажды я уже обратился за помощью к телезрителям, получил двадцать шесть советов – по телефону и в письмах, и следы человека, которого искал четырнадцать лет, нашел в один день.

Звоню редактору Литературно-драматического вещания Наталье Николаевне Успенской.

– Сколько времени понадобится вам для рассказа? – спрашивает она, уже согласившись.

– Точно не знаю. Сегодня встречаюсь с читателями и сотрудниками Исторической библиотеки и, рассказывая им эту историю, буду глядеть на часы. А завтра сообщу.

Приехал в библиотеку. Начинаю рассказывать... Еще не кончил – директор, рядом со мной сидящий, кладет на стол развернутую записку:

«Не уходите, я знаю, где мемуары Анненковой».

Встреча окончилась – знакомят: Шифра Абрамовна Богина – лет тридцати с небольшим, очень скромная, очень интеллигентная.

– Эти записки в ЦГАДА. – говорит она, взволнованная не меньше меня. – Я работала там по договору – обрабатывала документы из сборных личных фондов самого разного времени. И несколько лет назад описала рукопись Анненковой. Она жена генерала? Французская рукопись?.. Там!

В ЦГАДА?! В архиве древних актов, где хранятся столбцы времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича?! Куда я ходил много раз – в 30-х годах и в 40-х! Хотя там их и быть не могло и ходить туда было незачем. А ходил! В последний раз, кажется, в 51-м году! Непостижимы судьбы архивные! Кто мог подумать!

Приехал на Пироговскую, дом 17. Сколько раз входил я в этот подъезд!

Меня уже ожидают сотрудники, ожидают записки – Богина предупредила по телефону. Вот они – в белых бумажных обложках. Пятнадцать. Твердым почерком. По-французски: «La vérité, rien, que la vérité» – «Правда, и только правда»³⁷².

Вы думаете, я обрадовался? Нет! Я так привык искать эти записки, что мне показалось, будто у меня что-то отняли.

Но мало-помалу эта пустота стала заполняться содержанием записок.

Они интересны. Очень. Очень обширны. В них более семисот листов. Привести их здесь полностью невозможно. Даже в пространных выписках. Это придется сделать отдельно. А сейчас в переводе Л. В. и Н. В. Классен я процитирую те страницы, на которых Анненкова ведет рассказ о Пушкине, о Лермонтове, о Москве начала 30-х годов, об атмосфере, в которой возникли те новогодние мадригалы и эпиграммы, с которых мы начали этот рассказ.

³⁷² ЦГАДА, из коллекции «Сборный личный фонд». Фонд В. И. Анненковой.

8

Прежде всего остановимся на эпизодах, связанных с именем Пушкина, которого, как уже было сказано, Вера Бухарина впервые увидела в Киеве, в доме отца своего, занимавшего пост губернатора.

«...возвращаясь к воспоминаниям детства, связанным с Киевом, – пишет она. – Из смутных воспоминаний прошлого полнее всего сохранилось впечатление от прекрасной Андреевской церкви, расположенной на горе и более поэтичной, чем в настоящее время: тогда она одна выделялась на небесной лазури и казалась устремленной ввысь; ее не принижало еще соседство дома Попова, новой «Десятинной» церкви и дачи Андрея Муравьева – этого «Андрея Незванного», который явился заменить «Андрея Первозванного», как об этом сказал с насмешкой один злой шутник.

Губернаторский дом находился на Липовой улице – более прекрасных лип я на свете не видела; их заставил срубить безжалостно один губернатор. Я никогда не могла постигнуть этот акт вандализма со стороны человека, оказавшегося цивилизованным варваром, – это граф Левашов³⁷³.

Мой отец и мать широко принимали, киевское общество в эту пору было очень приятное, и я хорошо помню некоторых постоянных посетителей нашей гостиной.

Это – предводитель дворянства граф Олизар, граф Ходкевич, братья Муравьевы-Апостолы (тот, который был повешен, и другой, которого сослали в Сибирь по делу 14 декабря). В ту пору оба они были переведены в армию, когда прежний Семеновский полк раскассировали и они служили в полку, расположенном в Белой Церкви.

Молодой поэт Пушкин был сослан за стихи в Киев, и он говорил, что «язык его довел до Киева и, может быть, даже за Прут» (эта фраза в подлиннике по-русски. – *И. А.*).

Мой отец, обязанный за ним наблюдать, просил его для облегчения этого дела считать губернаторский дом своим. Молодой поэт поймал его на слове и проводил свою жизнь у нас.

Бестужев-Рюмин, князь Волконский, прозванный «Бухна» (в подлиннике по-русски. – *И. А.*), Капнист, сын поэта, наш сосед по деревне, с которым мои родители были близко связаны, тоже очень часто приходили в салон, где в дни больших приемов встречали элегантных, красивых полек.

Между ними особенно вспоминаю мадам Ганскую, урожденную Ржевускую (Анненкова по ошибке написала ее фамилию «Ржеванская». – *И. А.*), которая была «Лилией Долины» Бальзака и на которой знаменитый романист женился впоследствии, когда она находилась уже на склоне лет, а в пору первых моих впечатлений ей, красивой, как ангел, было 17 лет.

Она была женой человека малоприятного, с мрачным расположением духа.

Из наиболее близких к нашему дому вспоминаю Раевских – семью командира корпуса, командующего войсками генерала Николая Николаевича Раевского. Сад губернаторского дома был у нас общим для двух домов, и мы часто видели генерала. Сын генерала Раевского несколько раз приходил присутствовать на моих уроках; это он – «Демон» Пушкина, о котором поэт сказал:

На жизнь насмешливо глядел
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел...

³⁷³ Впоследствии эта улица называлась Левашовской. – *И. А.*

(стихи в подлиннике по-русски. – *И. А.*).

В ту пору мне было около восьми лет...»³⁷⁴

Время, о котором пишет здесь В. И. Анненкова, определено очень точно.

В первый раз сосланный на юг Пушкин прибыл в Киев в середине мая 1820 года, остановился у Раевских и через день или два отправился дальше в Екатеринослав – к месту ссылки³⁷⁵.

Мог ли он за такой короткий срок пребывания в Киеве познакомиться с губернатором Бухариным и даже зайти в детскую комнату, где восьмилетняя девочка старалась запомнить название сибирской реки «Женисеа»?

Много времени на это не требовалось, тем более что дома Раевских и Бухариных стояли в одном саду. Во всяком случае, утверждение Веры Бухариной, что это было в 1820 году, опровергнуто быть не может.

Второй раз Пушкин побывал в Киеве «на контрактах» – то есть во время киевской ярмарки, в конце января – начале февраля 1821 года³⁷⁶.

Вот в эти-то две недели, остановившись опять у Раевских, Пушкин и «проводил свою жизнь» у Бухариных. «В ту пору мне было около восьми лет», – пишет Анненкова. Она родилась 2 июня 1813 года. В начале февраля 1821 года ей было около восьми лет. Все совершенно сходится!

Анненкова вспоминает Эвелину Ганскую, урожденную графиню Ржевускую, ставшую впоследствии женой Оноре де Бальзака, которой было в то время семнадцать лет.

Эвелина Ржевуская родилась в 1803 году. В 1820-м, когда Бухарина назначили киевским губернатором, ей было семнадцать лет. Все очень точно!

Среди тех, кто посещал салон ее родителей, Анненкова выделила (вероятно, видела их чаще других!) крупнейших деятелей декабристского движения, руководителей Южного общества – Сергея Муравьева-Апостола и его «неотступного приятеля» Михаила Бестужева-Рюмина. В 1821 году оба служили в Полтавском пехотном полку в Белой Церкви, переведенные из раскассированного Семеновского полка³⁷⁷. Брат Сергея Ивановича Матвей Муравьев-Апостол, один из виднейших участников Южного общества, жил тогда в Киеве, состоя адъютантом при военном губернаторе Малороссии Репнине³⁷⁸. Генерал-майор Сергей Григорьевич Волконский, за которым закрепилось прозвище «Бюхна», накануне второго приезда Пушкина в Киев был назначен бригадным командиром 19-й пехотной дивизии, расквартированной в Умани³⁷⁹.

³⁷⁴ Тетрадь 1, лл. 53–59.

³⁷⁵ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1951, с. 220.

³⁷⁶ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1951, с. 275–277.

³⁷⁷ «Восстание декабристов». Материалы, т. VIII, «Алфавит декабристов». Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. М., 1925, с. 281, 359–360.

³⁷⁸ Там же, с. 358–359.

³⁷⁹ «Алфавит декабристов», с. 297–298.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.